

Нас двадцать пять миллионов.
Мы большая и дружная семья.
Мы растем
умелыми,
ловкими,
смелыми.

ПИОНЕР 6

ИЮНЬ • 1972 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вся страна праздновала пионерский юбилей.
Вся страна поздравляла юных ленинцев.

Пионеры дали
торжественную клятву:
доверие Родины—оправдать,
доверие Партии—оправдать!
Быть смелыми, стойкими!

Позади—пятьдесят пионерских зарниц! Впереди— новые победы, и старт им дает пионерское лето.

ПИОНЕРСКОЕ ЛЕТО — лето Слета, лето Новых Дорог, Новых Дел, Новых Открытий— ЗДРАВСТВУЙ!

В большое летнее странствие по волнам — морским, речным и океанским — сквозь штормы, льды, туманы и тихое, ясное безветрие зовет нас с тобой журналист **СЕРГЕЙ ИВАНОВ. Пять тысяч миль пути.** Новые земли. Города и люди. **Собирайся поскорее!**

Безбрежный таежный край... На небольшом острове, что посреди реки Каменки,— люди, рядом с ними какие-то громоздкие аппараты. Это ленинградские ученые, и среди них писатель **ЮРИЙ СОТНИК.** Зачем они здесь? Что делают в глухой тайге? Читай очерк Ю. Сотника **«Неугомонные».**

Сегодня ты гость в доме, где живут твои добрые друзья. Они говорят на разных языках, но они одна семья. Ты поймешь здесь всех. И тебя поймут тоже. И не только потому, что журналист **ОЛЕГ ТИХОМИРОВ** будет вашим переводчиком. **Хозяева этого светлого, доброго дома — твои единомышленники.**

Легкая, послушная машина карт разрывает встречный ветер. Их строят, на них мчатся, обгоняя друг друга, ребята, такие, как ты.

Снимается фильм «Облака». Приготовились!.. Мотор! Съемка!' **Актеры, художники, операторы — твои ровесники.** Студия так и называется **«РОВЕСНИК».**

Крепкие стебли пшеницы поднимаются, набирают силу. Все кругом не нарадуются.

Фотография В. ПОСТНИКОВА
Рисунки А. БОРИСОВА.

Пшеница не страшится болезней, засухи, дождя, ветра. Новый сорт обещает дать богатырский урожай. Его выращивают и испытывают ребята из Макеевки. **Хочешь познакомиться с ними? Пожалуйста!**

Праздник непослушания начался хорошо. Просто замечательно было на празднике. Но что случилось потом... О, тут-то, пожалуй, и ждет тебя самое неожиданное...
Ты попадешь в самую гущу необыкновенных, удивительных событий, когда начнешь читать новую сказочную повесть **СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА**, которая называется **«Праздник непослушания».**

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮНЬ 6

Издательство «Правда»

Москва 1972 г.

Пять тысяч матросских

Сибирским рекам нужны суда. Их строят на Волге, на Балтике. Или на верфях наших соседей — социалистических стран. Но как доставлять в Сибирь новые теплоходы?

Теплоходы для того и сделаны, чтобы плыть. Реки для них, как шоссе для автомобилей. Реки — да, озера — хорошо, каналы тоже. Но моря? Смогут ли речные корабли пробиться сквозь штормы, льды, туманы, ураганные ветры? А стотонные кувалды волн?

И все-таки судоводители сказали: «Сможем!» Так возникла единственная в мире Экспедиция специальных морских проводок речных судов.

На одном из новых теплоходов совершил путешествие в Сибирь наш корреспондент Сергей Иванов. Он работал на судне матросом. Начало пути его было в Измаиле, на Дунае, конец — в Якутске, на реке Лене. Судно называлось озерный толкач «ОТ». «ОТ» коренастый, крепкий, сильный. Впереди у него что-то вроде двух башенок. Моряки называют их «рогами». Ими толкач упирается в корму той баржи, которую надо буксировать. А сзади у толкача мощная лебедка, и на ней мощный трос. На этом тросе он тянет несамоходные суда по озерам, когда поднимается большая волна и толкать нельзя.

Посередине теплохода, ближе к носу, стоит широкая четырехэтажная башня. Это жилая надстройка. Здесь каюты, подсобные помещения. Наверху рулевая рубка. Взгляни-ка теперь на все судно сразу. Как хорошо сочетается белизна его труб и жилой надстройки с темной зеленью бортов! Как оно мощно и уверенно режет воду! Просто обидно, что не ты сам был на нем матросом!..

Вернувшись из экспедиции, Сергей Иванов написал рассказы о своем путешествии. Здесь вы прочитаете некоторые из них.

Сергей **ИВАНОВ**

Рисунки П. **БАГИНА.**

Ночная вахта

Эти сутки ночную вахту стоим мы с Колей. Он — с восьми вечера до двух ночи. Я — с двух до восьми утра.

Коля на флоте не первый год. Он очень хорошо знает, каково это — вставать ни свет ни заря. Поэтому старается разбудить меня поаккуратней, помягче:

— Слышь, Серега. Се-ре-га!.. Слышь, чего говорю... Там луница знаешь какая? С бочку!.. Честно! Я в кеповский бинокль смотрел, горы видно!

Коля знает мою страсть к астрономии.

Я просыпаюсь:

— А лунохода там случайно не заметил?

— Так он же еще вчера на другую сторону уехал.

— Жалко... Сколько времени?

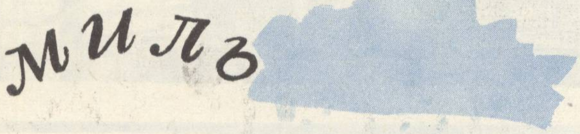
— Без четверти два.

— Ладно, сейчас встаю.

Рулевая рубка на самом верху. Я шагаю туда, стараясь не очень громыхать на трапе. Но крепкие наши судовые ботинки явно недолюбливают тишину.

В рубке мы обмениваемся с Колей традиционными шуточками. Он мне рекомендует разгонять туман шваброй, а я осведомляюсь, не закончил ли он окраску траверза [1]. С тем и расстаемся.

В рубке полутемно, ее освещают только отблески сигнальных огней, разбросанных по судну там и сям, да еще луна. Из полумрака выступают приборы, которыми заставлена вся рубка. Это локатор — ночные глаза судна; это эхолот, он определяет глубину, вовремя подсказывает о коварно подкравшейся мели. Это радиопередатчик, компас... Но сейчас стоянка и приборы спят вместе со всем судном.

Из рубки можно выйти на верхнюю палубу. Это как бы два небольших балкончика — по левому и правому борту, висящих на почти двадцатиметровой высоте. С левого борта надо всем царствует огромная — действительно величиной с бочку — апельсиновая луна. Стоит только поднести к глазам бинокль, как на луне проступают горные цепи, черные тени от них и едва заметные, паутинные отсюда окружности гигантских лунных цирков.

По правому борту раскинулось туманное озеро ростовских огней. В бинокль я читаю разноцветные неоновые надписи крупных магазинов, кафе. А чуть в стороне, пониже, ближе к Дону, слышен ростовский порт. Медленно проплывают тяжелые железные звуки, что-то командует по радио диспетчер. Спит город, спят на рейде суда. Только порт день и ночь несет свою вахту.

Если судно стоит на рейде, вахтенный матрос большую часть времени должен находиться на верхней палубе или в рубке. Отсюда удобней вести наблюдение: не подходит ли к нам какой катер или шлюпка, не подают ли с берега сигналов, не сорвало ли якорь усилившимся ветром. Сейчас все спокойно: штиль, тишина, река пустынна. Решаю пройти по нижним палубам и проверить бортовые сигнальные огни. Это тоже моя обязанность. И еще, честно говоря, в сон клонит. С трех до пяти — самое опасное время.

По внешнему трапу спускаюсь на шлюпочную палубу. Поручни мокрые — все в крупной росе. И посвежело, в стеганой фуфайке не жарко. По левому борту на тонких стальных тросах висит наш разъездной катерок, по правому — тяжелый пузатый шлюпбот.

Прямо под шлюпочной «машина», машинное отделение. Сквозь большие продолговатые иллюминаторы, капы, заглядываю вниз. Вот оно, сердце судна — два двигателя по тысяче лошадиных сил. Сейчас они молчат, но все равно за ними нужен уход. Дима, вахтенный моторист, стоит у правого движка, трет его темно-зеленый бок чистой ветошью. Тут же лежат длинноносая отвертка, разводной ключ.

По трапику всего ступеней в пять спускаюсь на корму. Отсюда видны почти все огни, какие должны гореть у нас на судне. Только носовых не видать, потому что они за жилой надстройкой. Еще несколько ступеней вниз, и я на главной палубе, иду мимо машинного отделения, мимо жилой надстройки и попадаю на бак. Носовые горят исправно... Нет, что такое? Свет вроде у них странный. Какой-то слишком маслянистый. Приглядыва-

[1] Траверз — направление, перпендикулярное курсу корабля.

юсь: в плафонах вода! А лампочки внутри горят. Но это, конечно, до поры, до времени. Надо непременно по вахте передать, что в носовые огни вода попала. Сейчас-то, среди ночи, их тушить нельзя.

Мне, признаться, даже приятно смотреть на эту воду в плафонах, воду крутой черноморской волны... Вспоминается мне буйный весенний Дунай, то желтый, то коричнево-молочный, словно кофе. Низкие, лежащие вровень с рекою берега по-южному густо-зелены. Ветерок оттуда расцвечен прекрасными весенними запахами. Это — самое начало нашего рейса и самое начало моей флотской жизни.

Потом было Черноморье. Вблизи крымских берегов я торжественно прошел ритуал морского крещения. Купали меня в штиль, но уже к вечеру мы попали в лапы неизвестно откуда подкравшегося шторма — не очень страшного, но вполне серьезного... на первый раз. Здесь крещение получило и наше судно. Оно ведь тоже было еще «салагой»: всего полтора месяца, как с венгерских стапелей. Вот тогда-то и попала вода в носовые огни...

У входа в «машину» меня ждет Дима. Мы стоим, облокотясь на фальшборт, говорим о разных разностях. Флотская жизнь быстро сближает людей: все у нас общее — работа, усталость, телевизор, по которому смотрим футбол, стол, за которым едим, наше судно. Еще месяц назад мы с Димой даже не знали друг друга. А теперь вот друзья, «корефаны».

Ночь заметно отступает. По реке, по раскинувшимся зеленым берегам словно растекается светлый туман. Звезды погасли, луна убралась восвояси, небо бледной-бледной синевы. Теперь хорошо виден Ростов, могучие купы деревьев, лавины домов как бы стекают с высоких донских холмов.

Ростов — город южный, главные цвета его белый и зеленый. Только порт выделяется темным пятном: жирно чернеют горы каменного угля, щебня, гальки, и рядом какие-то контейнеры, стройматериалы, машины, лес. Из тьмы выползают портовые краны. Они похожи на стальных динозавров.

Небо над городом разгорается. Пора тушить бортовые огни. Иду на корму и бегом по трапам, по трапам в рубку. По трапам на судне ходить не полагается — только бегать!..

Огни выключены. Хотя до конца вахты далековато и дела у меня кое-какие есть по судну, но это потом. Пока можно полюбоваться восходом, золотым, еще не ослепительным солнцем, которое из-за горизонта выбралось прямо на широкий проспект, идущий сверху к реке. Я еще не знаю, как он называется: мы подошли к Ростову только вчера вечером, увольнений на берег не было. Высоко над рекою висит мост, словно вышитый на ярком небе стальной черной нитью. Рядом немного угрюмое огромное здание, похожее на крепость. Это элеватор, их много на Дону. Элеваторы да обрывистые берега, где хорошо виден толстый слой чернозема,— верные признаки донского пейзажа.

Начало седьмого. Ко мне подкрадываются вторая усталость и сон. Солнышко припекает, уже и в одной рубашке хорошо, уже высохла роса, и железные ступени трапов теплые. Голова становится стеклянной, и по телу бродит сладчайшая истома. Кажется, закрой глаза, и полетишь, полетишь... Но не затем я шел сюда, чтобы спать на вахте!

Без четверти семь иду по внутренним трапам вниз проверить, поднялась ли кокша. По нижнему коридору плывет, дразнит матросский нос чудный запах кофе. Толкаю камбузную дверь:

— Доброе утро, Анна Прокофьевна!

— Доброе утро, морячок! Как на вахте выспался?

— Лучше не бывает!

«Морячком» кокша меня величает в том смысле, что я, мол, только еще начинаю флотскую жизнь, а она уж и в Средиземном была, и в Атлантике, и в Красном море, и по сибирским рекам ходила. Ладно, приходится молчать.

За час до подъема флага, то есть в семь, я начинаю приборку. Это неписаный флотский закон: вахтенный должен сдать судно чистеньким. Выхожу на нижнюю палубу, купаю, полоскаю в Дону «машу» — так моряки зовут швабру. А какая она, судовая швабра? Деревянная ручка метра полтора, на конце пучок тонких веревочек «кабалок». С «машей» в руках отправляюсь на самый верх. Сначала надо рубку продраить, а потом коридор за коридором, пойду вниз. После каждого коридора «машу» надо купать заново! Еще я прихватываю кусок белой ветоши: если встретится пятно на переборке, надо и его

уничтожить. Переборочки у нас светло-зеленые, блестящие, пластмассовые. Каждое пятно на виду, как на совести!..

Работа у меня хорошая, да и приятно размяться после ночи. Швабра весело гуляет по коричневому линолеуму коридоров, вылизывает все углы. Это я называю про себя «экскурсия по судну». В самом деле, праздным глазом его не выучишь, не поймешь. И не полюбишь. А вот так — с «машей» под ручку или со шлангом и щеткой, когда моешь палубы и корпус,— так оно получается как-то доходчивей.

Поначалу мне очень трудно было привыкнуть к судну. Особенно к тому, что все здесь железное. Целый железный остров! Деревянные предметы наперечет: рейки по переборкам, буфет в кают-компании, корпус телевизора, два-три ящика на корме — вот едва ли не все! А железо на судне какое-то особенно флотский. Это капитан поймет, и боцман, и любой здешний.

Нелегко стать моряком, но, став им, уже не хочется быть никем иным.

Вот о чем я думаю, пока «маша» моя додраивает последний — самый нижний — коридор. Моряки шутят: «Швабра все вымоет!» Оно так и есть!..

И вдруг в затылок мне остро клюет страшная мысль: «Флаг! Забыл флаг!» Гляжу на часы — без двух восемь. Слава богу! Еще не опоздал! Мчусь на шлюпочную, к флагштоку. Судовой закон строг: флаг поднимают ровно в восемь. По флагу на флоте проверяют часы.

Вот я на шлюпочной палубе. Семь пятьдесят девять, восемь! Самая приятная работа на судне — подъем флага. Это даже и не работа, а как бы награда матросу после ночной тяжелой вахты. Такую легкость чувствуешь

Кончилась моя ночная вахта. Теперь умываться и завтракать. И спать.

А это и есть наш озерный толкач — наш новый дом.

твердое, ребристое, угловатое. Много я себе синяков наставил, прежде чем научился с ним дружить. Помню, ребята все шутили, когда я сердито тер очередную шишку:

— Что, Серый, опять чуть-чуть не ударился?..

Медленно, очень медленно судно становится твоим домом. Но вот ты уже больше не путаешь бак и корму, не обзываешь концы веревками, а иллюминатор окном, вот выучиваешься мыть руки в солярке и со спокойной душою мажешь свежие ссадины тавотом: «заживает лучше». Вот уже с закрытыми глазами можешь пройти по любому маршруту. Вот, наконец, когда тебе говорят о твоем судне: «Хороший пароход, только слишком много белого» (что, мол, мыть надо часто), ты думаешь про себя: «Лентяй несчастный, оболтус! Чего таких на флоте держат?!» И это уже значит, что ты стал свой, необыкновенную, когда флаг подхватывается ветром, и он словно бы сам старается поскорее вскарабкаться на флагшток.

На верхней палубе появляется старпом [1], глядит на часы, кричит мне сверху:

— Как дела, Сережа?

— Нормальный ход!

Все, кончены мои заботы, сдаю вахту, сдаю «рцы» — красную повязку с белой полосой посередине. Теперь умываться. И завтракать. И спать!..

Рулевой

Я хочу стать рулевым. Генка говорит:

— Надо тебе это, как зайцу стоп-сигнал!.. Своих дел мало, что ли?

[1] Старпом — старший помощник капитана.

Мы с ним оба матросы второго класса. Какая наша работа? Теплоход чистить-блистить, швартовка, мелкий судовой ремонт. На словах оно, может, не очень эффектно выглядит. Но в общем-то дел больше чем хватает. После шести вечера, когда наш рабочий день кончается, уже, честно говоря, только б в душ, а потом на койку, или к телевизору, или книжку. Полчасика почитал и носом к переборке: «Прощай, служба, до завтра!»

Но я хочу стать рулевым!.. Сосед мой по каюте и, можно сказать, главный корешок Васька идет первым классом. Он рулевой. Васька все мои дела знает, а я его. С четырнадцати лет он самостоятельный. Спрашиваю: почему? С батей не ладили. А теперь? Теперь ладят. Шутит: «Оба повзрослели». Службу он проходил в десантных войсках. Бывал в переделках. Имеет право носить нашивку за ранение. Есть в нем особая командирская жилка. Правда, он слишком еще горяч — по молодости лет.

Жизнь для него — это флот. Но говорит он так:

— На судно пришел — больше беспокоиться не о чем: каюта есть, рубать есть, работа есть. Чего еще надо?

— Мало ли!

— Ты пойми, Серега. Здесь для меня все родное. Любая работа.

— Так и говори!

Он усмехается:

— А зачем?

Объяснять он не любит. Только твердит все время!

— Ты присматривайся, как я делаю, присматривайся. Вернее будет.

В пять минут, орудуя концами, как фокусник, он показал мне штук двадцать морских узлов: это выбленочный, это беседочный, простой штык, бочечный, шлюпочный... Главный фокус большинства морских узлов в том, что держат они крепко, а развязать их можно в одну секунду. Удивительно смотреть, как все эти петли и перевивы растекаются вдруг, словно ручейки.

Васька нетерпеливо:

— Ну, теперь знаешь?

— Ты что, смеешься? Как же я могу запомнить с первого раза?!

Он хмурится:

— Эх, салажонок!

А ведь я старше его по годам. Но молчу...

Морские узлы, как шахматы,— бесконечное искусство: есть тут новички, есть гроссмейстеры, но всего — от «а» до «я» — в этом деле, пожалуй, никто не знает. Я пока ограничился «третьим разрядом»: твердо выучил шесть-семь основных узлов. Так мне дракон наш (боцман) посоветовал. Потренировался еще, пришел к Ваське похвалиться. Он:

— А ну покажи!

Показал.

— Ну молодец, Серый!

Тут я и попросил:

— Научи на руле стоять.

— Сдался тебе руль!

Я даже разозлился.

— Ты что,— говорю,— Генка, что ли?

Генка по стажу железный моряк. Службу проходил на военном корабле. Но к нам на судно специально пошел вторым классом. Потому что ему неохота на руле стоять. Его мнение на этот счет такое:

— В гробу я видал по двенадцать часов в сутки на ногах торчать. Ночь и день кувырком. А деньги почти те же!

Мы с Васькой его сильно недолюбливаем. Но команда есть команда. Тут ссоры исключаются. К тому же Генка свое дело знает. И притом отлично! Васька о нем говорит:

— Бывает же такая жизненная несправедливость: душой проходимец, а руки золотые...

Сейчас, когда я обозвал его Генкой, он сидит насупленный, злой, видно, решает: с ходу обижаться или все же попробовать мне растолковать кое-что. Наконец, он говорит:

— Ты, Серый, понимаешь... Ты ведь на флоте не останешься?

— На всю жизнь?

— Да.

— Не останусь.

— Тогда и руль тебе ни к чему!

— Это почему ж?

Он опять молчит, смотрит куда-то в сторону:

— Ну, не игрушки это, короче!..

Для него руль святая святых. А я — здрасте, пожалуйста — без году неделя на флоте и вот уже со свиным рылом в калашный ряд... Я его понимаю. Поэтому молчу, пожимаю плечами: мол, решай сам.

Я мог бы, конечно, Колю попросить. Он-то согласится, но мне хочется, чтоб Васька учил — мой друг. Я хлопаю его по плечу:

— Ну, парень, кончай!

Молчание. Наконец:

— Ладно, с кепом потолкую...

Учиться мне когда? Днем я занят на палубе. Значит, ночью. У Васьки ходовая вахта восемь — два. И вот на следующий день часов около десяти вечера поднимаюсь «на чердак», в рулевую рубку. Темно, тепло, звезды над головой. Мы идем по Цимлянскому морю. На карте это бледно-синяя продолговатая лужица. На самом деле оно широко, далеко разлеглось, упрятав под собою добрый кусок донской степи. Мы идем ближе к правому берегу. То и дело там посверкивают огоньки станиц. А вместо левого берега небо да звезды.

Я решительно толкаю дверь. В рубке темно. Только два сигаретных огонька тлеют: капитан у локатора, Васька на руле.

— Добрый вечер.

— Вечер добрый,— отзывается кеп.

И больше ни слова. Васька машет мне: давай, мол, поближе. Я шепчу:

— Рассказывай же!

Он неохотно вполголоса начинает объяснять:

— Это аксиометр.

— Зачем он?

— Ты слушай!.. Если стрелка на нуле, значит, руль у тебя прямо стоит. Каждое деление — градус... Ну вот сколько мы сейчас идем?

— Один вправо.

— Точно.

— Так, а почему же мы в берег не врезаемся?

— А течение, а ветер?.. Все влияет. Сносит помалу. На нуле почти никогда не идешь...

— А как ты узнаешь, сколько надо брать вправо или влево?

— В море курс по компасу держат. А здесь по буям.

— По бакенам,— поправляет капитан. Он, оказывается, тоже слушает объяснение.— Буй в море, а здесь бакен. До моря буи отставить!

— Есть, понял,— говорит Васька.

— Ну, продолжай, продолжай,— смягчается капитан.

— Как откроется тебе буй... бакен, держи на него. Немного правее. Так, чтоб он прошел метрах в ста.

— А если не откроется? — спрашиваю я.

— Должен открыться!.. Вот, бинокль есть...

По реке, по раскинувшимся зеленым берегам словно растекается светлый туман...

Теперь смотри рулевое управление. Влево рычаги двинешь — судно влево идет, вправо — вправо. Много не бери, один-два градуса и норма! Вышел на курс, осади судно...

— Что-что?

— Ну, если влево шел, возьми быстро вправо и потом рули на прямое положение... Понял?

Я пожал плечами. На словах все выходило довольно просто. Но на всякий случай я посмотрел еще минут пятнадцать, как Васька управлялся с рулями. Один бакен близко, он уже другой ищет. Потом:

— Вижу следующий.

Капитан:

— На него держи!

— Есть на него держать!

Капитан каждый раз выходит на верхнюю палубу, освещает фонариком бакен, записывает в бортовой журнал его номер и время.

Наконец, Васька толкает меня в бок: давай действуй! Я уже знаю, как спросить, мы это в каюте отрепетировали. Наш кеп любит, чтоб все было по форме. Я подхожу к нему:

— Разрешите подменить вахтенного?

Улыбается:

— Попробуй, подмени.

Васька передает мне рули. Я вгрызаюсь ногами в пол, крепко берусь за рычаги.

— Слушать Петренко, команды дублировать! — приказывает капитан.

Петренко — это Васька! Я отвечаю браво:

— Есть!

— Что «есть»? — жестко спрашивает капитан.— Я приказал команды дублировать.

— Есть слушать Петренко, команды дублировать!

— То-то...

Васька расплывается, как блин на сковородке. Тут же пользуется своим начальственным положением:

— Держать на буй!

— Есть держать на буй!

Проходят две-три благополучных минуты. Потом бакен начинает уползать куда-то влево.

— Лево руля!

— Есть лево! — Я трогаю рычаги. Стрелка аксиометра ползет влево: пять, шесть, семь градусов.

— Куда? Куда? — кричат одновременно капитан и Васька.

— Право руля... Право помалу!.. Тише!

— Есть право помалу.

Бакен проходит от нас метрах в десяти.

— Так ты его забодаешь ненароком! — говорит капитан.— Надо следить!

— Есть следить!

— Видишь, где следующий! — спрашивает Васька.

— Нет.

Раньше вода мне казалась совсем черной. На самом деле она полна неясных огней. Какой же из них бакен?.. Еще чего доброго въедешь в чье-нибудь окно!..

— Он же моргает,— говорит Васька,— две секунды светит, две молчит. Видишь?

Наконец и я замечаю его. Осторожно беру нужный курс, осторожно осаживаю судно... Ну и работенка! Некогда пот со лба стереть!.. В голове проносится подлая мыслишка: «А Генку в общем-то можно понять!» Я стараюсь поскорее отбросить ее, спрятать, затоптать...

Васька подсовывает мне бинокль:

— Следующий смотри.

Далекие огни сразу прыгают мне в глаза. И берег будто делается светлее. Видно начало станичной улицы, столб и фонарь на нем... А вот посреди черной воды моргает мой бакен...

— Куда петухов пишешь?! — кричит капитан.

Пока я рассматривал берег, судно ушло вправо. Дергаюсь влево, вправо.

— Отставить! — гремит капитан.— Слушать меня! Лево руля! Так держать!.. Еще влево помалу.

На этот раз бакен проползает где-то вдали, почти у горизонта, словно искусственный спутник!..

— С тобой не соскучишься,— говорит капитан.— Ты вообще-то чего-нибудь водил?

Мне хочется сказать, что да, черт побери, водил: и машину, и трактор, и лошадь. Но молчу. Изо всей силы стараюсь мимо следующего бакена пройти как нужно.

— А ты, штурман? — ругает капитан Ваську.— Куда смотришь? Или оба решили судно угробить?..

Васька, конечно, еще не штурман. Он только учится на втором курсе мореходки. Вместо ответа он идет на палубу, прихватив с собой бинокль, светит фонариком:

— Прошли семнадцатый...

Следующие три бакена поставлены близко друг от друга. Только один откроется, глядишь, уже второй видать. Я прохожу их, можно сказать, блестяще. Капитан доволен, но не говорит ни слова. А Васька подталкивает меня в бок, поднимает большой палец вверх. Потом:

— Ты полегче, рычаги сломаешь.

— Чего?

— Я говорю, расслабься, чего так в рули вцепился?

И правда. Пальцы мои побелели, застыли бульдожьей хваткой на стальных рычагах руля. Стараюсь расслабиться, разминаю затекшие ноги. Вроде полегче... Но тяжелую гору, что лежит на плечах, сбросить не удается.

Вдруг бакенов больше не стало. Смотрю во все глаза, кручу бинокль — нет и нет!..

— Выходим на створы,— говорит капитан.— На створы теперь целься.

Бакен моргает. Две секунды светит, две молчит.

— Не возражаете разойтись левыми бортами?—спрашивают с «Калинина».

Васька показывает мне вдали два сочных красных огня.

— Рули так, чтобы они совпали. Иди в сторону ближнего, тогда сольются.

Я подворачиваю два градуса влево. Совпали! Осаживаю судно.

— Идем точно на створы,— докладывает Васька.

— Вижу. Молодцы! — говорит капитан.

Тут оживает наша «Акация» — радиопередатчик близкого радиуса действия. Начинает шипеть, кашлять. Наконец, из него появляется человеческий голос:

— Говорит теплоход «Калинин». Добрая ночь!

Капитан включает микрофон:

— Добрая ночь! Я теплоход ОТ-2035.

Теперь и я вижу «Калинин». Прежде его скрывал мысок, на котором стоят створы. Три белых ясных огня медленно ползут нам навстречу.

— Не возражаете разойтись левыми бортами? — спрашивают с «Калинина».

— Добро,— отвечает капитан. И Ваське: — Дай там сигнал.

— Есть сигнал!

Васька щелкает одним из переключателей на щите управления. Через несколько секунд, видимо, в ответ нам, на левом борту «Калинина» вспыхивает фиолетовый луч.

— Далеко идете? — интересуются с «Калинина».

— До Архангельска, а там на Лену...

— Ого! Далековато... Перегонщики?

— Точно.
— Счастливый путь!
— Вам также! — отвечает капитан.— А вы куда?
— Баржонки к Ростову тащим под хлебушек... Скоро хлеб пойдет.
— Запасаетесь тарой?
— Так точно.
— Впереди спокойно? — спрашивает кеп.
— Из встречных только буксир БЭ-34 с плотом.
— Понял, спасибо. Счастливой вахты!
— И вам!..

В два ночи на руль заступает Коля. А мы с Васькой... пока то да се, пока пили чай, досидели до половины четвертого. Спать не хотелось. Даже вообще глупо было думать об этом. Мы особо и не говорили ни о чем, счастливые, возбужденные своей удачей. Все-таки это вам не шуточки, впервые рулевой, и впервые штурман!..

А утром я встал разбитый, голова все время сползала куда-то набок, словно налитая свинцом. По судну уже разнесся слух, что я вчера ночью ходовую стоял. Каждый отнесся к этому по-своему. Генка, глядя на меня, посмеивался:

— Был дураком сверхурочно? Молодец!..

Моторист Дима философски заметил:

— Не мешайте человеку пить флотскую жизнь большими глотками!

— Большими пить вредно! — сказал Аким, наш радист.— Йоги не советуют...

Старпом крикнул с верхней палубы:

— Нормальный ход, пресса! Одобряю!

Только боцман гудел, как старый граммофон. Усы его висели книзу — недоброе предзнаменование!

— Вот на мою шею работнички! Энтузиасты.— Он привел меня на корму.— Ты коридоры-то драил?

— Как обычно.

Он отпер своим ключом ахтерпик — помещение под палубой, где у нас хранились запасной инструмент, бухты пенькового каната...

— Идем со мной!

Мы спустились в уютную темноту и прохладу ахтерпика.

— И чтоб я тебя до обеда не видел, не слышал,— он легонько толкнул меня на гору чистой ветоши в углу.— И никому ни звука!

— Есть!

— Знаешь первую заповедь моряка?

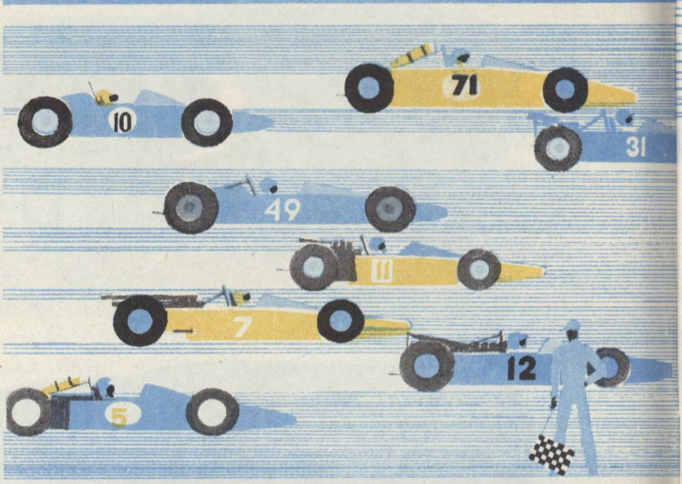
Я развожу руками: нет, мол.

— Подальше от начальства, поближе к камбузу.

— Так ведь и вы же начальство, боцман.

— Ладно, ша!.. Я — другое дело!..

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Атака

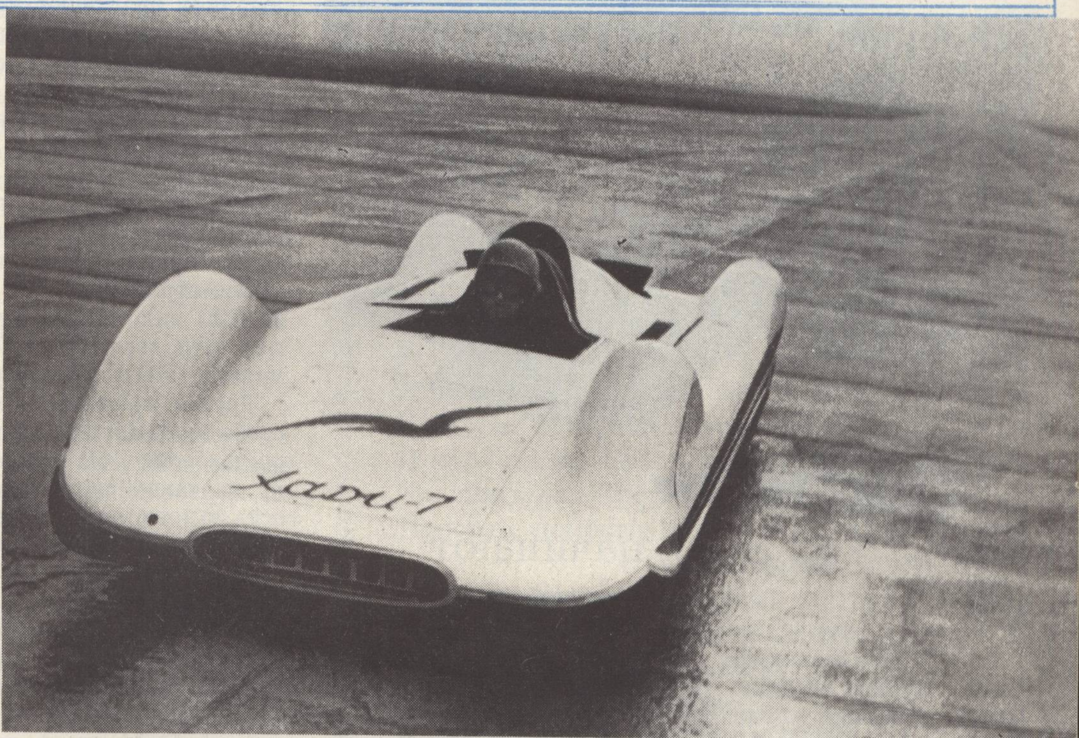
На сером бетоне аэродрома распластались низкие гоночные машины. Огненным пятном выделяется среди них автомобиль под номером тридцать три. К нему подходит невысокий, стройный гонщик. Вот он занял привычное место за штурвалом, и механики покатили машину к белой полосе финиша.

Секунда, другая, третья... Степную тишину разорвал мощный рев двигателя. Взмах судейского флажка — и словно звенящая стрела, выпущенная из лука, машина рванулась вперед...

Профессия гонщика чем-то сродни работе летчика-испытателя: каждый узел и каждая деталь автомобиля испытывают во время соревнования небывалые, сверхвысокие нагрузки. А знать, как себя поведет машина на предельных нагрузках и на предельных скоростях, важно для конструкторов автомобильного транспорта.

На таких вот гонках были впервые испробованы многие технические новинки. Сейчас их встретишь уже на каждой легковой машине: это обтекаемая форма кузова, новые виды надежных тормозов, малогабаритные и мощные двигатели.

В. ЗАХАРОВ

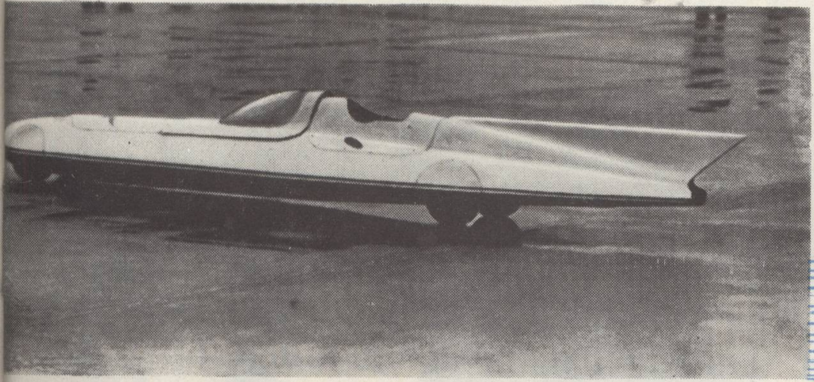

Рисунки И. УРМАНЧЕ.
Фото Ю. ПЕСКОВА

Каждый мальчишка в Харькове мечтает водить такую машину — стремительный газотурбинный «буревестник». Вот он во время испытаний на взлетной полосе аэродрома.

на скорость

Самая маленькая в мире гоночная машина ХА-ДИ-3. Она тоже родилась в Харькове.

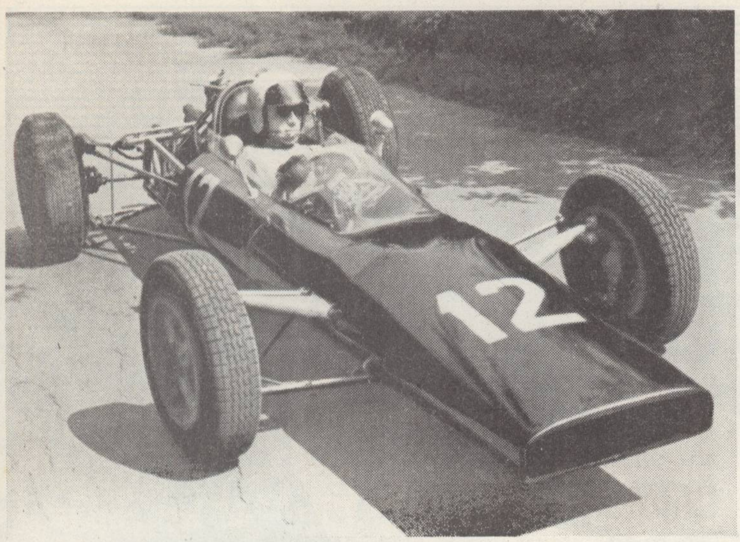

Харьков — город гонщиков

На следующий день после соревнований я отыскал во Дворце пионеров Вадима Ляшко, гонщика огненной машины № 33.

Вадим — сейчас он перворазрядник — впервые пришел сюда пять лет назад двенадцатилетним мальчишкой. Научился водить автомобиль и стал настоящим спортсменом-гонщиком, а еще через пять лет, когда закончит Харьковский автомобильно-дорожный институт, будет не только испытывать, но и конструировать новые гоночные машины.

Таких, как Вадим, много в Харькове — городе, где все любят гонки. Здесь живут и работают мастера мирового класса, и здесь воспитываются новые поколения советских гонщиков. Каждый мальчишка знает, куда идти, чтобы стать спортсменом-гонщиком: во Дворец пионеров, к Виталию Герасимовичу Енину.

Машину эту построили кружковцы, а ведет ее их руководитель мастер спорта СССР Виталий Герасимович Енин.

С чего начинают новички?

Начинают они с карта — самой простой гоночной машины. На снимке вы видите около нее младших кружковцев — Володю Баглаева, Володю Шаповалова и Витю Нестеренко. Правда, Володя Шаповалов в свои четырнадцать лет не такой уж новичок: у него первый юношеский разряд, и он считается опытным гонщиком. Это значит, что он хорошо умеет водить карт, а скорость у таких машин до 80 километров в час! В кружке он научился отвечать за свою машину: каждый выступает на соревнованиях на той машине, которую сам подготовил.

Ребята знают: не пройдешь на гонках дистанцию — пеняй на себя. Винить некого, в твоей машине все должно быть отрегулировано твоими руками. И каждый учится собирать карт, налаживать двигатель, делать на станках любую деталь, чтобы заменить вышедшую из строя.

От чего зависит скорость?

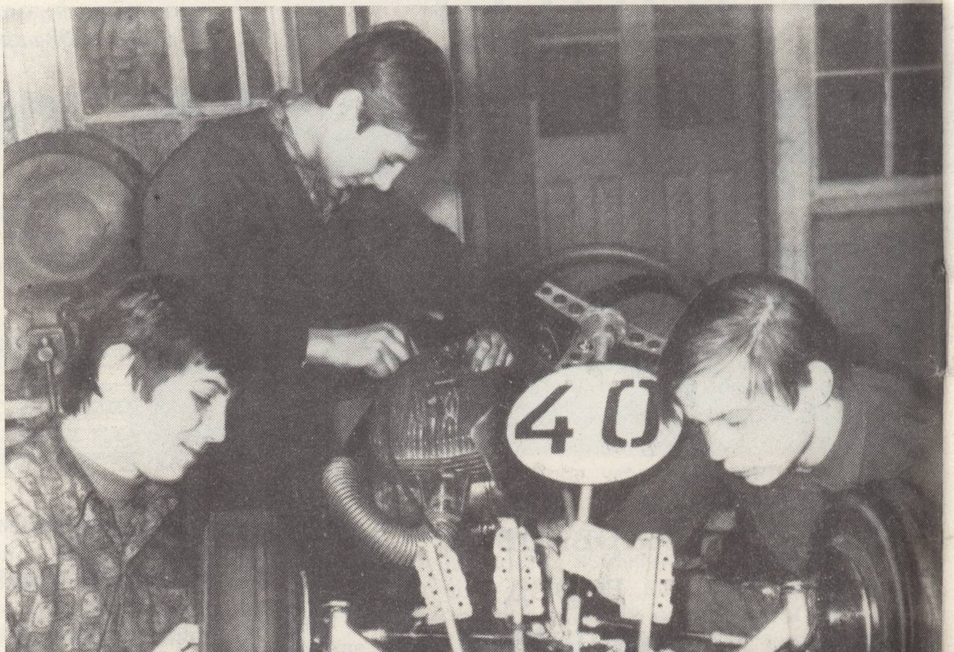
Прежде всего от мощности двигателя. Об этом и думают старшие ребята сейчас. когда готовят свои новые машины к Всесоюзным соревнованиям. Обычно в этих соревнованиях участвуют признанные взрослые мастера скоростных заездов. И впервые на равных с ними будут состязаться харьковские кружковцы.

Итак, главное для гоночной машины — мощность двигателя. А он, в свою очередь, определяется тем, насколько велика «топка», где сжигается горючее, или, говоря словами специалистов, каков объем цилиндров двигателя. У двух новых машин объем «топки» — 500 кубических сантиметров. Это дает предельную скорость около 220 километров в час! Для сравнения заметим, что легковая «Волга» проигрывает такой машине почти 80 километров в час.

Третья гоночная машина кружковцев стоит особо — ее цилиндры в два раза больше, а скорость около 260 километров в час! Вести машину на такой скорости нелегко. Но кружковцам есть у кого учиться мастерству. Гонщики мирового класса, заслуженные мастера спорта СССР Эдуард Осипович Лорент и Владимир Константинович Никитин — тоже харьковчане.

Свыше семидесяти рекордов скорости установил за свою спортивную жизнь Эдуард Осипович Лорент. Девятнадцать из них превысили международные. А увлекся автомобилями он

Володя Баглаев, Володя Шаповалов, Витя Нестеренко — младшие кружковцы Дворца пионеров — уже умеют водить самую простую гоночную машину и могут участвовать в соревнованиях

еще пионером, в одном из харьковских кружков. Сейчас Эдуард Осипович занят конструированием малолитражных гоночных автомобилей.

Почему именно малолитражных?

Эдуард Осипович считает, что они удобнее и выгоднее больших. Его маленькие двигатели с объемом цилиндров 250, 500, 750 кубических сантиметров не имеют равных в мире.

Владимир Константинович Никитин руководит единственным в стране студенческим конструкторским бюро скоростных автомобилей. На машинах, построенных студентами, установлено более тридцати всесоюзных рекордов скорости!

Машины будущего

Многие ребята, «заболевшие» гоночными машинами во Дворце пионеров, получают высшее автомобильное образование в Харьковском автомобильно-дорожном институте (ХАДИ). Там вчерашние школьники проектируют и строят рекордно-гоночные машины.

Взгляни еще раз на снимки в начале очерка — они сделаны на взлетной полосе аэродрома. Громадные скорости требуют особенно ровной поверхности, шоссе для таких машин не годится...

ХАДИ-3 — самый маленький в мире скоростной автомобиль. Всего 125 кубических сантиметров — объем его цилиндров. Диаметр колес 30 сантиметров — чуть больше, чем у детского самоката, — высота от земли около полуметра. А скорость у этого малыша вполне солидная — 200 километров в час!

ХАДИ-7 кажется пришельцем из мира фантастики, хотя самое замечательное как раз не внешний облик машины. Скорость ХАДИ-7 — 500 километров в час — сравнима уже со скоростями воздушных лайнеров. Газовая турбина — основа современной авиации — вот что рождает невиданный «полет» машины. Газовая турбина проходит сейчас первую проверку на гоночных автодромах.

Ученые давно работают над созданием таких двигателей для автомашин, которые не загрязняли бы атмосферу вредными газами. Газовая турбина в этом отношении лучше двигателей внутреннего сгорания, к тому же она проще по конструкции и удобнее. Правда, турбина может нормально работать только на высоких скоростях вращения. Передать эту быстроходность на колеса автомобиля сложно. Однако харьковские студенты и конструкторы продолжают работать с турбиной.

ХАДИ-7 и ХАДИ-3 — уникальные гоночные машины. Такие работы еще не по плечу кружковцам из Дворца пионеров. Это — их будущее. А пока они готовятся впервые выступить на Всесоюзных соревнованиях.

Впереди — новые старты, атака на скорость, на вчерашние рекорды!

Елена ПЕТРОВА

Что можно увеличивать

Мальчик может сидеть на крылечке
И ручьи увеличивать в речки,
На морях прекращать ураганы
И моря превращать в океаны,
Удлинять дни, часы и мгновенья
Просто с помощью
воображенья!
Увеличивать можно, ребята!
Ведь случится же с вами когда-то:
Вы до наших забот дорастете
И своими руками начнете
В желтых дюнах, подумав о снеге,
Ручейки увеличивать в реки.
Превратите вы глупые лужи
В сад, роняющий круглые груши.
Превратите в арбузы болота!
Все ненужное —
в нужное что-то!
Все пустыни, хотела бы я,
Чтобы вы превратили в моря!
И тогда
Там, где солнце палило
И пустыня песками пылила,
Заструится морская вода.
Пусть стремится морская звезда
Выражать вам свое восхищенье
За таинственное превращенье.
Синехвостая, в крапинку рыба
Улыбнется и скажет: «Спасибо!»
Ну, а люди, что жили в песках
Со скрипящим песком на зубах
И ругали песчаные смерчи,
И пугались смерчей пуще смерти,
Выйдут к морю, что рядом струится,
Выйдут к морю, забыв удивиться
Новым краскам, и шумам, и звукам,
И наклонятся к маленьким внукам,
И на синее море покажут,
И спокойно и радостно скажут:
«Это сделали бывшие дети,
Чтобы лучше жилось на планете!»

Муса ГАЛИ

Липы цветут

Липы цветут!
Липы цветут!
Пчелы жужжат —
Липы цветут.
Пчелы спешат —
Липы цветут.

В желтой сережке —
Ах, что за медок!
Певунья-пчела,
Подставляй хоботок
Да капельку меда
Снеси в холодок —
В медовый
Свой теремок!

Липы цветут!
Липы цветут!
У каждой ограды
Липы цветут.
Лакомки рады:
Липы цветут,
Липы, липы цветут!

В каждом дворе
Готовят бочонки.
В каждом дворе
Вздыхают девчонки,
И даже мальчишки,
Представьте:
мальчишки!
Мечтают о темной,
Медовой
Коврижке!
Липы, липы цветут...

Сабантуй

По дороге, по дорожке
В кузовах и на подножке,
Кто в повозке, кто пешком,
Кто за ручку, кто верхом —
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Ты на поле — я на поле!
Ты спешишь — а я тем боле!
Ты сосед — и я сосед!
Одолжи велосипед!
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Поле. Музыка. Толпа.
На ковре идет борьба.
А под хохот до флажка
Скачут, скачут два мешка.
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Мягко топают копыта,
Ловят девушку джигиты,
Но успела — ой-ля-ля —
Увернуться Джамиля!
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Мне не надо, мне не надо
Ни подарка, ни награды,
Мне бы только стать джигитом
Настоящим, знаменитым!
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Продираюсь сквозь толпу.
Не спеша иду к столбу.
Лезу вверх без остановок:
Я ль не смел и я ль не ловок?
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Льется пот, едва дышу —
На столбе верхом сижу!
Люди хлопают в ладоши,
Мой сосед захлопал тоже.
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Мне не надо, нет, не надо
Ни подарка, ни награды!
Правда, если за победу —
Да еще назло соседу! —
Дарят вам велосипед,
Отказаться силы нет!
Сабантуй,
Сабантуй,
Сабантуй!

Перевел с башкирского
Ю. КУШАК.
Рисунок А. БОРИСОВА.

Я закрыл глаза и прыгнул

Наконец-то мы перешли в шестой класс, и нас отпустили на каникулы. Я купил новые учебники и сложил их как следует на своем столе. Я был доволен, что подойду к ним только первого сентября.

В первый день в лагере я подружился с одним мальчиком. Нас повели в клуб смотреть кинофильм «Орлята Чапая». Все места оказались занятыми, и этому мальчику негде было сесть. Тогда я ему говорю: «Садись ко мне на коленки». Он сел, и так мы посмотрели фильм. Из клуба мы вышли вместе и познакомились еще ближе. Звали его Вова Голубев, он был выше меня, но на два месяца моложе. В палате мы поменялись кроватями с одним парнем и оказались рядом с Вовой.

На следующий день наш отряд пошел в лес. В лесу было очень хорошо, пахли цветы и трава, пели птицы. Когда мы шли по лесу, Вовка крикнул: «Белка!» Я подбежал к нему и тоже увидел белку, она сидела на ветке и спокойно умывалась. Мы долго смотрели на нее, но надо было идти дальше. Потом Вовка вдруг крикнул: «Ложись!» Я быстро лег и увидел прямо перед собой нору какого-то зверя. Мы подползли ближе и стали ждать, но из норы так никто и не вылез.

Еще я часто вспоминаю, как мы нашли в лесу ежа. Мы нашли его случайно, он сидел тихо в траве, и у него были оттопырены колючки. Мы принесли его в лагерь и дали ему молока. Молоко он выпил, а потом презрительно фыркнул. Мы нашли ящик и устроили там ему постель. Легли спать, а он так скребся в ящике, будто там сидело сто мышей.

Скоро наш еж совсем к нам привык, и нам казалось, что он уже нас узнает. Но все-таки мы отнесли его обратно в лес. В лесу ему лучше.

В лагере хорошо. Каждый день мы ходили или в лес, или на речку, и я даже не знаю, что мне больше нравится. На реке я люблю купаться, играть в воде в салочки, загорать и прыгать с вышки. Сначала я не умел прыгать с вышки и завидовал другим ребятам, а потом Вовка сказал, что мы будем прыгать вместе. Когда я поднялся на вышку, я испугался. Я посмотрел на Вовку, он меня ждал. Тогда я закрыл глаза и прыгнул. Потом я прыгал много раз.

Вот так в лагере я нашел друга.

Саша Лавриков.

Да здравствует лето!

Летом бывают такие ослепительные белые дни, когда все нипочем: можно забраться на самую высокую гору и перейти самую глубокую реку. Летом бывают теплые, пахнущие травой сумерки, когда после долгого дня гонишь домой ленивых овец.

Такой холодной вода кажется жарким-жарким днем тоже только летом.

Летом можно нарвать уйму ромашек с желтыми бархатными серединками и прокатиться на лошади. И пожить в брезентовой, вздрагивающей на ветру палатке, и посидеть у костра.

Нам казалось, что это лев...

Больше всего я люблю деревню, потому что там, на природе, живет много животных. У моей бабушки есть корова Белка. Она рыжая, с белыми пятнами, очень красивая. Я помогаю бабушке ее кормить и хожу с ребятами ее стеречь.

В деревне так много разных животных, что я не знаю, куда раньше бежать, когда приезжаю. Они все мне очень нравятся: и лошади, и коровы, и телята, и поросята, и даже свиньи. Они всегда бегают за мной, когда я несу им корм.

Еще у бабушки есть гусь Васька. Он мой любимец. Васька очень хитрый. Когда его позовешь, он только посмотрит на тебя и пойдет своей дорогой, как будто с тобой незнаком, а если увидит в руках хлеб, сразу прибежит со всех ног.

Прошлым летом я научилась ездить на лошади, сначала тихо, а потом быстро и под конец совсем не боялась.

А у бабушкиного соседа (он работает шофером на автофургоне) есть огромная собака Тобик, и у нее щенок Пушок. Этот Пушок так похож на льва, что я не уставала на него смотреть. Он с рычанием бросался на нас, и нам казалось, что это лев. Потом он немного подрос, и мы научили его играть в прятки. Кто-нибудь подержит его и закроет глаза, а остальные спрячутся в стогу сена. Он найдет нас, откопает и тащит за шиворот, мы пищим, а он визжит.

Когда я приехала в Москву, я все время вспоминала деревню, корову Белку, коней, гуся Ваську и Пушка. А один раз я встретила в Москве очень похожую собаку, но это был не он, не Пушок.

Люба Виноградова

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛЕТО!

Эти снимки сделал наш фотокорреспондент Владимир Постников в пионерском лагере «Спутник», в селе Медное, Калининской области. А рассказы московских ребят, которые ты только что прочитал, прислала нам учительница Ирина Даниловна Данилова. Писали ребята весной, вспоминали о прошлом лете и мечтали о будущем.

Нам хотелось бы, чтобы и ты написал нам обо всем интересном, что случится с тобой этим летом, и прислал рисунки, фотографии, которые сделаешь. На конверте пометь: «Да здравствует лето!»

Фото В. ПОСТНИКОВА.

Лидия ОБУХОВА

Звездный СЫН Земли

ПОВЕСТЬ
Продолжение

Здесь зима была темна, будто закопченное стекло.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Оренбургские ландыши

Но вот настал день, когда чудо гагаринской жизни пришло со стороны. Почти неведомо для себя им стала маленькая девушка в голубом платье.

«Все мне понравилось в ней: и характер, и полные света карие глаза, и косы, и чуть припудренный веснушками нос. Валя Горячева».

Толчком к любви часто служит удивление. Человека охватывает оторопь: будто он шел-шел и споткнулся. А когда, пережив внезапную встряску, оглянулся, то все окружающее приняло совсем особый вид, наполнилось легкостью и простотой. Оказывается, не заметив, он вступил уже в иное измерение, в мир, составленный из радостных мелочей: из ее ресниц, полуопущенных. Из ее пальцев, сейчас захолодавших. Из узких следов ботиков на тротуаре...

Познакомившись с Валей, тогда служащей телеграфа, а позже студенткой-медичкой, он очень естественно вошел и в ее семью. Дом на улице Чечерина стал любимым приютом на время увольнений не только для Юрия, но и для его товарищей. Уклад семьи Горячевых напоминал Юрию собственный дом. Он искренне восхищался хлебосольством Горячевых и кулинарным мастерством отца Валентины Ивана Степановича, повара по профессии.

Сватовство прошло со свойственной Гагарину обстоятельностью. На побывке в Гжатске Юрий обговорил все с Анной Тимофеевной, получил ее материнское одобрение и лишь затем вернулся в Оренбург, сделал предложение, а после шумно отгулял свадьбу, совпавшую и с празднованием сороковой годовщины Октября и с производством его в офицеры. Брак Юрий заключил именно в то время, когда становился полностью самостоятельным человеком. Аттестационные документы после выпускных экзаменов были подготовлены, и вчерашние курсанты, последние дни дохаживая с пустыми погонами, томились в «голубом карантине». Гундарев вспоминал посланную ему вскоре ликующую открытку: «Юрка! Я уже лейтенант!» (Гундарев учился в это время уже в другом авиационном училище и окончил его позднее.)

...И в то же самое время, будто дождавшись подросшего Гагарина, друг за другом стали взлетать на околоземную орбиту первые спутники! Скорость их — восемь километров в секунду — казалась пока недостижимой ни одному летчику...

В Заполярье

Перед тем периодом жизни Гагарина, который можно назвать «космонавтским», лежали два года службы в Заполярье. Он приехал туда по собственному выбору.

Поездом, а потом автобусом по заснеженной тундре поздно ночью добрались оренбуржские выпускники до своего нового гарнизона («Блестящие армейские лейтенанты, мы всем бросались в глаза, на нас поглядывали: что это, мол, за птицы залетели сюда, к студеному морю?»).

Стоял декабрь. Но это была не клушинская зима его детства — словно один длинный-предлинный день с румяными угольками на загнетке, с хлопьями снега, широкими, как ладонь. Зима опускалась в одночасье полушалком из козьей шерсти и укутывала деревню до подбородка; пушистая, солнечная.

Здесь зима была темна, будто закопченное стекло. Еще в поезде Гагарина поразило: часы показывали полдень, а тут морозный туман, голубоватые потемки. За Полярным кругом мгла сгустилась еще гуще. Снега призрачно вспыхивали в беглом свете прожекторов. Луч скатывался по твердому насту, шершавому, словно неглазурованный фаянс. Обледенелые камни звенели под ногами.

Молодых лейтенантов поселили в одном из бревенчатых бараков. И здесь впервые Гагарина увидел Семен Дмитриевич Козаков, один из близких друзей последних лет его жизни. Козаков в тот день дежурил по части, и вот как он вспоминает об этом событии:

«С жильем у нас было небогато, а тут приехало много семейных. Скажу прямо, при виде молоденьких лейтенантов и их промерзших, пугливо оглядывающихся жен я порядочно растерялся. Кое-как распихал всех в учебных классах до утра. И все же одному офицеру места не досталось. Стоим, решаем, как быть...»

В это время приоткрылась дверь в коридор: выглянул Гагарин.

— Давайте к нам третьего!

Козаков засомневался:

— Комната на двоих...

— Ничего, мы койки сдвинем.

Всунули третью кровать, и спали так, поперек, несколько месяцев.

— С этого времени молодой лейтенант мне и запомнился.

Служба требовала приступать к полетам. ...Увы, в полярном небе особенно не разлетаешься. «Видимость миллион на миллион», как любят выражаться летчики, внезапно, без всякой подготовки сменяется здесь критической видимостью: не более чем на двести — триста метров. Перемена происходит иногда почти мгновенно! Сплошная облачность, туманы, снежные заряды... Опытные командиры не спешили отправлять новичков в небо.

Набрав высоту и взглянув вниз, он радостно ахнул, увидев наконец-то краешек солнца, но командир Леонид Данилович Васильев, полярный ветеран, сурово одернул:

— Не отвлекайтесь от приборов. Эмоции эмоциями, а дело прежде всего.

Есть обстоятельства, которые помогают выразить дремавшую до того черту характе-

ра. Таким проявителем стала для Юрия полярная военная служба. Казалось неясным: он ли был создан специально для нее, она ли пришлась ему впору?..

«Я никогда не жаждал приключений и опасностей ради них самих»,— сказал как-то Гагарин.

И, по всей видимости, он чувствовал себя не очень уютно в первый свой самостоятельный вылет с полярного аэродрома, когда небо, перед этим ясное и безоблачное («Простые метеоусловия»,—деловито пояснил Козаков), неожиданно замутилось наползшим с моря плотным туманом и пошел дождь со снегом.

Мужество молодого, неопытного пилота, по-видимому, могло проявиться тогда лишь в сохранении хладнокровия и точном следовании приказу.

В воздух поднялся командир звена, опытный северянин. Найдя Гагарина посреди снежных вихрей, он «завел» его самолет на посадку.

В летной книжке Гагарина появилась запись: такого-то числа, во столько-то часов и минут произвел посадку самолета при пониженном минимуме видимости с оценкой «отлично».

Видимо, в аэродромных буднях это был приметный случай; ему посвятили «Боевой листок»:

«Товарищи авиаторы! Сегодня летчик лейтенант Гагарин проявил высокую выдержку и умение при первом самостоятельном вылете. Учитесь, товарищи, летать так, как офицер Гагарин!»

Старая истина: выбор друзей раскрывает сущность человека. Последние два года я настойчиво ищу знакомств с людьми, так или иначе сопутствовавшими Гагарину: он многое взял от них, не мог не взять, вольно или подсознательно.

Гагарин вообще немыслим без людей. В самые ранние годы в нем проявилась одна из важнейших черт героя времени: умение объединять вокруг себя людей и самому входить в коллектив.

Семен Дмитриевич Козаков собранной коренастой фигурой, внимательным прищуром глаз на молодом лице, чем-то еще напоминает Гагарина.

И жизненный путь их долго был схож: та же смоленская деревня и раннее столкновение с материальными сторонами бытия (Семен Дмитриевич еще школьником стал работать на лесосплаве, потом шофером в совхозе. «Как же вы успевали?» «Обыкновенно: в школе с утра, а силос возил на своем грузовике во вторую смену, после обеда».) Та же необъятность юношеских мечтаний и точное ощущение — мне бы хотелось назвать его «советским ощущением»,— что жизнь непременно удастся.

Козаков сначала попал в военно-морское училище, а затем в морскую авиацию в Заполярье. (Он, кстати, участвовал потом и в отборе анкет будущих космонавтов. Из семи добровольцев после первых медицинских осмотров осталось двое: Гагарин и Шонин. Они и уехали вместе в Москву).

Жизнь развела Козакова с бывшим однополчанином. Вернувшись на Смоленщину и обосновавшись в родном городе Гагарина Гжатске, Козаков издали следил за его судьбой, никогда не напоминая о себе.

И лишь однажды, в Крыму, неожиданно признав на почте в двух загорелых веселых молодцах, которые заколачивали какой-то старушке посылку, «небесных братьев» Поповича и Николаева, Семен Дмитриевич заговорил с ними.

— Примите мои сердечные поздравления по случаю успешного завершения группового полета,— пробормотал он. — У меня к вам просьба...

— Автограф?

— Не совсем. При случае передайте привет Юрию Алексеевичу от бывшего сослуживца по северу.

— Прошло несколько дней,— рассказывал Козаков. — Как-то во время послеобеденного отдыха влетает в палату дежурная сестра: «Вас ждут!» В вестибюле стоял и улыбался Юрий. «Так вот кто мне приветы шлет! Ну, здравствуй... Ты что, говорить разучился, что ли? Раньше этого не замечалось...» Он обнял меня за плечи и повел вниз по лестнице, на дорогу, где стояла «Волга». А изо всех окон уже высовывались и несся шепот: «Гагарин! Гагарин!» Я продолжал смятенно молчать, Гагарин с досадой воскликнул: «Не думал я, что ты такой стал! Помнишь, у нас на севере, бывало...» Тут я набрался смелости и ответил: «Это не я стал, это вы, Юрий Алексеевич, стали». Он поморщился: «Брось, пожалуйста. Мало ли, с кем что происходит, сегодня так, завтра этак. А совместную службу забывать нельзя».

«Я теперь поеду,— добавил Гагарин.— Меня ждут, да и автографы сейчас просить станут... Возьми-ка мой адресок. До встречи!» Дверца захлопнулась, машина исчезла за поворотом. Взбудораженный и не очень довольный собою, я медленно возвращался в санаторий, вспоминая прошлое, радуясь, что Юрий так мало изменился. Потом, когда мы вместе разыгрывали эту первую неловкую встречу, зрители да и мы сами покатывались со смеху...

Когда Юрий вернулся под Москву, в Звездный городок, их дружба с Козаковым стала глубже. Тем более что Гагарин, уже как депутат, часто приезжал в Гжатск.

Бывало, забегая посреди рабочего дня домой, Семен Дмитриевич вдруг видел дверь отомкнутой, а в прохладной комнате на диване, в одной тенниске, лежит Гагарин, закинув за голову руку, и увлеченно читает книгу, снятую тут же с этажерки. Рядом на полу кастрюля с картошкой в мундире. Не глядя,

он шарит в кастрюле и, поднеся ко рту, жует остывшую картофелину.

Это был его редкий отдых в тишине и одиночестве, так необходимый каждому.

Еще на севере Гагарин научился полностью отключаться от дел. По тундре, ныряя в заросшие густым кустарником распадки, он добирался до быстрого ручья, вода которого и летом оставалась ледяной, а зимой, окутанная туманом, не замерзала; здесь, в уединении, он проводил за ловлей форели спокойные часы. То первое лето он прожил один:

Гагарин вообще немыслим без людей.

Валентина доучивалась в Оренбурге и приехала к нему лишь в июле.

Молодые летчики, с которыми Гагарин подружился тогда, с увлечением обсуждали полеты искусственных спутников. К этому времени уже третий советский спутник кружил вокруг Земли. Они понимали, что эти космические аппараты приближают эру полетов человека. Часами спорили и фантазировали, как и множество других людей во всех концах земного шара. Только более квалифицированно: подниматься над Землею было их профессией!

Правда, между крылатыми машинами и ракетным кораблем существовал непройденный водораздел...

Но космические перспективы, хотя и манили молодежь затерянного в сопках гарнизона, пока оставались расплывчатыми.

Зато как они хотели летать! Постоянно. Каждый день. Как можно чаще.

И Гагарин, переполненный энергией, тоже тосковал по небу, ревниво ловил щекой изменившийся ветер, проклинал погоду и нетерпеливо ждал своей очереди.

...Прошла унылая полярная ночь. Весной, в апреле, он стал отцом, а немного ранее того был принят в партию. Оба события, хотя, казалось бы, лежащие в разных плоскостях, говорили о повзрослении Юрия.

К партии Гагарин относился с серьезностью много думающего человека.

Многие утверждали, что то государственное мышление, которым отличался Гагарин в последний период его жизни, созревало в нем смолоду. Еще саратовский однокашник Петрунин вспоминал: «С Юрием всегда интересно было поговорить; в его необыкновенно вместительной голове витала масса интересных, оригинальных мыслей». Козаков из многих доверительных бесед выделяет мечты Гагарина о превращении Гжатска в город молодежи («Хорошо бы сюда к заводским добавить военное училище: это дисциплинирует, расширяет кругозор...»). А заслуженный библиотекарь Александра Андреевна Некрасова, знавшая семью Гагариных еще по Клушину, в своих записках передает саму атмосферу постоянного участия Юрия в жизни родного города: «Сегодня день открытия университета культуры. Перед началом все захлопали. «Кому аплодируют?» «Да смотри: вон стоит Юрий Гагарин». Все буквально впились в него глазами. Гагарин был одет в штатское. Говорил он о срыве сроков строительства в городе. Очень повзрослел. После окончания я пошла в кабинет директора. Постучала. Ответили: «Нельзя». А Юрин голос отозвался: «Можно». Я отворила дверь, вошла. Юра подал мне стул. Я попросила его приехать в Клушино. Говорила, как много там недостатков в его совхозе — совхозе имени Гагарина. Он внимательно слушал и сказал, что приедет. Я смотрела на него... Возмужал он, очень возмужал. Но так же чудесно прост, та же милая улыбка. Только редкая теперь. Усталость чувствуется».

В воспоминаниях о Гагарине есть нечто такое, что вместе с памятью о нем людям возвращает частичку собственной молодости.

— Самое прекрасное, что я видел,— сказал мне вдруг посреди делового разговора подполковник Ребров, близко знавший Гагарина,— это когда Юрий играл со своими дочками. Как он садился на трехколесный велосипед и гонял на нем по комнате!

Соленый пот космонавтов

— Летайте, но не выше стратосферы!— это прощальное напутствие врачей звучало в

ушах несостоявшихся космонавтов погребальным звоном.

Но Гагарин побеждал и отоларингологов, и глазников, и невропатологов, и хирургов. Как рьяно они ни выстукивали на его теле «азбуку Морзе», изъянов не обнаруживалось, Юрий продолжал надеяться...

Видимо, идеальный вестибулярный аппарат чем-то сродни врожденной постановке голоса у певца? Сам человек об этом и не подозревает. Титаны вестибулярности рождались и умирали, понятия не имея о собственном совершенстве. Но вот наступила космическая эра, и человечеству срочно понадобились избранники по новому признаку; уже мало стало одной только смелости, недостаточно специальных знаний и недюжинного здоровья. Все это само по себе еще не могло сделать человека пригодным для космических полетов без таинственного, далеко спрятанного в ушном лабиринте несгибаемого чувства равновесия!

«Малый КУК», как его прозвали испытуемые, представлял собой вращающееся кресло, на которое человека водружали голым по пояс, густо облепив резиновыми присосками. «Малый КУК» вертится, и на приборы течет информация. «Главным предметом исследований были наши сердца,— вспоминал потом Гагарин,— по ним медики прочитывали биографию каждого. И ничего нельзя было утаить».

Игольным ушком считалась барокамера: проверка стабильности кровяного давления.

— Представьте себе обыкновенный холодильник,— рассказывал мне один из кандидатов в космонавты,— только повместительней. И дверца плотная, с круглым окошечком из самого толстого стекла. Внутри камера больше смахивает на лифт: ходить нельзя, а сидеть можно. На стенке прибор для измерения атмосферного давления. И одна-единственная красная кнопка: если станет вдруг худо, нажмешь, и испытание немедленно прервется. В иллюминаторе то и дело появляется лицо врача. Испытание состоит в том, что давление медленно понижается; воздух становится все более разреженным; за этим можно даже самому следить. Чувствуешь себя, как в самолете: уши закладывает все ощутительнее, как будто поднимаешься в высоту метров этак тысяч на шесть! И опять-таки все время знаешь, что ты на твердой земле, что рядом люди.

...Наконец Юрий услышал желанные слова: «Стратосфера для вас не предел». И твердо вошел в группу завтрашних космонавтов.

«Завтра» растянулось на недели и месяцы. Начались занятия, и о них Гагарин вспоминал так: «Мы должны были изучить основы ракетной и космической техники, конструкцию корабля, астрономию, геофизику, космическую медицину. Предстояли полеты на самолетах в условиях невесомости, тренировки в макете кабины космического корабля, в специально оборудованных звукоизолированной и тепловой камерах, на центрифуге и вибростенде. До готовности номер один к полету в космос было еще ох как далеко!

Вот что рассказывал космонавт Владимир Александрович Шаталов о профессиональных тренировках:

«Вначале каждый из космонавтов готовит себя к отдельным элементам полета, репетирует свою работу в тех экспериментах, которые будут ставиться на борту космического корабля. Завершающий этап — проигрывание всего полета, когда экипажи обязательно тренируются вместе на комплексном тренажере. Тренируются хладнокровие, быстрота реакции и анализа. Работа в аварийных ситуациях и ожидание новых сложностей. Слаженность в работе всех членов экипажа, умение мгновенно понять друг друга».

Очень важным для успеха Шаталов считает «взаимопонимание с Землей». Вместе с основным экипажем точно так же тренируется экипаж дублеров. «В результате к концу подготовки они разбираются во всех тонкостях полета так же хорошо, как и те, что находятся в космосе, и знают, как поступит основной экипаж при встрече с той или другой неожиданностью».

Теперь перенесемся на берег Волги, к окраине тихого города, сохранившего облик стародавней слободы.

В марте 1960 года парашютист Николай Константинович Никитин, обладатель мировых рекордов, рыжеволосый щеголь («Душевный человек и прекрасный рассказчик»,— добавит после Гагарин), озабоченно объявил своим подчиненным:

— Едет спецгруппа. Будет нам работенка! Я назначен старшим тренером. Подготовить парашюты, секундомеры... И прежде всего жилье.

Этим-то и занялся Михаил Ильич Максимов, чаще называемый среди друзей просто Максом. Он плотничал и малярил. Гостиничку надо было довести до приличного состояния. Комнаты белили и красили, обставляли мебелью и оснащали «мягким инвентарем».

Тринадцатого апреля Максимову поступила новая команда: встречать.

И вот на зеленеющее свежей травой поле садится белый самолет. Из него выходят молодые лейтенанты — все как на подбор,— невысокие, в кожаных тужурках и бриджах, в меховых сапогах. Обмундирование с иголочки, скрипит, блестит. Только фуражки у всех разные: из тех частей, где лейтенанты служили раньше.

— Я ваш инструктор Максимов!

Едва отвезли вещи, не дав передохнуть, Максимов повел приезжих на занятия.

За месяц надо было пройти огромную программу: не менее сорока прыжков. Сложных, затяжных, со спуском на воду.

А Гагарин до этого прыгал четыре раза. И другие были не опытнее. Максимов помнит,

как поднялась чья-то рука. Встал, представился:

— Старший лейтенант Титов. Сколько прыжков нам предстоит? Сорок? Ого!

Они переглянулись. Здесь были все первые космонавты, кроме Быковского, который в это время находился в сурдокамере, отрезанный от всего света.

— Парашютист всегда волнуется,— говорил мне Максимов.— Чтобы снять этот неизбежный страх, им сначала Никитин, Ищенко, сержант Буханов — отличнейшие мастера — показали классические прыжки. Прыгал и я. Помню, вертолет набрал восемьсот метров, и со второго захода я выпрыгнул. Десять секунд падал плашмя. Показал беспорядочное падение, когда за несколько секунд до приземления надо доказать, что тело всегда управляемо. Никитин сказал: «А теперь я покажу положение, в котором многие погибали». Это было поистине потрясающее зрелище, особенно для новичков. «Он падает, как лебедь!» — вскричал кто-то. Но восхищение сменилось испугом: Никитин падал, падал, а парашют все не открыт. На спине уже отчетливо виден красный горб чехла. «Запасной! Запасной!» — стали орать на поле. Лишь за триста метров над землей Никитин сделал сальто, за ним спираль, и парашют выхлестнулся белой струей, надуваясь и тормозя. «Такая штука,— объяснил Никитин,— называется затенением. Суть в том, что при неподвижном падении над телом возникает разреженность, и, чтобы купол вышел из чехла, чтобы его рвануло током воздуха, надо немедленно менять положение тела».

Те молоденькие старшие лейтенанты, которых принял на аэродроме Максимов, со снисходительным юмором приглядываясь к оживленным лицам и скрипучим кожаным тужуркам — только что, видимо, со склада,— были предвестниками самых необыкновенных событий и в жизни бывалого парашютиста и в истории человечества.

Но почему-то тогда все это не воспринималось столь торжественно. На аэродроме знали, что приехала тренироваться группа космонавтов (новое слово быстро вошло в обиход); да и в самом городе без особого любопытства провожали взглядом стайку легконогих, неизменно жизнерадостных парней в голубых спортивных костюмах.

Событие началось, а его почти никто не замечал. Меньше всего сами космонавты. Им было очень некогда.

День начинался с подогнанной Максом к гостинице машины и первого завтрака уже на аэродроме — кружки какао. Затем прыжки в любую погоду, кроме сильного ветра. Тренировались с трамплинов и с двух вышек разной высоты. Парашютные лямки были закреплены на тросах — космонавт катился на них до самой земли. Ноги вместе...

— Бывало, орешь через электромегафон: ноги! Чтобы не болтал ими, а держал, как надо.

Через несколько лет Юрий так и надписал Максимову свою фотографию — таинственным, понятным лишь им двоим словом: «Ноги».

Прыжок! Еще прыжок!

Высота всегда страшна. Космонавты тоже переболели «предстартовой лихорадкой», когда сердце начинало неистово стучать, а перед прыжком сковывало оцепенение. «И хочу шагнуть за борт и не могу,— признавался Николаев.— Собрал всю волю, оторвал руки от борта кабины и прыгнул». «Как оттолкнулся от самолета, не помню,— вторил ему Быковский.— Начал соображать, когда рвануло за лямки и над головой выстрелил купол».

«С раскрытием парашюта у человека снимаются все отрицательные эмоции, настроение резко меняется, приходит чувство радости,— писали позже, анализируя это состояние, Гагарин и Лебедев в книге «Психология и космос».— Люди начинают перекрикиваться друг с другом, иногда даже поют песни». Там же рассказывается история трудного приземления Гагарина и Беляева: сильный ветер сносил обоих к железнодорожному полотну, за которым шли столбы высоковольтной электропередачи, а далее начиналась территория лесоразделочного завода. Приземление на провода и на бревна было одинаково опасным. С места уже сорвался вездеход — «Скорая помощь». Но Гагарин благополучно спустился у самых рельсов, а Беляев, поманеврировав, сел на крышу какой-то пристройки.

Теперь Максимов водил меня по пустому полю... Невдалеке по-прежнему виднелся дом, похожий на казарму, палисаднички, сараи. Место было открытое, и, увидев нас, сразу набежали мальчишки. Максимов смотрел на них сердито; однажды из-за таких же вот сорванцов он сломал себе ногу. Он прыгал, а мальчишечья стая вопила, задрав головы: «Дяденька, падай, не бойся, мы тебя поймаем!»

— А я бы их в землю вбил, если б упал на них. Вот и пришлось последний десяток метров вертеться, нарушать все правила, чтоб только опуститься подальше.

И тотчас переменил тему.

— Вы слыхали про «пристрелочный прыжок»? Это спуск в определенное место. Тут надо уметь учитывать всю разность течений воздуха. Ведь ветер не один! Там, на высоте, их одновременно несколько, и все дуют в разные стороны... Помню утро: нудный тихий дождь, земли не видно за пятьсот метров. Собрались мы все под крылом самолета, соображаем, как быть. «Ну, Макс, будем пры-

гать?» Смотрю на умоляющие глаза Леонова и Волынова — им лишь бы прыгать! Отчаянные ребята. Полетели. Нашли в тучах дырку километрах в пятнадцати от города. А шли в сплошном дожде, аж темно в самолете! Из дырки отыскали ориентиры. Выпрыгнули. И очень стало неприятно: в густом дожде стропы видны, а куполы — нет. Кричат друг другу, чтоб разойтись в этом тумане, не запутаться. Все-таки опустились, где надо. Никитин обыкновенно выпускал их парами. А по способностям делил на пятерки. В первой пятерке были, помню, Гагарин, Титов, Николаев, Волынов и Леонов... Ну, после прыжков они ехали в гарнизонный душ. До обеда отдыхали. После обеда шли на укладку парашютов.

Укладка парашютов — это довольно канительное дело. Скоро ребята научились укладывать не в парашютном классе, а на брезенте, на солнышке, и управлялись до обеда. После обеда — врачи. К четырем я снова подгонял автобус к гостинице: «Куда сегодня поедем?» «На речку! В музей!» Они были дружными парнями...

...Юрий Гагарин потом скажет: «Лететь в космос было моим личным желанием». Они все хотели лететь в космос! Они знали, что их ждет. И хотели этого.

Уверенность накапливалась с каждым новым рассветом, когда они гурьбой бежали на аэродром и прилаживали на себе широкие подушки парашютов. Наконец появился припоздавший Быковский, первым прошедший испытания одиночеством в сурдокамере. «Ну как? Как?» — жадно спрашивали его, обступив.

Максимов вспоминает, что тот отозвался с великолепной молодой беспечностью: «Да ничего. Чепуха. Отсидел — и все». И тогда внутренняя напряженность разрядилась вполне обыденно: ему стали жаловаться, что в городе скучно, свободного времени почти нет.

Гагарин обладал ценным сочетанием юмора и серьезности: к своей работе он относился серьезно, но делал ее необременительно для других, оставаясь в обиходе шутником и балагуром. Когда, казалось бы, его должны сломить горечь или утомление, он всегда сохранял привычную ровность и спокойствие.

Как-то, близко к концу парашютной практики, Юрий спросил мимоходом:

— Что это Хмара так нахмарился? Случилось что-нибудь?

Фамилию Хмара носил завскладом — укладчик парашютов. Вид у него действительно был последние дни унылый и озабоченный.

— Худо,— отозвался Максимов.— До зарплаты далеко, а дети захворали, оба лежат в больнице, и жена там при них. Передачи носить надо.

Юрий оглянулся на Титова:

— Быстренько подписочку?

Герман понимающе вытащил лист бумаги:

— Организуем.

Вдвоем они обошли всех парашютистов...

Собственно, тут не было ничего выходящего из ряда вон: все охотно пришли на помощь товарищу. Но неладное в выражении его лица первым заметил Юрий.

Проявляя сочувствие, Гагарин делал это с улыбкой. Он всегда предпочитал помочь человеку развеять плохое настроение, чем просто разделить его уныние.

Мне рассказывала саратовская учительница Надежда Антоновна Бренько. Ее муж умирал в больнице. Она пришла на урок в техникум, села за стол и горько заплакала. «Ребята,— сказала она,— Юрий Федорович больше не вернется к нам». Юрий Федорович Кузьмин, инженер-литейщик, вел в Индустриальном техникуме специальные дисциплины, его любили. Это к нему, больному, прибегали студенты вместе с Юрием в тесную комнатку на втором этаже скрипучего деревянного дома и играли на постели в шахматы...

Парни потупились, у некоторых на глазах выступили слезы.

— А Юра? — осторожно спросила я.— Где был он?

— Юра? — Она глубоко вздохнула, с трудом вырываясь из горестного воспоминания.— Юра, конечно, у двери.

Оказывается, он незаметно подошел к дверям и стоял на страже, чтоб не заглянул кто-нибудь посторонний и не застал учительницу плачущей.

С годами Гагарин, вероятно, менялся во многом. Но оставались в нем неизменными до последнего дня отзывчивость и доброта. Внимательный взгляд натерпевшегося с детства человека подмечал те мелочи, мимо которых беззаботно проходили другие.

— Мне самым главным,— сказал Максимов,— кажется не то, что Юрий выдержал испытание как космонавт,— когда надо, мы, летчики, все выдержим! — а вот, что испытание славой достойно вынес, остался прежним, это, по-моему, важнее. И все космонавты потом держались так скромно, может быть, именно потому, что Юра задал тон. Да, народ его любит. Когда он должен был приехать сюда на первую годовщину полета, как его ждали! Два дня школьники, студенты шли сплошным потоком к тому полю, где он приземлился. И люди шли, и машины ехали. В газетах потом писали, что собралось двадцать тысяч. Больше! Старушка Тахтарова, которая его первой встретила, лежала в больнице: так ее на те дни врачи отпустили. «Где же,— говорит,— мой сынок? Я пирогов ему напекла». Большое было разочарование, когда объявили, что не сможет он прибыть. И все равно до последней минуты верилось...

Вся парашютная эпопея заняла тридцать

Уверенность накапливалась с каждым новым прыжком.

семь дней: тринадцатого апреля космонавты прилетели, а девятнадцатого мая получили значки инструкторов парашютно-десантного дела. Кстати, этот значок Гагарин носил и после того, как его китель украсила Золотая Звезда...

В Москве космонавтов ждала сурдокамера. Казалось бы, для такого общительного человека, как Юрий, испытание одиночеством было особенно невыносимым. Только привычка к дисциплине, «умение с вдохновением отдаваться будничным заданиям» — как скажут потом о нем в прощальном слове друзья-космонавты,— только железная воля и крепкие нервы могли бы удержать его в норме.

Так казалось... Но, мне думается, что именно благодаря своей общительности Гагарин легче других перенес одиночество. Он быстро нашел выход: ему составил компанию... собственный голос. «Доброе утро. Начинаем зарядку»,— говорил он, просыпаясь. И целый день проходил в подбадривающей игре с самим собою. Мы ведь уже знаем, как он умел самозабвенно играть с детьми. Склонность к выдумке и фантазерству оставалась в нем всегда.

Журналистка Ольга Апенченко издала тотчас после гагаринского полета очень интересную книжку под названием: «Труден путь до тебя, небо!».

«В комнате работали трое,— рассказывала она.— Врач-психолог, лаборантка и инженер. Но все время чувствовалось присутствие кого-то четвертого. То и дело слышалось: «Он проснулся сегодня раньше...», «Он передал, что чувствует себя отлично...» Он — космонавт. Он много дней не видел людей, не слышал человеческого голоса.

От одиночества, от тишины самые здоро-

вые люди сходят с ума, у них появляются галлюцинации... Врач включает ленту-записи, и раздается живой, улыбчатый голос Гагарина: «Земля! Я — космонавт. Сегодня пятое августа тысяча девятьсот шестидесятого года. Московское время — восемь часов сорок минут. Приступаю к завтраку. Та-ак... морковное пюре... По случаю вашего прибытия на Землю, Юрий Алексеевич, сегодня праздничный завтрак!»

«Снаружи камера похожа на рубку корабля,— пишет Апенченко. — Здесь даже иллюминаторы. Но они не пропускают дневного света. Камера изолирована от всего — от звука, от света. Даже атмосфера у нее своя».

Однажды все очень встревожились: датчик дыхания «не писал». Спешно включили телевизор, и лишь тогда в полутьме с облегчением разглядели фигуру спящего Гагарина; ладонь под щекой, грудь ритмично вздымается... Уф!

«Лампочки на столе у Юрия замигали. Красная, красная, белая. Он посмотрел в табличку и прочитал: «Поправьте датчик дыхания».

Так, молча, разговаривала с космонавтом Земля. И понемногу он привык к ее немому разговору. Но озорство не оставляло его и в этой обстановке. Он начинал болтать сам с собою, зная, что за толстыми стенами с электронной начинкой его услышат.

«Он вспоминал, кто должен дежурить в тот день, и говорил, не рассчитывая на ответ. «Зин? А Зин? — доносилось из динамика.— Ты сегодня дежуришь? Как там моя Валя? Передай ей, что я тут обжился».

Прошло еще несколько дней. По эту сторону камеры знали, что сегодня затворничеству наступит конец. Но Гагарин ничего не подозревал, для него бесконечное время продолжало тянуться и тянуться...

Неожиданно из динамика донеслось странное мурлыканье под нос.

— Вот порвались шнурки,— пел Гагарин.— Пора готовиться к записи... Сколько мне дали электродов... Один электрод с желтым шнурком... Другой электрод с зеленым шнурком... Третий электрод с красным...

«Мне было непонятно все это,— пишет Апенченко,— и психолог Федор Дмитриевич просто объяснил: «Иссякли впечатления в камере. Вот он и ищет новых впечатлений. Поет, как казах, обо всем, что видит».

В характеристике, составленной перед его полетом, было сказано: «Реакция на «новизну» (состояние невесомости, длительная изоляция в сурдокамере, парашютные прыжки и другие воздействия) всегда была активной; отмечалась быстрая ориентация в новой обстановке, умение владеть собой в различных неожиданных ситуациях. Уверенность, вдумчивость, любознательность и жизнерадостность придавали индивидуальное своеобразие выработке профессиональных навыков».

Работа космонавта состоит из двух полюсов внутреннего состояния: из готовности к риску, тяги к критическим ситуациям и в то же время из постоянной самодисциплины. Обе эти силы — как центростремительная и центробежная — действуют одновременно и составляют суть мастерства новой профессии.

Зарубка на истории человечества

Космическая эра началась несколько раньше, чем об этом узнал первый космонавт.

Но прежде, чем перейти к «самой интересной странице» жизни Гагарина, следует напомнить о космической медицине.

Автор книги «Первые ступени» хорошо передает то чувство ошеломления, которое он испытал в институте, где тренировали на центрифугах стриженых дворняжек. Еще сто лет назад, когда трое французов-воздухоплавателей поднялись на воздушном шаре впервые на высоту восьми километров, ближний космос дал ясно понять, что человеку в нем делать нечего. И не только потому, что наш вестибулярный аппарат приспособлен лишь к земной силе тяжести, а при ее нарушении начинаются искажения в восприятии мира. В той или иной степени всех космонавтов посетили зловещие космические фантасмагории, когда казалось, что кабина расползалась, один глаз видел как бы совсем не то, что другой.

До полета человека невесомость оставалась белым пятном, «великим иксом», по выражению академика Василия Васильевича Парина. Хотя было уже ясно: с высотой уменьшается давление, живительные газы, наполняющие кровь — кислород, азот,— собираются в пузырьки и закупоривают кровеносные сосуды. В этом и была причина трагедии французских воздухоплавателей. Если их шар смог бы подняться выше еще на десять километров, то там их подстерегала гибель от... закипевшей крови! Потому что с падением атмосферного давления меняется и точка кипения жидкости.

Но и в этом не последняя опасность высоты! Постоянный ливень космических частиц, путь которому надежно преграждает плотная земная атмосфера, там, на высоте, ударял бы по нашим мышцам и костям: одно ядро атома водорода — «космическая бомбочка», летящая с гигантской скоростью,— способно поразить пятнадцать тысяч клеток в человеческом организме!

...А может, космос и есть тот самый смер-

В сурдокамере бесконечное время продолжало тянуться и тянуться.

тельно опасный порог, переступив который не останется ничего другого, как только... стать оптимистами?! Вооружиться главной и в итоге единственной человеческой силой — силой духа?

Оптимизм рождается вначале от незнания опасностей, подстерегающих впереди. А о чем же мы так мало знаем еще, как о космосе? И что более дерзновенно, чем наше вступление в него?

Когда Земля подбросила своей большой ладонью горошину ракеты,— а та вдруг не вернулась тотчас, сраженная тяготением, но сама по себе описала круг,— в этом наряду с напряжением, наукой, работой был и элемент дерзости древних мореходов. И всего того, чем красна жизнь. Что вносит в наше существование радостный дух исканий. Человек с одинаковой одержимостью стремится и к вершинам и к безднам — ко всему, что кажется недостижимым.

Не надо забывать, что, когда произошел первый прорыв человека за пределы земного тяготения, мир был моложе, и мы на многие вещи смотрели по-иному. Через полвека людям будет еще труднее вообразить поступок Гагарина во всей его психологической сложности. Те из нас, что проживут это грядущее пятидесятилетие, будут уже отличаться сами от себя, сегодняшних, настолько же, как и мы, родившиеся до телевидения, непохожи на тех, кем стали нынче, когда смотрим на дому футбольный матч с другого полушария. Или узнаем о великом событии не после его свершения, а в ту самую минуту, как бы становясь участниками его.

В убыстрившемся мире каждый день происходят перевороты, технические и научные, хотя случается это неосязаемо и невидимо.

Но космос — даже самый близкий, наша орбитальная околица — еще очень долго не будет обжит! Он по-прежнему будет притягивать мечты не одного поколения землян и будет по-прежнему оставаться для них заманчивой целью.

Перст фортуны

У генерала Каманина много всего за спиной. «Голова в сединах, грудь в орденах» — можно сказать о нем, хотя он еще не так и

сед. В двадцать четыре года он спасал в Карском море челюскинцев; девушки тогда пели по всему Советскому Союзу:

Мое сердце ранено
Летчиком Каманиным.

С газетных страниц смотрел юноша, стремившийся всеми силами удержать на лице деловое, даже слегка насупленное выражение...

С Гагариным они встретились впервые в начале марта 1960 года на приеме у главнокомандующего военно-воздушными силами Вершинина.

Но Николай Петрович не был для Юрия совсем чужим: начальник Саратовского аэроклуба Григорий Кириллович Денисенко, тоже Герой Советского Союза, фронтовой товарищ Каманина, часто рассказывал о своем однополчанине.

Думаю, что с годами генерал — человек, как мне показалось, вовсе не сентиментальный — привязался к своим питомцам, чувствовал себя уже неотторжимым от них. В его дневнике проскальзывают озабоченные, почти родительские нотки.

5 апреля 1961 года, когда они прилетели из еще заснеженной Москвы на Байконур, где над высокими песчаными барханами дул сухой «афганец», Николай Петрович Каманин записывает:

«В автомашине по дороге на аэродром, в самолете и сейчас, когда я пишу эти строки, а космонавты играют за окном в волейбол, меня неотступно преследует одна и та же мысль: кого послать в первый полет — Гагарина или Титова? И тот и другой — отличные кандидаты... Есть еще несколько дней, чтобы сделать выбор. Невольно вспоминаются дни войны. Тогда подчас было трудно решать вопрос, кого посылать на рискованное задание; оказывается, во много крат труднее решить, кого из двух-трех достойных сделать участником всемирно-исторического события».

Проходят сутки, Николай Петрович снова обращается к заветной тетрадке. Вот еще одна его запись.

«Весь день наблюдал за Гагариным, вместе обедали, ужинали и возвращались в автобусе. Он ведет себя молодцом, и я не заметил ни одного штришка в разговоре, в поведении, в движениях, который не соответствовал бы обстановке. Спокойствие, уверенность и знания — вот его характеристика за день... Ребята давно уснули, а я в раздумье сижу над дневником...»

8 апреля состоялось заседание Государственной комиссии. Полетное задание пилоту космического корабля «Восток» подписывают Королев и Каманин. «От имени ВВС я предложил первым кандидатом Гагарина Юрия Алексеевича, а Титова Германа Степановича — запасным. Комиссия единогласно согласилась с предложением».

9 апреля, воскресенье.

«В конце дня я решил не томить космонавтов и объявить им решение комиссии. По этому поводу, кстати сказать, было немало разногласий. Одни говорили, что решение о том, кто летит, надо объявлять на старте; другие считали — надо сделать это заранее, чтобы космонавт успел привыкнуть к мысли о полете.

Я пригласил к себе Юрия Гагарина и Германа Титова и сказал как можно более ровным голосом:

— Комиссия решила: летит Гагарин. Запасным готовить Титова.

Не скрою, Гагарин сразу расцвел своей улыбкой. По лицу Титова пробежала тень досады, но это только на какое-то короткое мгновение. Герман крепко пожал руку Юрию, а тот не преминул подбодрить товарища: «Скоро, Герман, и твой старт».

А накануне полета, после обеда без тарелок и вилок, из космических туб, Юрий неожиданно сказал Каманину:

— Знаете, Николай Петрович, я, наверно, не совсем нормальный человек.

— Почему?

— Завтра полет. Такой полет! А я совсем не волнуюсь. Ну, ни капли не волнуюсь. Разве так можно?

Наверно, все это так и было, хотя каждое событие имеет столько окрасок, сколько людей о нем вспоминает.

Инженеру-испытателю Юрий запомнился в предстартовые дни совсем другим — не улыбчатым, не беззаботным.

«Юрий увел меня в сторону от испытательной площадки, и мы прогуливались вдоль монтажно-испытательного зала корпуса. Он долго молчал, молчал и я. Юра поднял голову и грустно сказал:

— Ну вот, скоро и расставание...»

А вот какое впечатление осталось у академика Королева:

«В своей жизни я повидал немало интереснейших людей. Гагарин — особо значительная, неповторимая личность. В дни подготовки к старту, когда у всех хватало и забот, и тревог, и волнений, он один, казалось, оставался спокойным, даже веселым. Сиял, как солнышко... «Что ты все улыбаешься?» — спросил я его. «Не знаю. Видимо, несерьезный человек». А я подумал: побольше было бы на нашей земле таких «несерьезных» людей... Один случай меня особенно изумил. В то утро, перед полетом, когда Юрий одевался в свои космические доспехи, я заглянул в «костюмерную» и спросил: «Как настроение?» «Отличное,— ответил он и, как обычно, с ласковой улыбкой произнес: — А у вас?» Он пристально вглядывался в мое сероватое, уставшее лицо — не спал я ночь перед стартом,— и его улыбка разом погасла. «Сергей Павлович, вы не беспокойтесь, все будет хорошо»,— сказал он очень тихо».

— Сергей Павлович, вы не беспокойтесь, все будет хорошо,— сказал Гагарин тихо.

Герой — всегда собирательный образ, как бы ни был реален человек, ставший им. К фактам и датам биографии прибавляются те миллионы глаз и миллионы ушей, которые смотрят на него и слушают о нем. Народ не хочет знать о мимолетном и слабом в характере своего любимца; он не придумывает ему другую жизнь, просто освещает ее собственным светом, согревает своим дыханием.

И люди правы, когда делают так.

Мне рассказывала поэтесса Людмила Константиновна Татьяничева:

«Однажды весной, возвращаясь из командировки, я села в такси от вокзала, и так как мне интересны все люди, как бы коротко я с ними ни сталкивалась, стала приглядываться к шоферу и попыталась завязать с ним разговор. Но он отвечал неохотно, а потом и вовсе перестал. «Извините,— сказал,— но я хотел бы сейчас помолчать. Слова с языка не идут». «У вас что-то случилось?» «Конечно, случилось,— ответил он.— Юра наш погиб». «Какой Юра?» «Юра Гагарин».

Она еще ничего не знала.

Шофер вздохнул: «Он ведь у нас у всех как первенец был. Первый в семье».

И стал горестно вспоминать о том, что и он видел однажды Гагарина. Тот выходил из машины, которую сам вел. И так захотелось таксисту поговорить с ним! «Но о чем? О космосе? А что я в нем понимаю? И упустить случай такой не могу, просто не прощу себе этого. Подошел, спрашиваю: «Юрий Алексеевич, сами машину водите?» «Сам». «А сколько она прошла?» «Двадцать тысяч километров». «А как здесь?» — потыкал пальцем. «Хорошо». «Разрешите взглянуть?» «Конечно». Облазили вместе всю машину, хорошо так поговорили...»

У Юрия, кроме подвига, оказалась завидная судьба: он был счастлив любовью многих. Возле пирамид за его машиной восторженно поспешали шейхи пустыни. В честь него били исступленные африканские тамтамы. Итальянцы ему писали: «Мы, римские ребята, обнимаем тебя ото всей души, о великий Юра!»

Счастье тоже можно трактовать в двух его значениях. Маленький круг счастья — это

то, что человеку приятно, доставляет удовольствие. Собственно, так и понимает счастье каждый из нас в обыденной жизни. И такого счастья мы желаем друг другу в ночь под Новый год.

Но большой круг счастья очерчивает все заключенные в человеке силы и возможности. Такое счастье может проявиться лишь в исключительных, необычных обстоятельствах, оно требует напряжения сил, смелых поступков, умения поверить единственному шансу из ста. Оно требует отказа от легкого и близкого во имя того, что пока далеко и трудно. Это — счастье раскрыться для мира, распахнуть себя для него.

Но вернемся к Юрию Гагарину. К его, казалось бы, такой солнечно-удачливой судьбе. (Крутые изломы ее не были заметны постороннему взгляду.)

Образ Гагарина поверяется не только историей, но и народным воображением. Я тоже слышала несколько легенд о нем. Вот одна из них.

Это случилось уже после того, как слетали первые шестеро космонавтов. На одном из приемов, когда официальные тосты кончились и все приветственные речи остались позади, приглашенные разбились на небольшие компании.

Космонавты тогда были все очень молоды, общительны, полны озорства.

— Ребята,— спросил кто-то.— Ну, скажите, почему все-таки полетел первым Юрка, а не ты, не ты и не ты? В чем тут дело?

Космонавты переглянулись.

— А потому,— отозвался один из них, кажется, Павел Попович (и пусть не обижается, если это не так: легенду не оспаривают!).— Потому, что Гагарин оказался честнее нас всех.

И будто бы рассказал такую историю.

Однажды вечером академик Королев повел их всех взглянуть на корабль «Восток». Почему-то мне представляется, что это был вечер и зима. По крайней мере когда они вошли в пустой ангар, а Королев щелкнул выключателем, и ровный, безжизненный свет залил длинное помещение, всем стало как-то не по себе. Словно их оледенил прообраз космической пустоты. «Я понимаю,— сказал Королев после некоторого молчания.— Лететь первому страшно. Дело это, товарищи, добровольное». Космонавты после секундной запинки подтвердили, что все они готовы лететь. «Ну, тогда с завтрашнего дня вы будете проходить еще некоторые дополнительные медицинские обследования».

И действительно, неделю или месяц — сказка утверждала бы, что тридцать лет и три года! — они глотали таблетки, подставляли руки шприцам, вдыхали и выдыхали, в общем, вели себя примерно и весьма послушно.

В один из таких дней, ну, ничем решительно не отличимый от предыдущих, их снова позвали к Королеву. «Железный король», как его называли в шутку, был озабочен и хмур.

Легенда не уточняет, где это происходило, но, закрыв глаза, я вижу небольшую комнату, скорее всего рабочий кабинет со служебным сейфом, книжными шкафами и окнами на теневую сторону.

Космонавты встали в ряд.

— Как вы себя чувствуете? — спросил «Железный король» у первого в ряду.— Готовы к полету?

— Самочувствие отличное. Лететь готов.

По лицу Королева скользнуло легкое облачко неудовольствия. Брови чуть сдвинулись.

— Как ваше самочувствие? — отрывисто спросил он следующего.

— Чувствую себя хорошо. Готов выполнить любое задание.

Гроза на челе академика собиралась все явственнее. К полному недоумению присутствующих! Чем он недоволен? Что они сделали не так?

Юрий стоял не последним в ряду, но все-таки ближе к концу.

— Ну,— язвительно проронил Сергей Павлович, когда дошла очередь и до него,— вы, конечно, тоже вполне здоровы и готовы лететь?

Гагарин замешкался. В нем происходила короткая внутренняя борьба. Он смотрел прямо в глаза Королеву.

— К сожалению,— с усилием начал он,— у меня сейчас очень болит голова. Но я готов выполнить любое задание,— поспешно добавил он.

Королев с облегчением рассмеялся.

— Чертовы сыны! — воскликнул он. А, может, и как-то иначе.— У вас у всех болят головы. Просто раскалываются на части! Вам дали такие порошки. Я знаю, что все вы герои, но не нужно мне сейчас ваше геройство. Я хочу знать, от кого могу получить объективную информацию.

— Так Юра и полетел первым,— вздохнув, закончил Попович под громкий смех товарищей.

А если это был не он или этого вообще не было, то все равно—миф прав! Ибо глубоко копнул самую сущность натуры Гагарина. Гагарин был, как все, удивительно, как все! Только чуточку смелее, добрее и прямодушнее.

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

I	II	III	IV
1	2	4	8
3	3	5	9
5	6	6	10
7	7	7	11
9	10	12	12
11	11	13	13
13	14	14	14
15	15	15	15

— Посмотрите на мое великое изобретение, — гордо произнес Икс, показывая на доску. — Задумайте число и скажите, в каких столбцах оно стоит, и я отгадаю.

— Мое число в четвертом столбце, — сказал Зет.

— Восемь! — сказал Икс.

— Нечестно, ты просто видел, куда глядит Зет! — закричал Игрек.

— Не верите, так завяжите мне глаза!

Игрек вытащил носовой платок и тщательно выполнил просьбу Икса.

— Вот теперь отгадывай. Мое число стоит во втором и четвертом столбцах.

— Десять!

— М-да... Правильно... А теперь в первом, третьем и четвертом.

— Тринадцать! А теперь давай по-другому: назови число, и я скажу; в каких столбцах оно стоит.

— Дай, я попробую, — вмешался Зет. — Число девять.

— В первом и четвертом.

— Четырнадцать?

— Во всех, кроме первого.

— Все правильно, — сокрушенно пробормотал Игрек. — Но как он это делает?

— Пожалуй, я догадался, — отозвался Зет. — Но пусть наши читатели подумают сами.

— А я прошу читателей, — сказал Икс, снимая повязку, — сделать самим похожие таблицы и выступить с ними в пионерском лагере или во дворе. Я дам им только один совет: таблица эта особенная. Она составлена не с помощью нашей обычной десятичной системы счисления. Ее легко разгадает тот, кто знаком с двоичной системой. Для нас с вами она непривычна, а вот любая ЭВМ с ней справилась бы мгновенно.

ИКС: БЛАГОДАРЮ ВСЕХ, КТО ПОЗДРАВИЛ МЕНЯ С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ! МНЕ ПОШЕЛ 373-Й ГОД, И ЧУВСТВУЮ Я СЕБЯ ПРЕКРАСНО! ЗАНИМАЙТЕСЬ ПО УТРАМ МАТЕМАТИКОЙ!!!

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАСКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

Предположим у нас есть такая запись: «111».

В обычной нашей десятичной системе счисления так обозначается число, в котором одна сотня, один десяток и одна единица: $111 = 1.100 + 1.10 + 1$. Но для современных электронно-вычислительных машин здесь написано всего лишь число 7 — с помощью двоичной системы счисления. В этой системе всего две цифры — 0 и 1, вместо десятков используется 2, вместо сотен — $2 \times 2 = 4$, вместо тысяч — $2 \times 2 \times 2 = 8$, ...(вспомните, что $100 = 10 \times 10$, $1000 = 10 \times 10 \times 10$). В числе 7 содержится один раз 2×2, один раз 2 и один раз 1 — получается запись «111». В числе 17 содержится один раз $2 \times 2 \times 2 \times 2$, ни одного раза $2 \times 2 \times 2$, 2×2 и 2 и один раз 1 — получается запись «10001».

Таблица составлена так: если в двоичной записи **крайняя** справа цифра 1 (например, 9 — 1001), то число стоит в первом столбце, если **вторая** справа единица (например, 14 — 1110), то оно есть во втором, если **третья** справа единица (13 — 1101), то в третьем, если **первая** слева 1 (все названные числа), то в четвертом.

Ключевое число первого столбца — 1, второго — 2, третьего — 4, четвертого — 8. Чтобы найти загаданное число, нужно сложить вот эти самые числа, соответствующие тем столбцам, которые называет играющий.

Конечно, все эти премудрости не понадобятся тем, кто будет загадывать числа. Наше объяснение важно для тех, кто будет выступать с таблицей и поражать всех быстрыми отгадками.

Задача эта прислана из Ленинграда учителем математики В. М. Розентуллером. Советуем почитать книгу С. В. Фомина «Системы счисления».

Рисунки и акварели

Л. КУДРЯВЦЕВА

И. Е. Репин. «Невский проспект»

Случалось ли тебе видеть художника, скромно примостившегося где-нибудь на перекрестке улиц или на пеньке в лесу с альбомом и карандашом в руках? Случалось ли увидеть его лицо в этот момент, быстрый внимательный взгляд?

Любопытный остановится, заглянет через плечо, бросит необязательные слова, более деликатный постарается не помешать, не потревожить. Но останется в каждом смутное чувство, что подглядел он что-то, ему лично не предназначенное, оказался случайным свидетелем того, что называется творчеством.

Вот так прохожие могли видеть на одном из углов Невского проспекта зимой 1887 года знаменитого русского художника Илью Ефимовича Репина, набрасывающего на лист бумаги перспективу главной петербургской улицы, и никто из них, да и сам Репин, наверно, не предполагал, что рисунок со скромным сюжетом «Невский проспект» будет через многие годы воспроизводиться в репродукциях и висеть на всевозможных выставках как самостоятельное художественное произведение.

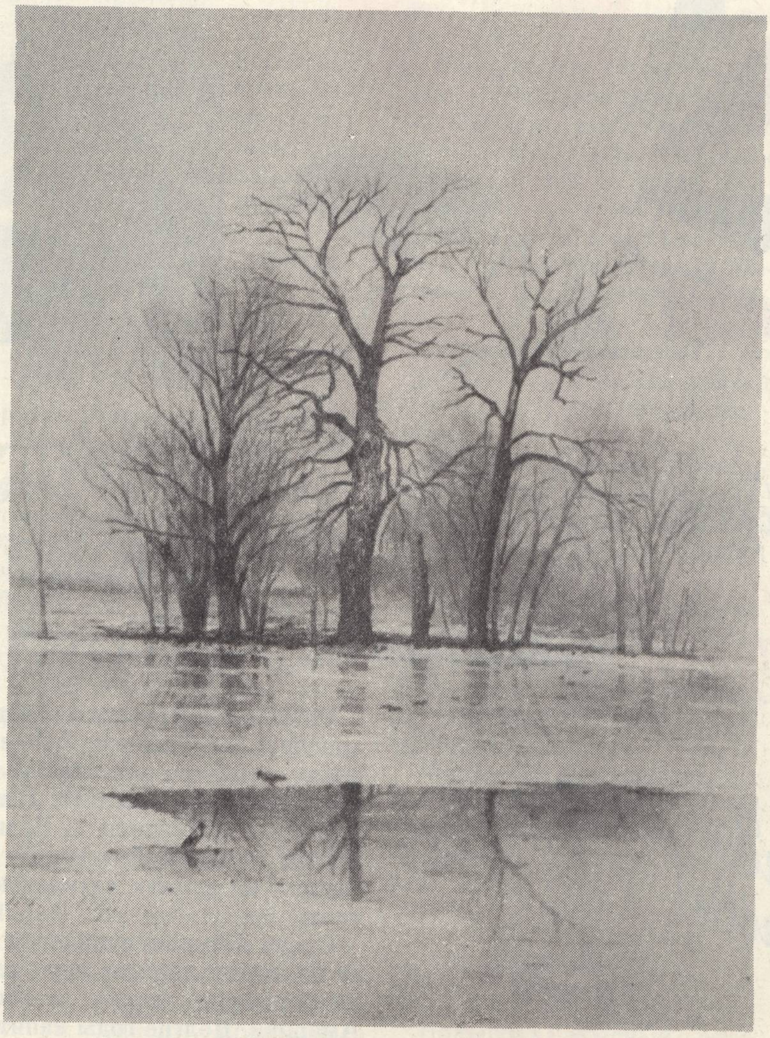
Почему сорокатрехлетний живописец, автор таких эпических полотен, как «Бурлаки на Волге» и «Крестный ход в Курской губернии», в обычный зимний день вышел с этюдником на улицу? Чтобы подсмотреть жизнь города в тот его час, в который, по выражению Н. В. Гоголя, по улицам «плетется нужный народ»; схватить искушенным глазом движение идущих и спешащих по своим надобностям горожан разных сословий; бег запряженной в сани лошади; клубы пара; застывшую красоту петербургских домов в морозный день или потренировать — в бессчетный раз! — свой глаз, руку или в бессчетный раз заново удивиться городу, снегу, движению, жизни?

Посмотри на этот рисунок, думаю, ответ придет к тебе сам.

Репин не мог работать без постоянной связи с природой, живой, подвижной, таинственной: натуру он называл своим учителем. Была она учителем и для других передвижников. И мы хорошо это увидели на выставке «Рисунок и акварель передвижников», посвященной столетнему юбилею Товарищества передвижных художественных выставок.

Удивительно интересно, полезно и увлекательно заглядывать вот в такую «лабораторию творчества» художников, все равно как читать черновики Пушкина, Толстого. И открывать мир Сурикова, Репина, Левитана, Саврасова.

Алексей Кондратьевич Саврасов — первый русский лирик-пейзажист — свой этюд «Пейзаж с церковью и колокольней» тоже не предназначал для публики. Набрасывая на тонированный серой краской лист легкие контуры обнаженных стволов берез, рисуя у их подножий тающий, сырой снег, робко текущую из-под снега воду, обозначая на дальнем плане приметы современной ему деревни (церковь, колокольня), он готовился к работе над тем живописным полотном, которое мы все так хорошо знаем — «Грачи прилетели».

А. К. Саврасов. «Весенний пейзаж»

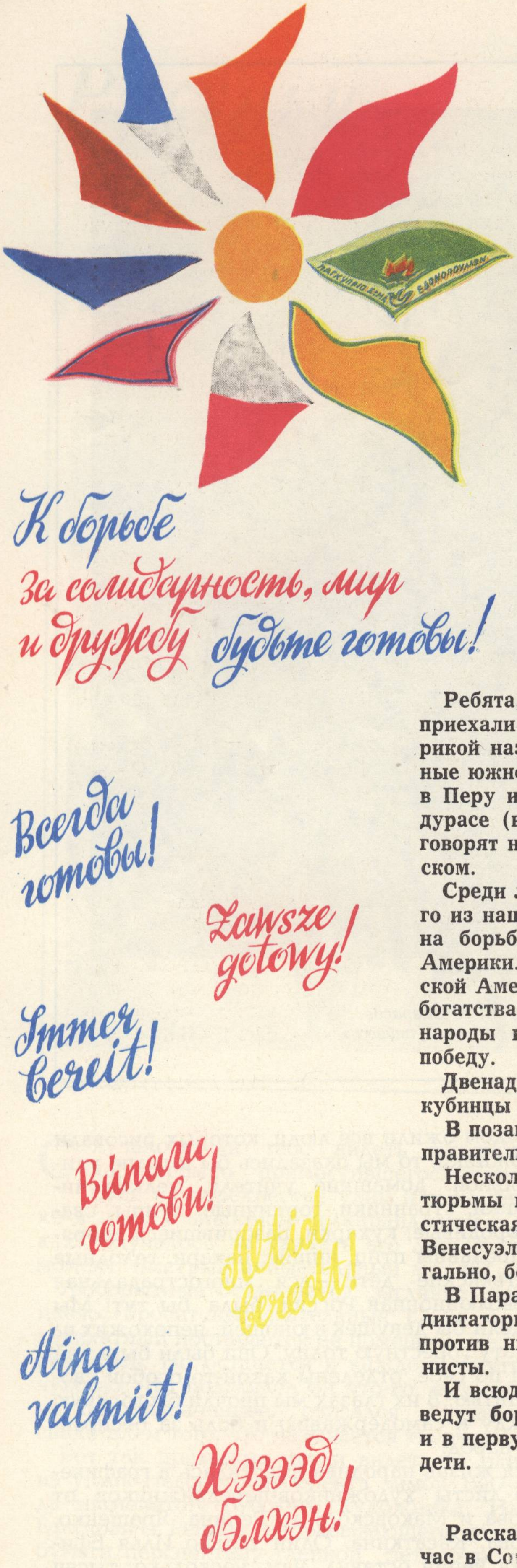
Но, узнавая в наброске эту картину, мы ощущаем какую-то существенную между ними разницу. Отчего на этюде весна холодна, природа сиротлива и бесприютна? От одной только малости — грачи на саврасовском рисунке еще не прилетели! Они не покрыли собой деревья, не свили гнезд, не захлопали крыльями. Один лишь безмолвно и сиротливо стоит у сломанной, черной березы. Жизнь весенняя еще не началась, она на пороге... У этого эскиза можно простоять столь же долго, как и у большого полотна. В нем, кроме воздуха, воды, деревьев, есть еще и душа художника, как с восторгом писали о работах Саврасова его современники. И душа его родины.

Печальны и горьки думы художника в поэтическом этюде «Весенний пейзаж». Вспоминаешь строчки Тютчева:

Эти бедные селения,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Передвижники очень серьезно относились к судьбе своей родины, к судьбе своего народа. Собственно, ради его просвещения создали они свое Товарищество. Если бы каким-то чудом ожили все люди, которых рисовали художники, то мы оказались бы в толпе удивительной: домашние учителя, мелкие чиновники, странники, горничные, купцы, свахи, юродивые, кухарки, разорившиеся дворяне, продавцы птиц, нищие, пахари, голодные крестьянские дети — вся многострадальная дореволюционная Россия была бы тут! Мы увидели бы девушек и юношей, непохожих на всю эту горестную толпу. Они были бы в ней сами по себе, отделены какой-то особой своей статью. В их глазах мы прочли бы горячую вражду к самодержавию и боль за бесправный народ.

Вся жизнь народная вместилась в графические листы художников-передвижников от Перова и Маковского до Репина, Ярошенко, Серова, Касаткина. Один только Илья Ефимович Репин оставил нам несколько тысяч рисунков.

Международный пионерский клуб «Товарищ»

Ребята, с которыми ты встречаешься сегодня в нашем клубе, приехали из Латинской Америки. Ты знаешь, Латинской Америкой называют все страны западного полушария, расположенные южнее Соединенных Штатов. Их называют так потому, что в Перу и Аргентине, в Бразилии и Чили, в Венесуэле и Гондурасе (всего в Латинской Америке двадцать четыре страны) говорят на языках латинской группы — испанском и португальском.

Среди латиноамериканцев бытует такая поговорка: «У каждого из наших народов свои песни и танцы, у всех народов — одна борьба» — борьба с капиталистами Соединенных Штатов Америки. Долгие годы капиталисты США хозяйничали в Латинской Америке, эксплуатировали и грабили ее народы, вывозили богатства, захватывали земли. В борьбе, трудной и неравной, народы нескольких латиноамериканских стран уже одержали победу.

Двенадцать лет назад победила революция на Кубе. Теперь кубинцы строят на своем острове социализм, и мы помогаем им.

В позапрошлом году победил народ в Чили, и теперь у власти правительство Народного единства.

Несколько лет назад в Венесуэле преследовали, бросали в тюрьмы всех, кто боролся за независимость страны, коммунистическая партия находилась в подполье. Сейчас коммунисты Венесуэлы добились большого успеха: их партия работает легально, борьба продолжается.

В Парагвае и Никарагуа и по сей день хозяйничают жестокие диктаторы — Стреснер и Самоса. И народы этих стран борются против них. Примеры отваги и мужества показывают коммунисты.

И всюду, где господствует еще произвол, где народ угнетают, ведут борьбу за свободу и счастье передовые смелые люди, и в первую очередь коммунисты. В этой борьбе им помогают и дети.

Корреспондент газеты «Правда» О. ИГНАТЬЕВ.

Рассказы ребят из Латинской Америки, которые живут сейчас в Советском Союзе, записал наш корреспондент О. ТИХОМИРОВ.

ФУТБОЛЬНЫЙ МЯЧ

Рене Мендес (Гондурас)

В тот день нас пораньше отпустили из школы. Я был уже недалеко от дома, когда вдруг увидел отца. Он ехал на велосипеде и крутил педали быстро-быстро. Отец заметил меня и крикнул:

— Рене, будь осторожен!

Тут показалась машина с полицейскими. Они стреляли в отца. Он успел свернуть в узенький переулок, где машина проехать не могла...

Я понял, у нас дома засада. Но там осталась мать. Я подумал, что мне уже тринадцать лет. Я помогу ей.

Партизаны ночью бывали у нас в доме, и я знал, что у нас на чердаке есть ящики с оружием...

Как ни в чем не бывало я толкнул калитку. Вошел во двор. И тут на меня набросились полицейские, потащили к дому. Там все было перевернуто. Под столом стояли открытые ящики и в них патроны, автоматные диски, гранаты.

— Садись, — сказал мне офицер и улыбнулся.

Он был очень вежлив, когда задавал вопросы. Но я решил прикинуться, что не понимаю даже, в чем дело. Тогда офицер вдруг ударил меня по лицу и стал допрашивать мою мать.

Я незаметно вытащил гранату из ящика. Хотел подорвать всех и себя тоже. Но тут в коляске заплакал ребенок.

Офицер увидел у меня гранату. Я сделал вид, что просто рассматриваю ее. Подержал в руках и положил в ящик. Офицер поверил, что я ничего не понимаю, и отпустил меня во двор.

Я стал гонять по двору футбольный мяч, а сам все время посматривал на улицу — не идет ли кто из знакомых?

Прошло часа два. Я устал бегать с мячом, но тут появился на улице дядя Хуан. Тогда я сильно ударил по мячу, и тот полетел через забор. Я — за ним.

— Куда?.. Стой! — закричал полицейский.

Но я уже бежал вперед за мячом по улице. За мной бежал полицейский. Дядя Хуан все сразу понял и свернул в переулок. Полицейский схватил меня за ухо и потащил домой.

— Мой мяч! — кричал я. — Мой мяч...

ДОМ ДЛЯ ДОНЬИ ГРАСИЭЛЫ

Братья Марио и Эдуардо Сунига (Коста-Рика)

Марио. Наш отец всегда был на партийной работе...

Эдуардо (перебивает). И сейчас тоже.

Марио. Я хотел сказать, мы часто переезжали из одного города в другой. Нужно, чтобы о коммунистах повсюду знали и видели, что они заботятся о народе. Поэтому отец много ездил, и мы с ним. И как могли, помогали ему.

Эдуардо. Расскажи про Пунтаренас.

Марио. Это небольшой городок. Когда мы туда приехали, американцы неподалеку от города выстроили завод, к заводу прорыли канал...

Эдуардо (снова перебивает). И многие стали строить себе дома. А у доньи Грасиэлы шесть детей, муж ее умер, кто ей будет строить?..

Марио. Подожди. Давай обо всем по порядку. А то непонятно, кто помогал строить, почему.

Эдуардо. Хорошо, рассказывай ты.

Марио. Этот канал осушил болота. Коммунисты и предложили построить там дома для бедных. Американцы были против. Они не хотели, чтобы селились возле их канала. Но коммунисты подали в суд, и суд разрешил строить. В Пунтаренасе с жильем очень плохо. Свободной земли нет. Триста семей стали строить дома у канала. Маленькие дома. Как это сказать по-русски?..

Эдуардо. Домики.

Марио. Нет, не то. Бедный дом. (**Вспомнил.**) Лачуги, вот как. Из досок, из камней.

Эдуардо. Но потом был пожар. Некоторые дома сгорели. Говорят, это американцы подожгли, чтобы бедняки ушли. Но они не ушли. Стали опять строить. Только донья Грасиэла думала уйти: у нее умер муж (**к Марио**). Я все правильно говорю?

Марио. Правильно. Но нужно пояснить, что доньей у нас зовут почтенную женщину.

Эдуардо. У нее было шесть детей. Тогда мы с Марио стали строить для нее дом. Иногда приходил отец и помогал нам.

Марио. Но это случалось редко. У него было много другой работы.

Эдуардо. Как радовалась донья Грасиэла, когда мы закончили строить.

Марио. Ее спрашивали: кто же вам построил дом? И она каждый раз отвечала: «Коммунисты».

МАЛЬЧИК С СУДКАМИ

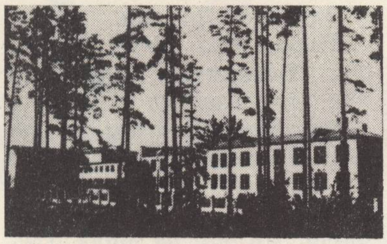
Роккэ Касал (Парагвай)

Подходил красный автобус. Я садился в него и ехал на другой конец города — к тюрьме. В обеих руках у меня были судки с едой. Со всеми кондукторами я уже был хорошо знаком. Они прозвали меня «мальчик с судками».

Я ездил в тюрьму к отцу и к матери. Они оба коммунисты. Но я возил еду не только им. Родственники многих заключенных приходили ко мне, приносили еду и просили передать своим.

В тюрьме заключенные голодали. Но не все родственники могли туда ездить: у одних маленькие дети, другие весь день на работе.

...Мне было восемь лет, когда арестовали отца. Я помню, в тот день мы только что пообедали и сидели в саду. Вдруг подъехала машина, и к нам во двор вошли

какие-то люди в гражданском. Они вынули пистолеты и приказали всем идти в дом.

Во время обыска они нашли какие-то бумаги.

— Это чьи? — спросили.

— Мои, — сказал отец.

Мой брат Кин ушел из дому, стал работать в порту.

А я чистил ботинки, продавал мороженое или кофе из большого тяжелого термоса. Нужно было зарабатывать деньги: у меня были еще маленькие братья и сестры и старенькая бабушка.

Отца выпустили через пять лет. Он вышел из тюрьмы худой, еле держался на ногах.

От радости, что отец со мной, у меня потекли слезы.

— Ничего, ничего, Роккэ, — сказал отец. — Все будет хорошо.

На следующий день я опять взял судки и поехал в тюрьму, где столько времени просидел отец.

— Это ты? — удивился один из пассажиров. — Я слышал, отца твоего выпустили...

— Но остались другие, — ответил за меня знакомый кондуктор.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Иван Родригес (Венесуэла)

Это был шумный перекресток двух улиц. Я уже не раз продавал там партийную газету.

— «Трибуна популар»! — кричал я. — Купите «Трибуну популар»!

Перед выборами президента коммунисты опять дали мне большую пачку газет.

— Сегодня для нас важно продать побольше. Понимаешь? Рабочие должны знать правду о кандидатах.

— Понимаю, — сказал я. Мой отец тоже был коммунистом. Он был арестован и убит в тюрьме. В то время мне было семь лет.

Мною занялся мой старший брат, Даниэль. Он был в молодежной коммунистической организации.

Однажды на демонстрации меня ранили в голову. Ранение оказалось легким. Я через несколько дней стал на ноги.

— Теперь ты настоящий революционер, — сказал брат.

Я очень гордился этими словами.

«Сегодня нужно постараться», — думал я.

— «Трибуна популар»! Покупайте «Трибуну популар»!

Прохожие останавливались, брали газету. И вдруг

ко мне подошел Чино. Он сказал:

— А ну проваливай отсюда, а не то получишь по морде.

Чино был старше меня на три года и сильнее. Он зарабатывал на мойке машин. «Какое ему дело до моей газеты?» — подумал я. Я тогда не знал, что его подкупили наши враги.

Чино подскочил и стукнул меня. Я упал. Газеты посыпались на тротуар.

Если б меня бил взрослый, собрался бы народ, за меня заступились бы. А тут думают, дерутся мальчишки — обычное дело.

Я встал, собрал газеты. Чино отошел в сторону и следил за мной оттуда. Что делать? Уходить? Но меня здесь знают, здесь лучше берут газету. Будь что будет...

— «Трибуна популар»! Купите «Трибуну популар»! Еще одна газета продана. И еще.

Я нагнулся за следующей газетой, и вдруг искры посыпались у меня из глаз. Чино ударил мне в лицо коленом. Не помня себя, я бросился на него.

— Что вы делаете? Перестаньте! — Остановился над нами какой-то прохожий.

Я встал. В голове у меня гудело. Глаз заплыл.

«Даже если Чино меня убьет, — подумал я, — все равно не уйду с этого перекрестка».

К счастью, появился мой брат Даниэль.

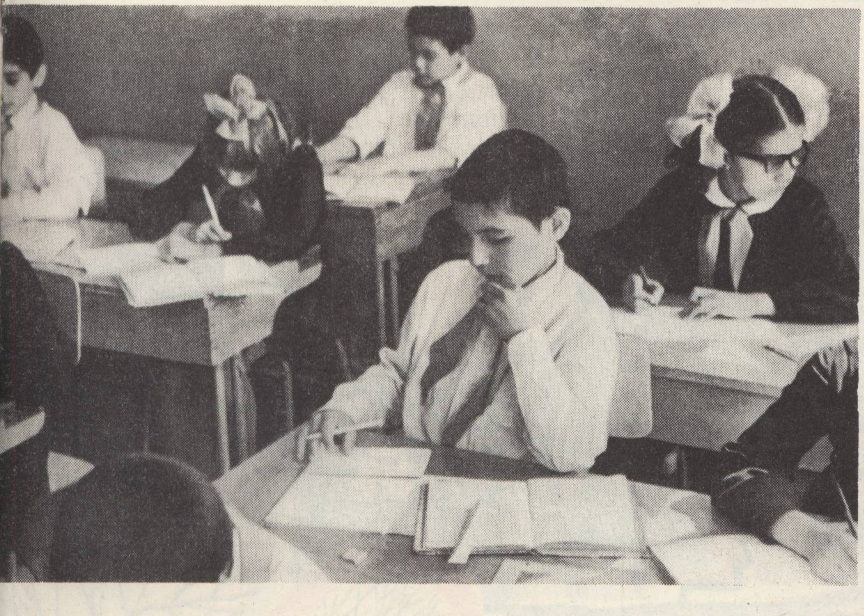
— Как дела? — спросил он.

— Хорошо, — сказал я.

Чино пошел прочь. Он злобно оглянулся и показал кулак.

— «Трибуна популар»! — крикнул я громко, чтобы он услышал.

Ребята, рассказы которых ты только что прочитал, живут теперь в Иванове, в школе-интернате.
Они учат русский язык.
Проводят опыты на уроках химии.
Собираются в клубе интернациональной дружбы.
Играют в своем самодеятельном оркестре.
У них такие же шумные и веселые перемены, как у тебя в школе.

Фото В. АРСИРИЯ.

Этого никогда не было, хотя могло бы и быть, но если бы это на самом деле было, то... Одним словом, по главной улице большого города шел маленький мальчик, вернее, он не шел, а его тащили за руку, а он упирался, топал ногами, падал на коленки, рыдал в три ручья и вопил не своим голосом:

— Хочу еще мороженого!

— Больше не куплю! — спокойным голосом повторяла его мама, крепко держа малыша за руку.— Больше не куплю!

А малыш продолжал вопить на всю улицу:

— Хочу еще! Хочу еще!

Так они дошли до своего дома, поднялись на верхний этаж и вошли в квартиру. Здесь мама провела малыша в маленькую комнату, поставила носом в угол и строго сказала:

— Будешь так стоять, пока я тебя не прощу!

— А что мне делать? — спросил Малыш, перестав реветь.

— Думать!

— А о чем?

— О том, что ты ужасный ребенок! — ответила мама и вышла из комнаты, заперев дверь на ключ.

Ужасный ребенок стал думать. Сначала он подумал о том, что шоколадное мороженое вкуснее фруктового, а потом он подумал и решил, что если сначала съесть фруктовое и сразу заесть его шоколадным, то во рту останется вкус шоколада, а в животе будут две порции мороженого... Собственно говоря, как раз из-за этого между ним и мамой разыгралась на улице такая безобразная сцена. Он понял, что сцена была безобразной, потому что сквозь слезы видел, как оборачивались прохожие, глядели им вслед, качали головами и тоже говорили:

— Какой ужасный ребенок!..

И еще Малыш стал думать о том, как плохо быть маленьким и что надо обязательно постараться как можно скорее вырасти и стать большим, потому что большим все можно, а маленьким ничего нельзя. Но не успел он об этом подумать, как услышал за своей спиной стук в оконное стекло. Мальчик не сразу обернулся. Только тогда, когда стук повторился, он осторожно повернул голову. Честно говоря, он подумал, что это постучал

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ

Повесть-сказка для детей и родителей

Рисунки И. ПРАГЕРА.

клювом знакомый голубь, которого он иногда кормил хлебными крошками. Но каково же было его удивление, когда он увидел за окном не голубя, а настоящего Бумажного Змея. Тот за что-то зацепился и теперь бился на ветру об оконную раму.

Мальчик подошел к окну, распахнул его и помог Змею отцепиться. Это был необычайно большой и красивый Бумажный Змей. Он был собран из прочных деревянных планок и со всех своих четырех боков обтянут плотной провощенной бумагой. У него были нарисованные круглые синие глаза с коричневыми ресницами, фиолетовый нос и оранжевый рот. Но главным его украшением был длиннющий хвост.

— Спасибо тебе, Малыш! — неожиданно произнес Бумажный Змей, почувствовав себя на свободе.— Как тебя зовут?

— Меня зовут ужасный ребенок!

— А ты почему сидишь дома?

— Меня наказали.

— Что же ты натворил?

— Это долго рассказывать. А наказала меня мама.

— Вечная история! — сочувственно произнес Бумажный Змей.— Я в своей жизни еще не встречал маленьких детей, которых бы кто-нибудь не наказывал. Впрочем, я знаю одно место, где с этим покончено. Я как раз сегодня собрался было туда лететь, да случайно зацепился хвостом за эту противную водосточную трубу.

— Возьми меня с собой! — попросил Малыш.

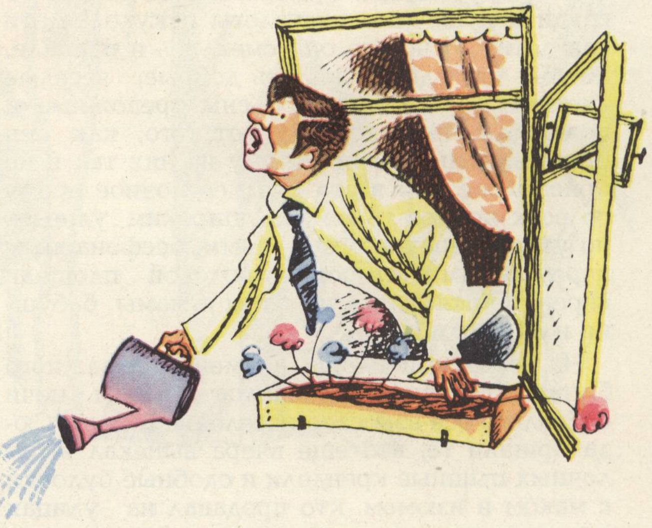
— Почему бы тебя и не захватить? Вдвоем нам, пожалуй, будет веселей! Цепляйся за мой хвост, держись за него покрепче и постарайся не смотреть вниз, чтобы не закружилась голова!

Не долго думая, мальчик схватился обеими руками за хвост Бумажного Змея, оттолкнулся обеими ногами от подоконника и через мгновение уже летел над крышей своего дома, а потом над целым городом и над его окраинами, а потом над полями и над лесами, реками и озерами, и с высоты он смело смотрел вниз, на землю, и у него, честное слово, совсем не кружилась голова...

*

Часы на городской башне пробили полночь.

Папа, мама, дедушка и бабушка стояли в комнате и молча смотрели на спящих близнецов — Репку и Турнепку. Сладко посапывая, они крепко спали в своих кроватках и улыбались во сне.

— Смотрите! — недовольным шепотом сказал папа.— Они еще улыбаются! Наверное, им снится та банка с вареньем, которую они без спроса съели на прошлой неделе...

— Или тюбик с ультрамарином, которым они выкрасили бедного кота! — проворчал дедушка. Он был художником и очень не любил, когда дети трогали его краски.

— Пора! — решительно сказал папа.— Нас не будут ждать!

Мама подошла к кроваткам и наклонилась над Репкой, чтобы поцеловать его в лоб.

— Не надо! — тихо сказал папа.— Он может проснуться, и тогда нам никуда не уйти.

Бабушка подошла к кроватке внучки и поправила одеяло. При этом она незаметно смахнула слезинку, катившуюся по щеке.

— На этот раз мы должны проявить характер...— прошептал дедушка, взял в одну руку большую дорожную сумку, а в другую — ящик со своими кистями и красками и направился к двери.

— Пошли, пошли! — торопливо сказал папа и взвалил на плечи тяжелый рюкзак, набитый всякой всячиной.

Мама набросила на руку два клетчатых пледа, бабушка взяла плетеную корзиночку с вязаньем, с которой она никогда не расставалась, и все четверо на цыпочках вышли из комнаты, плотно затворив за собой дверь.

...Город спал. Точнее говоря, в городе спали только дети. Раскинувшись или свернувшись калачиком на своих кроватях и кроватках, они спали глубоким сном младенцев — досыта набегавшиеся за день, наплакавшиеся от детских обид, наказанные родителями за капризы и непослушание, за плохие отметки в дневниках, за помятые клумбы и разбитые мячами оконные стекла, за испорченные вещи и за прочие шалости,— веснушчатые степки-растрепки, похожие на рыжих дьяволят, и белокурые аленушки, напоминающие ангелят,— с царапинами и ссадинами на худых коленках, потерявшие в драке свой последний молочный зуб, прижимающие во сне к груди игрушечные пистолеты и кукол. Дети как дети... И во сне они смеялись и плакали, потому что одним снились добрые, веселые цветные сны, а другим — сны тревожные и печальные, в зависимости от того, как они провели день. Но ни одному из них так и не приснилось, что в это позднее ночное время со всех концов города по широким улицам, по узким переулкам и кривым, бесфонарным переулочкам в сторону городской площади вереницей тянулись их папы и мамы, бабушки и дедушки...

На городской площади имени Отважного Путешественника к двенадцати часам ночи собралось все взрослое население города. Сюда пришли те, кто еще вчера выпекал в булочных пышные крендели и сдобные булочки с маком и изюмом, кто продавал на улицах и в кондитерских разноцветные шарики мороженого, кто делал детям прививки, пломбировал зубы, испорченные сладостями, и лечил от постоянного насморка. Явились без опоздания строгие учителя, которые красными карандашами ставили ученикам в дневниках жирные двойки за подсказку на уроке, и душистые парикмахеры, которые стригли детей так, как им подсказывали мамы.

Пришли портные и сапожники, почтальоны и водопроводчики, водители всех видов городского транспорта, продавцы всех магазинов, все сторожа и все дворники. Пришли, оставив дома своих спящих детей.

Папа, мама, бабушка и дедушка Репки и Турнепки появились на площади в тот момент, когда самый многодетный отец города, худой, как палка, доктор Ухогорлонос, взобравшись на пьедестал исторического памятника и обхватив одной рукой бронзовую ногу Отважного Путешественника, обратился к собравшимся с речью. От волнения голос его прерывался, и он то и дело подносил к глазам носовой платок.

— Всем нам тяжело, но мы должны найти в себе силы и выполнить наше решение, раз уж мы его с вами приняли! — говорил доктор.— Пусть наши дорогие, но грубые и ленивые, капризные и упрямые дети проснутся без нас! У меня тринадцать детей,— продолжал он.— Я не вижу никакой благодарности, я только слышу от них: «Хочу!», «Не хочу!», «А я буду!», «А я не буду!» Я устал с ними бороться и воевать! Все мы находимся в одном положении — мы потеряли терпение. У нас есть только один выход: сдать город детям. Нашим ужасным детям! Не будем им мешать. Пусть живут, как хотят, и делают, что хотят! А там посмотрим... Спасибо за внимание!

Глотая слезы и мужественно сдерживая рыдания, доктор слез с пьедестала и затерялся в толпе. Женщины всхлипывали. По лицам многих мужчин было заметно, что им тоже нелегко.

Часы на городской башне пробили два часа ночи, когда в городе не осталось ни одного взрослого человека.

*

Первым проснулся Репка. Он протер глаза и увидел, что Турнепка еще спит. Тогда он одним рывком сорвал с нее одеяло, потянул за голую ножку, ущипнул за пятку и показал ей язык.

— Нас никто не разбудил, я сам проснулся! — сказал Репка сестре.— Вставай! А не то мы можем опоздать в школу.

— Разве сегодня не воскресенье? — спросила Турнепка и сладко зевнула.

— Воскресенье было вчера. Сегодня, к сожалению, обыкновенный понедельник.

— Вот если бы всегда было: воскресенье, воскресенье, воскресенье... Так нет, придумали: понедельник, вторник...— сказала Турнепка, грустно вздохнула, потянулась и стала лениво одеваться.

Ни папы, ни мамы, ни бабушки, ни дедушки дома не было. Сначала дети подумали, что папа ушел уже на работу, а мама спустилась в булочную за хлебом. Но куда могли деться бабушка и дедушка? Они никогда так рано не вставали!

На городской площади имени Отважного Путешественника к двенадцати часам ночи собралось все взрослое население города.

— И почему никто нас не разбудил? — встревожился Репка.

«И почему нам не приготовили завтрак?» — подумала Турнепка.

И тут вдруг дети увидели на кухонном столике большой лист бумаги, на котором твердым папиным почерком было написано:

«Дети! Когда вы будете читать это письмо, мы будем уже далеко. Не ищите нас. Мы решили оставить вас одних. Больше вам никто не будет делать замечаний, от вас ничего не будут требовать. Мы устали от вашего непослушания.

Папа».

А ниже тоненьким маминым почерком было приписано:

«Будьте осторожны с газом и водой — закрывайте краны! Не залезайте с ногами на подоконник. Еда в холодильнике.

Ваша мама».

А еще ниже печатными буковками была

сделана маленькая приписка от бабушки и дедушки:

«Все-таки поливайте цветы в нашей комнате».

Репка прочитал записку вслух, почесал затылок и растерянно посмотрел на Турнепку. Турнепка присела на краешек стула и растерянно посмотрела на Репку.

— Помнишь, Репка, что мама нам говорила?

— А что она говорила?

— «Если вы не перестанете, мы уйдем и не вернемся!» Вот они и ушли.

Подбородок у Турнепки задрожал, но она не заплакала.

— Они решили нас попугать! Вот увидишь, мы вернемся из школы, а они уже опять все дома! — уверенно сказал Репка и открыл холодильник. В нем было полно всякой еды. Репка вытащил из целлофанового

Под старый каштан посреди школьного двора летели в кучу школьные ранцы, портфели и портфельчики.

пакета кольцо вареной колбасы, разломил его пополам и протянул половину сестренке.

— Мы же еще не умывались и не чистили зубы,— робко сказала Турнепка.

— А я чистый! — промычал Репка с полным ртом.

— А что, если они не вернутся? — с тревогой в голосе спросила Турнепка.— Как мы будем без них жить?

— Никуда они не денутся! — махнув рукой, сказал Репка.— Бежим скорей в школу! У нас первый урок — рисование, и я хочу нарисовать синего кота.

Репка чуть не подавился от смеха. Турнепка тоже рассмеялась. Они вспомнили кота Пупсика, которого пришлось отнести в чистку, после того как он был покрашен в синий цвет.

— Ты помнишь, как называлась дедушкина краска?

— Помню,— сказала Турнепка.— Ультрамарин!..

*

Это был далеко не обыкновенный понедельник!

По бульварам и улицам, мимо витрин игрушечных, кондитерских и прочих магазинов, по узким переулкам и кривым, бесфонарным переулочкам с портфелями в руках и ранцами за плечами, как попало пересекая перекрестки, бегом и вприпрыжку спешили в школу дети. Никто их не останавливал, когда они нарушали правила уличного движения, и не свистел им вслед: во всем городе, в домах и на улице, кроме них, никого не было! По пути они передавали друг другу потрясающую новость, но она сразу переставала быть новостью, потому что, как нам уже известно, все дети в городе в это прекрасное утро обнаружили поголовное исчезновение своих родителей.

Репка и Турнепка, запыхавшись, с трудом протиснулись сквозь толпу галдящих учеников во дворе школы, горячо обсуждающих сверхудивительное событие, и вбежали в свой класс.

В классе стоял неописуемый шум и гам. Такого еще никогда не было! Мальчишки скакали с парты на парту, гонялись друг за дружкой и старались хлопнуть один другого учебником по спине. Девчонки визжали от необъяснимого восторга. Аквариум был уже перевернут, и маленькие красные рыбки время от времени весело подпрыгивали в луже на полу. На классной доске мелом было написано: «ВСЕ УРОКИ ОТМЕНЯЮТСЯ!»

Во всех классах творилось то же самое. На всех классных досках было написано: «ВСЕ УРОКИ ОТМЕНЯЮТСЯ!»

Учительская комната была пуста. На дверях кабинета директора школы висел замок. В гардеробе никто не дежурил.

— Вот это да-а-а! — сказал Репка.— Теперь можно будет как следует отдохнуть!

— Выходит, они все против нас сговорились? Даже учителя...— пропищала Турнепка.

— Они решили нас проучить. Посмотрим, что из этого получится! — самоуверенно ответил ей брат.

Репка и Турнепка приблизились к наскоро сооруженной из перевернутой бочки трибуне, с которой выступал мальчик по прозвищу Таракан.

— Наконец-то нами никто не будет командовать! — кричал Таракан, красный от возбуждения.— Никто не будет нас заставлять делать то, что нам не нравится! Да здравствует Праздник Непослушания! Стойте на голове, ходите на четвереньках! Никто вам ничего не скажет!

— И не накажет! — раздался чей-то звонкий голос в толпе.

— И не накажет! — подтвердил Таракан и

для большей убедительности постоял немного на голове, а потом спрыгнул с бочки и пошел на четвереньках. Его друзья-одноклассники, которых называли Таракашками, дружно захлопали в ладоши, все как один встали на голову и тоже пошли на четвереньках. Они, как обезьянки, во всем подражали Таракану.

На бочку влез курносый, вихрастый мальчишка. Это был один из тринадцати детей доктора Ухогорлоноса. Его школьное прозвище было Пистолетик. Когда-то он смастерил себе самодельный пистолет, зарядил его настоящим порохом, прищурился, прицелился, выстрелил и чуть-чуть не остался без правого глаза.

на друга школьные ранцы, портфели и портфельчики. Пробегая мимо дерева, Репка и Турнепка последовали примеру других и, освободившись от лишнего груза, выбежали за ворота опустевшей школы...

❇

В кондитерской «СЛАДКОЕЖКА» шел небывалый пир — уничтожались запасы мороженого!

Это было какое-то нашествие сладкоежек, которые за какие-нибудь четверть часа заняли в кондитерской все места за столиками и расположились не только на подоконниках, но и прямо на полу.

Трудно себе представить, сколько порций сливочного, шоколадного, ванильного, малинового, клубничного, ананасного, абрикосового или лимонного мороженого может съесть одна сладкоежка, если ее вовремя не остановить!

Стоя на перевернутой бочке, выступал мальчик по прозвищу Таракан.

— Послушайте, что я вам сейчас скажу!— обратился Пистолетик к обступившим его ребятам.— У меня шесть братьев и шесть сестер, и теперь мы тоже остались одни! Нам все время угрожали, что нас бросят, и вот наконец они нас бросили! Вот что они написали...— Пистолетик порылся в кармане своих выцветших джинсов, достал смятый клочок бумаги, разгладил его на коленке и начал читать вслух: «Ужасные дети!..»

Но его уже никто не слушал. Все куда-то заспешили...

— Пойдем отсюда! — сказал Репка Турнепке.— А то нам ничего не достанется.

— Чего не достанется?

— Сама увидишь.

Репка взял сестренку за руку и потянул за собой.

Под старый каштан посреди школьного двора летели в кучу и глухо шлепались друг

Сладкоежки ели мороженое не маленькими ложечками из вазочек и не вылизывали его языком из вафельных стаканчиков, а черпали прямо столовыми ложками из глубоких тарелок. Они не держали его терпеливо во рту и не ждали, чтобы оно там растаяло, а торопились поскорее проглотить, отчего некоторые сразу охрипли, а Таракан и вовсе потерял голос. Проглотив все, что было у них в тарелке, сладкоежки тотчас бежали и становились в очередь за новой порцией. Под ногами у них хрустели рассыпанные вафельные стаканчики, которые никто не подбирал.

— Я больше не могу. Я, кажется, примерзла к стулу! — простуженным голосом сказала Турнепка. Носик у нее посинел, и на ресницах выступил иней.

— Может быть, возьмем с собой то, что мы не доели? — предложил Репка. Он тоже дрожал от холода после десятой порции шо-

коладного пломбира. Не успел он это произнести, как мокрый розовый шарик фруктового мороженого, пущенный кем-то, попал ему прямо в нос и плюхнулся перед ним на стол. Второй такой же шарик попал в затылок Турнепке.

Близнецы оглянулись и увидели Ухогорлоносиков, которые, наглотавшись мороженого, начали безобразничать и затеяли игру «в шарики». Из другого конца зала им начали отвечать Таракашки во главе с самим Тараканом, и если бы Репка и Турнепка не поспешили выбраться за дверь кондитерской, то им волей-неволей пришлось бы принять участие в разыгравшемся сражении.

Когда они шли по улице, часы на городской башне пробили полдень первого дня Праздника Непослушания...

*

Лилипута звали Фантиком. И это была его самая настоящая фамилия, а не прозвище.

Жил Фантик на окраине города в маленьком-премаленьком и миленьком-премиленьком домике под красной черепичной крышей и с резными деревянными ставенками. Спал он на детской железной кроватке и одевался в магазине «Детский мир». Никто не знал точно, сколько ему лет, хотя всем было ясно, что он уже давно не ребенок.

Фантик был одинок, и ему никогда не приходилось воспитывать детей, а уж тем более их наказывать. Он привык видеть в них добрых, веселых друзей и был убежден, что дети приносят только радость, потому что встречался с ними только по воскресеньям в цирке. Во время представления они громко смеялись, топали ногами от нетерпения и восторга и дружно отбивали себе ладошки, когда хлопали маленьким лилипутам, среди которых Фантик был самым высоким.

За несколько дней до события, которое произошло в городе, цирк уехал на гастроли. А Фантик остался, так как во время репетиции подвернул на манеже ножку и захромал. В ту ночь все о нем забыли, полагая, что он давно уже уехал со своей группой лилипутов и другими артистами.

В это утро Фантик проснулся в отличном расположении духа. Ножка уже почти не болела, и он решил сразу же после завтрака поехать в город и купить себе тросточку.

Аккуратно застелив кроватку, он включил радио, чтобы, как обычно, сделать утреннюю гимнастику под музыку. Радио почему-то молчало. Фантик удивился, однако гимнастику все же сделал, мысленно напевая свою любимую «Песенку Гномов». Потом он помылся под душем, который сам смастерил из садовой лейки, почистил зубы, причесался, сварил себе на завтрак одно яичко всмятку, выпил кружечку молока с сухариком и, не забыв полить небольшую клумбочку возле домика, на которой росли анютины глазки и незабудки, вывел за калитку свой детский велосипед и покатил по улице.

Первое, что его поразило, это то, что никто его не обгонял. Никто не ехал ему навстречу. Светофоры на перекрестках не мигали. Пешеходов на улице не было, если не считать детей. То тут, то там группами и в одиночку они стояли, шли или куда-то бежали.

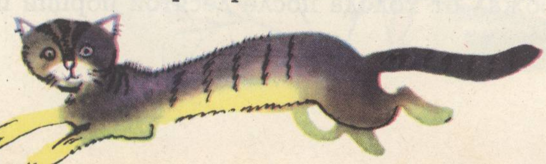
По мере того, как Фантик приближался к центру, детей становилось все больше и больше. Теперь уже некоторые из них катили на велосипедах и самокатах рядом с ним и, обгоняя, не обращали на него никакого внимания.

При въезде на площадь имени Отважного Путешественника Фантику пришлось резко затормозить, и он чуть было не свалился с велосипеда: два мальчика перед самым его носом решили перебежать дорогу. В руках у них были ведерки с красками.

— Как вам не стыдно!— рассердился Фантик.— Я же мог на вас налететь! Почему вы не соблюдаете правила уличного движения? Вы хотите, чтобы ваших родителей оштрафовали?

— У нас нет родителей! — хриплым голосом ответил первый Ухогорлоносик и чихнул.

— Они нас бросили! — подтвердил второй Ухогорлоносик и тоже чихнул.

— А почему вы не в школе?

— Все же разбежались!

— То есть как это «разбежались»? — не понял Фантик.

— Что ты к нам пристал? С луны свалился? Как будто ничего не знаешь! — рассердились Ухогорлоносики. — Катишь на своих колесах, чистюля, и кати дальше!

Никогда еще с Фантиком так не разговаривали. От обиды у него перехватило дыхание и на глазах выступили слезы. Он хотел что-то сказать, что-то объяснить мальчишкам, но они были уже далеко.

*

В классе надо рисовать чаще всего не то, что хочется, а срисовывать в альбом какую-нибудь вазу с цветами, или глиняный горшок, или в лучшем случае яблоко, которое можно после урока незаметно стянуть и потихоньку съесть в туалете.

Совсем другое дело орудовать мелом, углем и красками на улице, рисуя где попало все, что взбредет в голову!

Ухогорлоносики захватили правую сторону улицы Мушкетеров, а Таракашкам досталась левая сторона, которую они теперь дружно разрисовывали, изо всех сил стараясь перерисовать Пистолетика с его семейной командой.

На стороне Ухогорлоносиков было больше заборов, на которых легче рисовать, чем на стенах домов, где попадаются окна и двери. Но зато на стороне Таракашек было много витрин, и Таракашки вовсю малевали по стеклу всякие смешные рожицы с высунутыми языками, пароходы и паровозы, из труб которых валил черный густой дым.

И все-таки у Пистолетика оказалось больше фантазии и выдумки. Его папа, доктор Ухогорлонос, был самым мирным человеком в городе — лечил взрослых и детей от ангины и воспаления среднего уха,— но сам Пистолетик хотел стать офицером, и поэтому он, командуя своими братьями и сестрами, на всех заборах изобразил бой: танки шли в наступление, самолеты сбрасывали бомбы, пушки стреляли, ракеты летели, раненые падали, корабли взрывались и разламывались на две половинки... И все это было сперва нарисовано углем, а потом раскрашено красками, синей и зеленой, которые Ухогорлоносики откуда-то притащили в ведерках и жестяных банках.

Репка и Турнепка появились на улице как раз в тот момент, когда Пистолетик, закусив губу, дорисовывал горящий танк противника.

— Можно и нам где-нибудь порисовать?— вежливо попросил Репка.

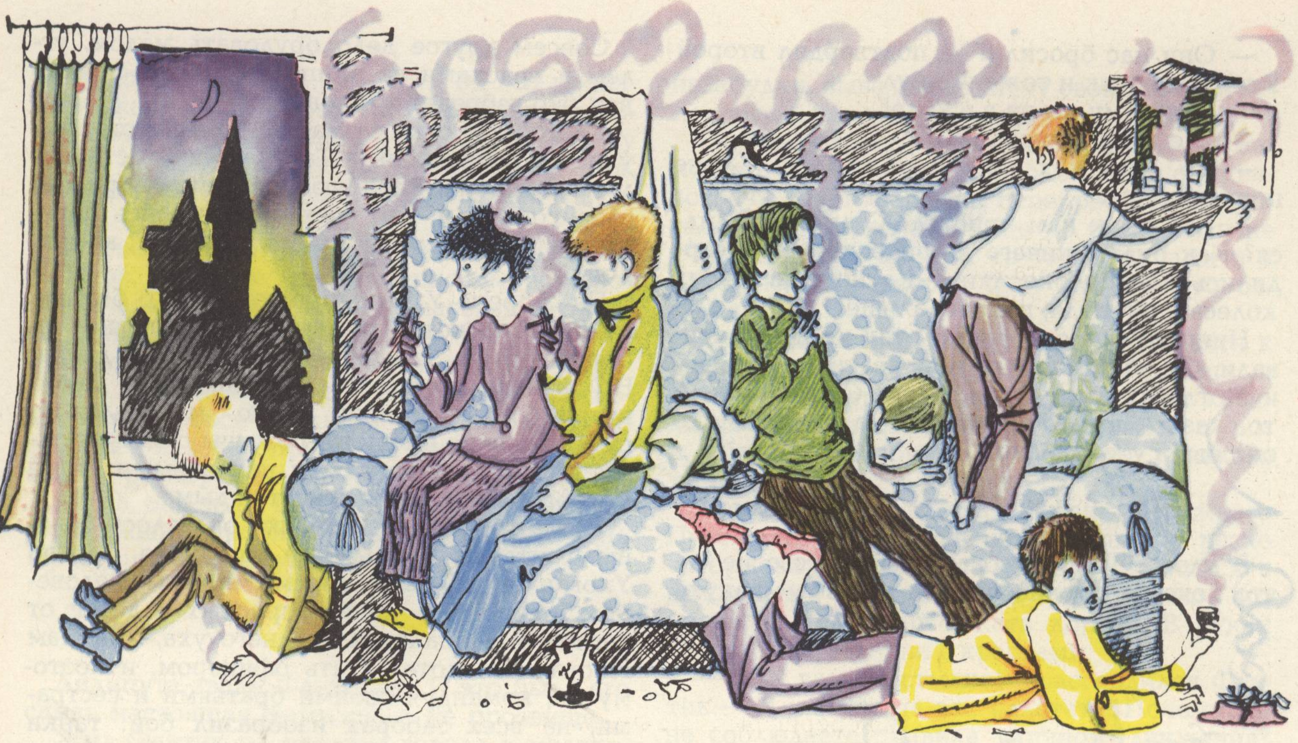
— На другой улице! — сухо ответил Пистолетик и, обмакнув кисть в банку с красной краской, изобразил огонь, охвативший башню танка.

— Жадина-говядина! — прошептала Турнепка.

И они перешли на другую сторону улицы.

Таракашки оказались более гостеприимными. Они знали, что дедушка у близнецов настоящий художник, и потому потеснились и дали Репке место у витрины мебельного ма-

Теперь они сидели в кабинете самого доктора и курили.

газина. Вся витрина уже была разрисована. Остался лишь небольшой чистый кусочек стекла в правом нижнем углу.

Репка окунул кисточку в ведерко с синей краской и очень быстро нарисовал на стекле синего кота.

— Сделай ему зеленые глаза! — попросила Турнепка.

Одна из Таракашек протянула Репке тюбик с краской, и синий кот тут же блеснул зелеными зрачками.

— Репка, смотри! Смотри! Пупсик! — неожиданно закричала Турнепка и схватила брата за руку.

Преследуемый запахом ненавистной ему масляной краски, по улице большими прыжками удирал подальше от детей кот Пупсик, один раз уже побывавший в химической чистке, чудом вернувшей ему первоначальный цвет.

*

Фантик свернул за угол и оказался на улице Мушкетеров. То, что он увидел, ошеломило его. Это была уже не улица, а самая настоящая Выставка детских рисунков. Только эту выставку нельзя было послать ни в одну страну, потому что рисунки можно было только смыть водой со стекол витрин, со стен домов и заборов.

Вдоль большого забора, во всю длину которого неизвестными художниками была нарисована битва, ходила девочка и, время от времени ковыряя в носу, внимательно рассматривала картину сражения.

Фантик подъехал.

— А ты можешь так нарисовать? — спросила вдруг у Фантика девочка.

— Нет! — чистосердечно признался Фантик.

— Я тоже так думаю. Пойдем посмотрим!

— Что? Куда? — не понял Фантик.

— На другую улицу. Они теперь там рисуют... Я сяду к тебе на багажник. Меня зовут Косточкой, потому что я однажды подавилась сливовой косточкой, и если бы не Пистолетикин папа, то ой-ой-ой что бы случилось...

Не успел Фантик открыть рот, как девочка вскарабкалась на багажник велосипеда,— и они уже ехали.

На другой улице никого не было. На третьей тоже.

— Фантики...

Фантику послышалось, что его окликнули.

— Фантики! — повторила девочка за его спиной и показала на разноцветные конфетные бумажки, устилающие улицу.— Знаешь, лучше поехали к ним домой! Сейчас налево, потом прямо, потом немножко вбок, а там уже совсем недалеко, за вторым углом...

Фантик опять ничего не ответил и нажал на педали. Хорошо, что его ножка совсем перестала болеть!..

«Самое удивительное,— думал Фантик, крутя педали, — то, что никто меня не узнает! Впрочем, на манеже цирка я появляюсь в костюме, расшитом серебряными блестками, и в гриме. Но если бы эта Косточка знала, что ее везет не какой-то мальчишка, а взрослый человек, да еще к тому же артист цирка, она бы от удивления слетела с багажника!» А пока Фантик решил поподробнее расспросить девочку о том, что произошло в городе.

Косточка совсем по-военному доложила обстановку.

— А тебя разве никто не бросил? Ты что, сирота? И почему ты меня расспрашиваешь, как будто ты из другого города? Стой! Стой! Мы уже приехали!..

Косточка спрыгнула с багажника.

— Здесь! Они живут в этом доме!

Из окна второго этажа валил дым.

«Пожар!» — мелькнуло в голове у Фантика.

Косточка была совершенно спокойна.

— Это их окно. Они дома. Пошли... Я не знаю, как тебя зовут!..

«Придет время — узнаешь», — подумал Фантик.

И они поднялись на второй этаж, где на двери висела медная табличка: «Доктор Ухогорлонос. Прием взрослых только по понедельникам от двух до пяти. Прием детей в любое время дня и ночи».

В квартире царил полный ералаш.

Разукрасив с обеих сторон улицу Мушкетеров, Ухогорлоносики и Таракашки пришли к выводу, что никто никого не перерисовал, а, значит, не победил.

Теперь они сидели кто на чем в кабинете самого доктора и... курили! Да, да! Совершенно точно: ку-ри-ли!..

Таракан, который после проглоченного мороженого окончательно потерял голос, раздобыл где-то папиросы и ящик сигар и поровну распределил между всеми. Себе он взял самую большую и толстую сигару, чтобы как следует «прочистить горло». Пистолетик набил табаком старую трубку отца и, лежа на полу, дымил из нее, как паровоз.

Несмотря на раскрытое окно, дети в комнате так накурили, что с трудом различали друг друга. Девочки, которые сами не курили, кашляли, задыхаясь в табачном дыму, но терпели.

У некурящего Фантика сразу потемнело в глазах, когда он перешагнул порог комнаты. Он не выносил табачного дыма, но он ведь не мог повернуться и уйти. Как можно бросить детей в беде? А если что-нибудь случится? И вот ведь уже случилось: возле двери на полу лежит без сознания маленькая девочка!

Фантик собрал все свои силы и вытащил Турнепку на лестничную площадку.

Вдохнув свежего воздуха, Турнепка пришла в себя.

— Я не умерла? — спросила она тихо, увидев над собой морщинистое личико Фантика.— Фантик! — прошептала она и улыбнулась.— Фантик! Я тебя знаю. Я тебя видела в цирке — ты вылезал из ящика с голубями... Ты меня спас? Ты добрый...

Фантик помог Турнепке подняться.

— Репка, где ты? — позвала она слабым голосом.

— Я тут,— послышался еще более слабый голос.

— Ты живой?

— Не знаю.

— А здесь Фантик!

Услышав знакомое имя, курящие дети поднялись со своих мест. Кто из ребят не знал этого артиста из группы лилипутов! Все знали! Это он появлялся верхом на маленьком пони и потом вдруг куда-то исчезал для того, чтобы оказаться под куполом цирка в ящике с белыми голубями. Фантик! Значит, он один не ушел из города! И остался с «ужасными детьми»!

Косточка вытаращенными глазами смотрела на Фантика.

Таракан попробовал закричать: «Ура!» — но горло у него так и не прочистилось после сигары, и он смог только издать звук, похожий на шипение водопроводного крана, когда нет воды.

— Дети! — обратился Фантик к ребятам и закашлялся.— Пожалуйста, не думайте, что я пришел рассказывать вам о вреде курения! Я оказался здесь совершенно случайно: мы с Косточкой ехали мимо и увидели дым из окна. Мне показалось, что вы уже горите. Я не буду вам мешать. Но на всякий пожарный случай запомните мой адрес: улица Циркачей, дом номер семь.

Кашляя и прикладывая к глазам платок, Фантик вышел из комнаты. Нет, он не плакал, хотя было от чего прослезиться!

Таракан, Пистолетик и еще несколько Ухогорлоносиков и Таракашек выползли из комнаты на лестничную площадку, чтобы посмотреть на Фантика и проводить его, но их почему-то стошнило. Наверное, от чистого воздуха...

А Фантик уже катил на своем детском велосипеде по городу, и на душе у него было тревожно и неуютно.

Тросточку себе он так и не купил: все магазины были закрыты...

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Журнал в журнале «Кораблик» печатает только тебя

Вот уже девятнадцатый год выходит в Югославии детский журнал «Змай». В нем есть страничка, похожая на наш «Кораблик». Называется она «Невен», а по-русски — «Ноготок». И еще есть у нее другое название: «Страничка дяди Йована» — в память о замечательном югославском писателе, которого звали Йован Йованович Змай.

Мы печатаем стихотворения и короткий рассказ со «Странички дяди Йована».

Лильяна **ДЖОРДЖЕВИЧ**,
ученица 6-го класса
г. Новый Белград

* * *

Утро сияет
Светлой
        полоской.
Тьма уползает
Тенью плоской.
Утром где-то
Посудой звенят,
Цокают звучно
Копыта коня.
Утром свет
Победил тьму.
Утром ветер
Прогнал тишину.

Валерия **ЧИЗМАДИЯ**
живет в г. Осиека,
учится в 6-м классе

Луна

Луна большая
И круглая,
Как яблоко в моей
Руке.
Луна большая
И хмурая,
Может быть,
        сердится
На меня
За то, что я
Среди
Дня
Ни разу о ней
Не вспомнила?
И я луне кивнула
И яблоко на ладони,
Большое и круглое,
Ей протянула.

Стихи
Иштвана **ТЕРНОВЫ**,
пятиклассника
из г. Марадик

Голубь

Рано утром,
Только рассвело,
Голубь сел
На мое окно.
Стукнул клювом
Легонько
        в стекло,
И зазвенело оно.
Я подошел
Скорее к окну
И осторожно
Его распахнул:
Потрогать перья
Хотел.
А голубь
        вспорхнул
И улетел.
Он ведь не знал,
Чего я хочу!

Бранка **ПУПАВАЦ**,
г. Книн, 4-й класс

* * *

Мой край —
Это просто рай!
Это просто рай,
Когда приходит май!

ЯБЛОКИ. Гравюра Иванки **РАТКОВИЧА**, Белград, 8-й класс.

Весна **КНЕЖЕВИЧ**,
ученица 7-го класса
из г. Земуна.

Война

Война...
Я не видала, какая она.
Только мне говорили,
Что вместо сердца
В ее груди
Стальная машина
Угрюмо гудит.

Война...
Я не видала, какая она.
Только мне говорили,
Что пламя она
Выдыхает,
Что тысяча рук у нее
И каждой она
Убивает.

Война...
Я не видала, какая она,
Только я знаю,
Что это не просто
Страшная сказка...
В руках у меня
Пулей пробитая каска.

Радомир БАТИЧ живет в г. Баньялука и учится в 7-м классе. Он нарисовал УГОЛОК СТАРОГО ГОРОДА.

Дубравка **ШАЛАМАН**,
г. Славонский Брод,
8-й класс.

Продавец каштанов

День холодный. Небо хмурое. С него медленно сыплется мелкий дождь. Закутанные прохожие торопливо пробегают через площадь.

На углу стоит продавец каштанов. Шея его обмотана широким шарфом, а на голове большая старая шляпа. На его мохнатых бровях висят капельки дождя. Изо рта у него торчит трубка, почти скрытая под черными длинными усами, а из-под них выплывает огромное желтоватое облако дыма.

Он переминается с ноги на ногу у железной печурки с огоньками угольков. На красном от жара поддоне — россыпь каштанов.

— Горячие каштаны! Горячие каштаны!

Так и проводит свой день на нашей площади продавец каштанов.

И каждый проходящий может получить из его замерзших рук частичку тепла в этот холодный день.

Мира **ЦАНГАЙСТ**,
г. Осиека, 7-й класс.

Старинные часы

Стою
И слушаю.
Молча, без слов
Слушаю бой старинных
часов.

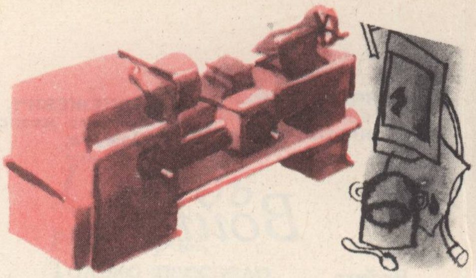
Город спит,
Пробуждается
И засыпает,
А часы
Все идут и
Столетья считают,
Идут, и идут,
И считают мгновенья.
И прошлое
Не уходит в забвенье.

ЛЕВ. Гравюра Драгана ГЛУШАЦА, семиклассника из Белграда.

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

Вера Маркитантова из Полесска, Калининградской области.

Я как только ПРОЧИТАЛА, что ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ ОТКРЫВАЕТСЯ, всем ребятам ПРЕДЛОЖИЛА пойти на завод, узнать, сколько на один станок нужно металлолома, и собрать его. Еще хочется посадить возле завода деревья, разбить клумбы и вырастить цветы.

Володя Хижняк из Новосибирска.

Все знают, что после зимы идет весна. Снег тает, и на улицах становится грязно. Мы, ребята, можем помочь поскорее разделаться с грязным снегом и с мусором. И озеленить улицу можем и заботиться потом, чтобы все деревья выросли. От этого зависит здоровье людей. Пусть все РЕБЯТА ИЗ ШКОЛЫ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ РАССКАЖУТ, что они делают.

Отряд имени Ю. А. Гагарина из Иннокентьевской школы Красноярского края.

Обсудили твое обращение, «Пионер», и ЗАПИСЫВАЕМСЯ В ШКОЛУ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ всем отрядом. В колхозе «Советская Сибирь» мы спросили, какая помощь нужна, а потом на отрядном сборе договорились, что вырастим пятьдесят соток картофеля, пятьдесят соток турнепса и столько же куузики для колхозного скота и еще возьмем шефство над колхозными поросятами.

Идет разговор на большом общем совете

Члены дворового клуба «Огонек» из Семипалатинска.

Сообщаем вам, что все мы ХОТИМ В ШКОЛУ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ. Ребята из кружка вязания решили связать для наших футболистов гетры, а для хоккеистов — спортивные шапочки. А те, кто занимается в кружке кройки и шитья, сошьют для всех членов клуба форму и попробуют шить для себя одежду. Обо всем, что мы еще придумаем и сделаем, мы будем писать в ШКОЛУ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ. Хорошо, если бы и нам советовали, что мы можем сделать полезного для всех.

Таня Чугунова из села Пятина, Мордовской АССР.

Я и все мои друзья РАДЫ, что ОТКРЫВАЕТСЯ ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ. На пришкольном участке мы вырастим овощи, поможем колхозу убирать сахарную свеклу и заготовлять веточный корм для скота.

Ф. М. Пацевич, старый коммунист, г. Челябинск, Тракторозаводский район.

Дорогой «Пионер»! Ты обращался к пионерам прошлых лет, я откликаюсь на твой призыв. В ШКОЛЕ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ о ребятах из клуба имени Саши Чекалина. Они построили для своей школы и своего двора спортивный клуб «Снайпер». Руководила их работой Герой Социалистического Труда маляр и штукатур Анна Михайловна Агаркова, а делали они все сами. Сами сложили стены, сами оштукатурили и покрасили их, сами настелили полы и застеклили окна. Клуб получился небольшой — всего семьдесят шесть метров, но занимаются в нем и стрелки, и самбисты, и теннисисты, и любители бильярда. Теперь у нас новая забота: хотим построить спортивную площадку во дворе.

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ
ждет и твоих сообщений

Мы просим всех не забывать наш уговор: вырастил хороший урожай, расскажи, как ты его растил, что удавалось, что не получалось. На что обратить внимание тем, кто займется этим же делом.

Сконструировал что-то, присылай чертежи. Обо всех своих добрых делах пиши подробно — твой опыт пригодится товарищам.

Слово доценту Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова Элеоноре Семеновне Чертихиной.

Я прочитала ваши письма, ребята, и попробовала перевести их на язык экономической науки. Вот что у меня получилось. Вырастили пионеры картофель на пятидесяти сотках земли. Собрали, скажем, по 120 центнеров с гектара — всего 6 тонн. В год человек съедает в среднем 130 килограммов картошки. Значит, картошкой, которую вырастили ребята, можно накормить 46 человек.

Другие ребята вырастили 10 телят. Корова дает в год 2 266 литров молока (всюду я называю средние цифры). От десяти коров, выращенных ребятами, колхоз получит (простая арифметическая задача: $10 \times 2\,266 = 22\,660$) 22 660 литров молока. Мы выпиваем в год 307 литров молока. Значит, ребята смогут поить молоком 74 человека в течение года.

Из металлолома, который собрали пионеры, построили станок. Допустим, для соседней трикотажной фабрики. На этом станке-автомате делают чулки. За одну смену (8 рабочих часов) можно сделать 48 пар чулок, за год (48×253 получается 12 144) — 12 144 пары чулок. В среднем человеку необходимо 6 пар чулок или носков в год. Значит, станок, который появился на фабрике благодаря усилиям ребят, обеспечит чулками 2 024 человека.

Вот сколько может сделать один пионерский отряд, вот как он может помочь пятилетке!

*

Какие деревья лучше сажать на городской улице? Мы спросили об этом у Маи Степановны Александровой, сотрудницы Главного ботанического сада Москвы.

Ты, наверное, привык: если сажают новое дерево, то непременно тополь или липу. А рябину всегда представляешь возле деревянного забора или самодельной скамеечки. В Киеве рябину посадили на шумной улице, среди машин и троллейбусов, и все вдруг увидели, как это красиво: деревья с бронзовыми стволами и красными ягодами, к которым осенью слетаются птицы.

Ты решил посадить дерево. Представь, что это будет не тополь, а... красный клен, родом из Северной Америки. Он действительно красный: молодые листья у него красного цвета, осенние — пурпурного.

Изгородь вокруг газона пусть будет не из унылых колышков, а из смородины золотистой или миндаля низ-

кого. В мае миндаль похож на розовое облако, так он усыпан цветами.

Во дворе детского сада, над которым шефствует твой отряд, или под окнами школы весной зацветет шиповник, если ты, конечно, его посадишь...

Только посадить дерево — меньшая часть дела. Его нужно поливать, рыхлить землю. Наверное, твой утренний путь в школу станет минут на десять длиннее, ты ведь обязательно забежишь проведать свое дерево.

Семена рябины или шиповника просто достать самому, а вот остальные семена можно попросить в ботанических садах Москвы, Ленинграда, Минска, Краснодара и в питомниках декоративного садоводства в Риге и Таллине.

Их адреса:
г. Москва, Главный ботанический сад,
г. Ленинград, Ботанический сад,
г. Минск, Ботанический сад,
г. Краснодар, Ботанический сад,
г. Рига, Питомник декоративного садоводства,
г. Таллин, Питомник декоративного садоводства.

У МЕНЯ ПРЕДЛОЖЕНИЕ:

Рассказывать об опытах и изобретениях ребят. Другие люди прочтут и смогут перенять опыт, а может быть, и сами что-нибудь полезное придумают.

Володя Блошицин
из с/з Джетысу, Алма-Атинской области.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО!

Рассказываем о селекционерах из Макеевки.

«Золотой колос» —

так хотелось бы им назвать новый сорт пшеницы, если удастся все-таки его вывести. Но пока это только мечта...

Они живут не в селе, а в городе, в промышленном городе Донецкой области — Макеевке. Учатся в 62-й средней школе. Но опыты, которые они проводят на приусадебном участке своего учителя биологии Б. В. Кабыфа и на поле областной станции юннатов, приносят пользу сельскому хозяйству.

Они занимаются селекцией. Скрещивают разные сорта пшеницы, получают гибриды, отбирают лучшие и снова скрещивают, чтобы получить такой сорт, который больше всего подходит к их климату.

Вот, к примеру, яровая пшеница «саратовская-29». Прекрасный сорт: зерно крупное, засухи не боится, хлеб выпекается пышный, вкусный. Одно плохо: болезни и вредители легко с ней расправляются. Макеевские ребята скрестили ее с яровой пшеницей «фронтана» родом из Кении. У «фронтаны» зерно тоже крупное, засухи она не боится, но она еще и ржавчины не боится! А ржавчина — опаснейшая для пшеницы болезнь. Она губит много хлеба на полях. Терпеливо, из года в год, селекционеры из макеевской школы будут сражаться за то, чтобы их гибрид тоже не болел ржавчиной.

Другой пример. Озимые пшеницы «харьковская-199» и «луганская» имеют, как говорят ученые, большую озерненность: в колосе этих пшениц много зерен. А у пшеницы «мироновская юбилейная» зерен в колосе меньше, зато весит каждое зерно больше. Ребята скрестили эти сорта и вот уже несколько лет добиваются, чтобы каждый колос их гибрида был туго набит крупным зерном.

Порой они чувствуют, что им не хватает опыта, знаний. Не всегда в библиотеке есть все необходимые для работы книги. Бывает, нет семян того сорта, который хочется испробовать, хотя в коллекционном питомнике школы около ста сортов. Тогда они обращаются к ученым: к академику Ф. Г. Кириченко и к руководителю отдела селекции в Краснодарском научно-исследовательском институте фитопатологии Н. С. Твердохлебу, и помощь приходит.

Им очень хочется вывести свой сорт пшеницы. Они назвали бы его «золотым колосом».

Рисунки Г. МЕТЧЕНКО.

О селекции и юных селекционерах из Макеевки

говорит доктор сельскохозяйственных наук, профессор Григорий Владимирович Гуляев.

Мне очень не хочется, ребята, чтобы кто-нибудь из вас подумал: создавать новые сорта — дело совсем несложное. Вывести новый сорт пшеницы ничуть не легче, чем сконструировать новый тип трактора, комбайна или самолета.

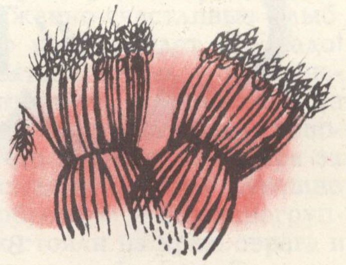
Великий мастер селекции академик Вавилов считал, что всякий сорт пшеницы должен обладать не меньше чем сорока признаками и свойствами. Прошло тридцать пять лет, и требования еще усложнились. Главное — новому сорту полагается повысить урожай на четыре-пять центнеров с гектара. На создание нового сорта уходит обычно двенадцать — четырнадцать лет, а порой и больше.

Скрещивание, отбор лучших растений, снова скрещивание и снова отбор — в каждом поколении остается не так уж много растений, устойчиво сохраняющих новые качества.

Удастся ли ребятам из Макеевки вывести новый сорт? Пока трудно сказать. Но смысл их работы я вижу еще и в том, что ребята уже на школьной скамье почувствуют вкус к исследованию, познают технику скрещивания и поймут, какие сорта пшеницы нужны сейчас хозяйству. Вот видите, они добиваются, чтобы их гибрид не боялся ржавчины. Это одна из важнейших проблем современной селекции: большинство сортов яровой пшеницы болеет ржавчиной, а она снижает урожай в полтора, два, а порой и больше раз. Макеевские ребята заботятся о том, чтобы колос до отказа заполнился крупным зерном. Это тоже одна из главных задач сегодняшнего дня, это забота о быстром повышении урожайности.
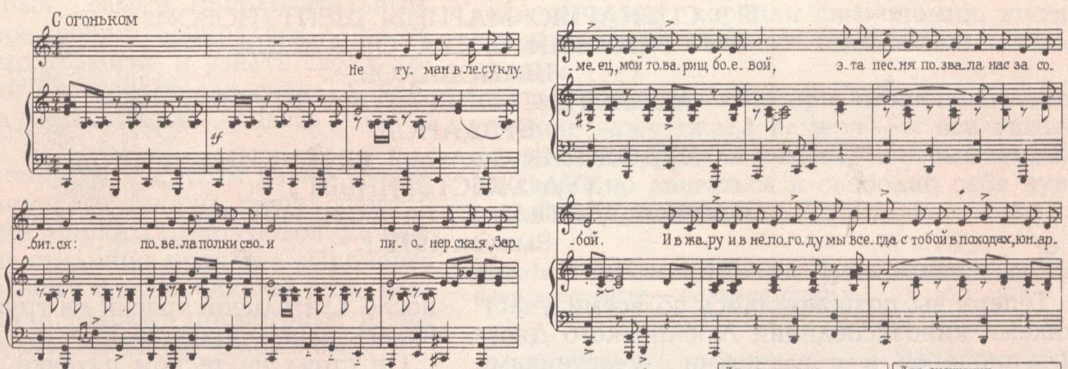
В каком случае сорт дает самый высокий урожай? Когда и климат ему по душе, и почва нравится, и удобрения по вкусу. Учет местных условий необходим в любом хозяйстве.

Я знаю, многие ребята сейчас изучают сорта пшеницы, ржи, картофеля, свеклы и помогают колхозам и совхозам определить, какой сорт лучше приживется на их земле. Такую исследовательскую работу я считаю исключительно серьезной и важной. Это реальная помощь хозяйству, да и ребята вырастают хорошими специалистами. Мы таких с радостью приглашаем в нашу Тимирязевскую академию.

Юнармейская строевая

Слова В. ШУМИЛИНА
Музыка В. ЗАПОЛЬСКОГО

Не туман в лесу клубится:
Повела полки свои
Пионерская «Зарница»
В пионерские бои.

Припев:

Юнармеец, мой товарищ
боевой,
Эта песня позвала нас за собой.
И в жару и в непогоду
Мы всегда с тобой
в походах,
Юнармеец, мой товарищ боевой,

Нам с тобою не впервые
В переделки попадать,
Сквозь завесы дымовые
Высоту атаковать.

Припев.

Юнармейская закваска
Выручает круглый год,
И в разведке были часто
И «форсировали» брод.

Припев.

В круг присядем на привале,
У костра передохнем.
Ждет нас кухня полевая,
Суп гороховый с дымком.

Припев.

Пусть задор в глазах
искрится
И веселым будет бой.
Пионерская «Зарница»
Подружила нас с тобой.

Припев.

И. АНДРЕЕВА

КИНОСТУДИЯ «РОВЕСНИК» ПОКАЗЫВАЕТ...

ОЛЯ КОСТИНА И ЮРА НЕССЛЕР
В ФИЛЬМЕ РЕЖИССЕРА ОЛИ ЖУРКИНОЙ
«ОБЛАКА»
ПО СЦЕНАРИЮ МАРИНЫ ШЕПТУНОВОЙ.
ГЛАВНЫЙ ОПЕРАТОР АЛЕША
ШАПОВАЛОВ.
АССИСТЕНТ ОПЕРАТОРА ИГОРЬ
БУЗДАНОВ.
ХУДОЖНИК ВОЛОДЯ ВЕДЕНКИН.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ СТУДИИ И. ИШОРА.
Выпуск 1972 г.

Теперь вы познакомились со всеми участниками киноэкспедиции Люблинского Дворца пионеров и с главными участниками истории, о которой я хочу рассказать. Жаль только, что в титрах оказался неупомянутым дядюшка Элмер. Честное слово, он это заслужил. Но мы постараемся воздать должное его терпению, трудолюбию, его милой старомодной учтивости.

Конечно, он стар, очень стар и — прямо скажем — тяжеловат (двести пятьдесят килограммов — не шутка). Но старина Элмер — непременный участник всех киноэкспедиций студии. Недаром Алеша Шаповалов, готовясь к съемке, случайно обмолвился: «Элмеру — масла, водички и закурить!» Все тогда смеялись неожиданному «закурить», но Элмер и вправду для всех живой.

Элмер — это движок. С той минуты, как двадцать пар рук стащили его на землю после длительной тряски на грузовике, и началась наша киноистория.

Он стоял на тесном пятачке, утрамбованном сотнями ног, прямо под соснами. Вокруг него толпились палатки. Взгромоздив на одну из них передние колеса, стояли у палаток велосипеды. Вернее, они висели на палке, прибитой между двумя соснами, как белье на веревке. Издали, со стороны реки, доносились свистки и удары по мячу. А в небе ветер собирал и распускал кумачовую надпись: «Спортивный лагерь «Москвич».

Да, так получилось, что киностудии Дворца отвели три палатки в спортивном лагере. Здесь студийцы должны были жить месяц и снимать свой новый фильм «Облака» — о мальчишке из пионерского лагеря и девочке из деревни, которая любила смотреть на облака и не умела танцевать шейк, о внезапной их дружбе.

Перед вами не затяжной прыжок с парашютом... Идет съемка!

Сценарий был самый приблизительный. Здесь, в лагере, ребята собирались даже не досочинить его, а найти и узнать своих героев. Это лето им предстояло сначала прожить и передумать, а затем создать из него фильм.

Работали они друг с другом давно (киностудии Люблинского Дворца пошел шестой год), все, кроме Марины Шептуновой. Ее рассказ «Лебеди» студийцы прочли в «Пионере» и сделали по нему фильм «Любой день весны». Пригласили Марину посмотреть, и она сразу стала в студии своим человеком.

Для фильма она счастлива делать все: сидеть на берегу и стеречь камеру, поддерживать разъезжающиеся ножки софитов, не привыкших стоять в траве, придумывать диалоги по ночам, чтоб к утру эпизод был готов к съемке. Ради кино ей хочется пострадать, совершить подвиг, а пока случая не представилось, она хватает софиты, «бэбики» (от слова «бэби» — маленький, так называют небольшие прожекторы), самые тяжелые тяжести и бежит впереди всех к месту съемки.

Боялась Маринка одного: пропустить что-нибудь интересное. Поэтому вскакивала раньше всех и начинала встряхивать и расталкивать девичью палатку.

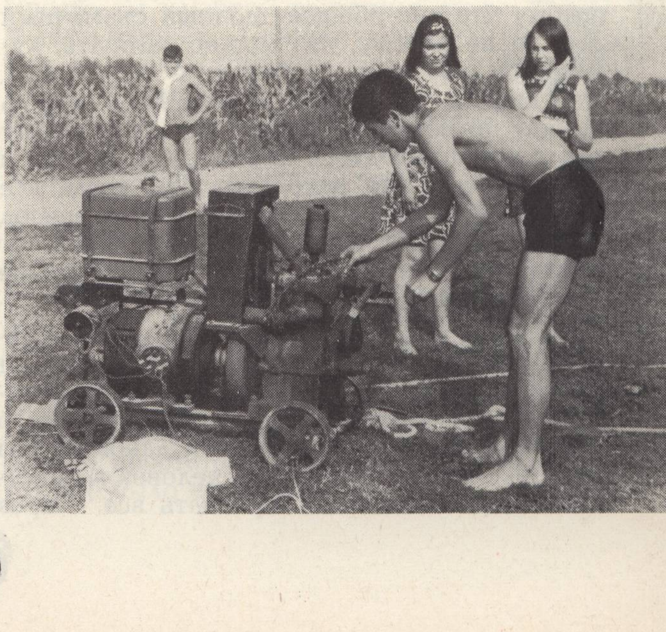
Но в лагере к «кинщикам» (как окрестили новоприбывших спортсмены) отнеслись насмешливо. Особенно доставалось девочкам. Велосипедистам, которые до завтрака совершали пробег в пятьдесят километров, казалось, что нет занятия проще и нелепей, чем красоваться перед камерой. Вслед девочкам неслось:«Кинозвезды! Артистки из захудалого театра!» И однажды стычки превратились в открытую ссору.

Это был трудный для студии день. С утра наметили снять, как Оля качается на качелях (надо вас предупредить, что герои фильма носили имена тех, кто их играл,—Юра, Оля). Качели смастерили на высоком дубе, что рос на краю оврага. Они пролетали над оврагом, то уходя в полосу тени, то вырываясь на свет, и лица оператора и режиссера освещали одинаковые сдержанно-счастливые улыбки, означающие, что кадр выйдет что надо!

Должна была смеяться и Оля — по сценарию. Вот такой смеющейся, отлетающей на качелях в рябь света и листвы ее будет вспоминать Юра, когда его выгонят из лагеря за драку. Надо было смеяться, а Оле страшно было качаться над обрывом, и вся киногруппа — девять человек стояли на краю оврага и пытались рассмешить и подбодрить Олю: ходили на руках, корчили физиономии, шутили. А для страховки все-таки обвязали Олю ремнем.

И вот команда: «Мотор!», отчаянный взмах качелей, зажужжала камера — и все увидели, как Оля сорвала ремень, который мешал ей свободно двигаться и свободно себя чувствовать, и засмеялась.

Володя Веденкин и дядюшка Элмер, несмотря на разницу в возрасте,— большие друзья.

Пока этот очерк набирался в типографии, стало известно, что фильм «Любой день весны» по сценарию Марины Шептуновой получил I диплом на городском конкурсе любительских фильмов, посвященных 50-летию пионерской организации, а Оля Костина награждена дипломом за лучшую актерскую работу. Поздравляем студию «Ровесник».

«Кадр века!» — заорал Юра, когда качели унесли Олину улыбку к противоположной стороне оврага, в кусты. Неосторожное движение — и Оля висит на одной руке («А мы знаем, у нее ключица была сломана, — рассказывала потом Марина, волнуясь даже от рассказа, — она висит, и никто не может ей помочь...»).

— Я снял! — в азарте выкрикнул Алеша Шаповалов. И тут же, опомнившись, хриплым, не своим голосом: — Оля разбилась!

Когда все свалились в овраг, Оля лежала и улыбалась. Ее подняли, осмотрели, сдули травинки, повели в лагерь. И только тут, на родном пятачке, Оля расплакалась. А ребята, увидевшие ее слезы и не знавшие, что им предшествовало, стали смеяться и поддразнивать: «Плакса!»

Девочки очень рассердились (и кто бы на их месте не рассердился?). А что кричат девочки, когда они оскорблены и обижены: «Дураки!» И пошла-поехала меж палатками колесом ссора-обида.

Вот тогда-то Игорь Михайлович, руководитель киностудии, напечатал на машинке и прикрепил над Олиным спальным мешком листочек:

«В юношеские годы, когда человек особенно восприимчив, я как-то получил от отца совет, надолго запавший мне в память.

— Если тебе вдруг захочется осудить кого-то, — сказал он, — вспомни, что не все люди на свете обладают теми преимуществами, которыми обладал ты». Скотт Фитцджеральд — «Великий Гэтсби».

Эти слова, мудрость которых я оценила не сразу, обращались к Оле и ко всем другим, кто жил в лагере, кто был влюблен в свое призвание, гордился им и считал, что его занятие — самое красивое и благородное. Именно в таком случае тактично подумать, что преимущества твои обязывают к терпимости и пониманию.

Не знаю, помог ли американский писатель или ребята из спортлагеря сами убедились в том, что рядом с ними идет не игра в кино, а тяжелейшая работа, когда солнцу радуются, потому что оно обещает полный съемочный день, а не потому, что можно загорать, купаться в реке или собирать в лесу грибы. Они видели, что порой у студийцев в день бывает по четыре съемки, что одну сцену или слово приходится повторять и десять и двадцать раз, что надо смеяться, когда все внутри обрывается от страха, что на эпизод «Ромашки», который в фильме занимает 1 минуту 7 секунд, было потрачено четыре дня и сто пятьдесят метров пленки.

Конечно, Оля бывает неровной и своенравной, она человек увлекающийся: сегодня занимается фигурным катанием, завтра рисованием, послезавтра пошла с подружками в бассейн, она любит стихи, как лакомка, без разбору, любые. Но что она человек мужественный, должны были признать все. Через полчаса после ушиба она снова села на качели, засмеялась — и съемки пошли своим чередом.

И вот то один, то другой рыцарь, вернувшись из велопробега или с футбольного поля, что по соседству с гороховым полем, высыпают на Олин спальный мешок зеленые яблоки, горошек, а ватерполисты приносят с реки камыши.

Кто это сказал (или подумал), что спортлагерь и киногруппа — сочетание не очень удачное? Вот уж пустяки!

А кто тянет дядюшку Элмера на бугор, за километр, где идет очередная съемка? (Я и не знала, что даже днем, на ярком солнце, надо помогать съемке искусственным светом, сглаживать тени. Боксеры и футболисты впрягаются в канат, и Элмер, поскрипывая и покряхтывая, потораплива ется за ними на своих коротеньких колесиках. Эта картина в лагере называлась «Бурлаки на Лопасне».

И разве удалось бы без ребят из спортлагеря снять драку на мосту?

В фильме есть эпизод, когда Юра и его друзья из лагеря сталкиваются на мосту с деревенскими мальчишками, происходит драка. Лагерных играют боксеры, деревенских — ватерполисты. Так было задумано: боксеры с их знанием приемов могли поднять «противника» и аккуратно бросить в реку, а ватерполисты прыгали в воду с естественностью лягушек, но гораздо красивее.

В съемках на висячем мосту принял участие весь лагерь. Даже тренеры превратились в консультантов. И так как каждый делал то, что он хорошо знал и умел, забыв о своих преимуществах, они так естественно вырвались на кинопленку. Кадры получились на редкость выразительные.

Вы знаете, наверное, что когда снимают сразу много людей, это называется массовкой. Организовать массовку — дело режиссера Оли Журкиной (просьба с Олей Костиной не путать!). Во время массовки режиссеру приходится побегать! Надо отобрать подходящих людей; решить, как они должны быть одеты, выгладить рубашки, отрепетировать сцену с каждой группой в отдельности, убрать из кадра лишних людей.

Использовать приходится буквально все, даже личные отношения: «Маринк, скажи Валерке, чтоб он снимался, он же проиграл тебе американку. А то он отказывается».

А тут еще тренер ватерполистов говорит, что он не разрешает ребятам прыгать через перила моста, кусочек перил надо «вырезать», эй, кто побежит в лагерь за топором и пилой? Хорошо, что теперь всегда находятся мальчики, которые согласны сбегать в лагерь за чем угодно. Это главным образом друзья и однопалаточники фотографа Игоря Букданова, самого младшего члена киногруппы. (Кстати, фотографии, которые вы видите на страницах, сделаны Игорем.

Оля Журкина тоже была в пятом классе, когда впервые пришла в студию и сыграла главную роль в фильме «Когда генералы плачут».

А в двух последних фильмах Оля — режиссер. Работа хлопотливая и неблагодарная. Главное, совершенно невозможно заранее предусмотреть все, что может понадобиться. Для эпизода «Ромашки» нужен был, например, сноп ромашек, и полдня все бродили по полям, собирали цветы.

Но у студийцев есть очень важный, принципиально важный девиз: «Мы все умеем!». Это правда: они умеют все, иначе они не могли бы снимать свои фильмы. Вот, скажем, герой приехал в лагерь, сбежал к реке за водой, а на противоположном берегу девочка на мостках полощет белье. Он кричит:

«— Эй, это какая деревня?

— Бавыкино.

— А танцы у вас бывают?»

Для того, чтоб снять этот крошечный диалог, нужно сначала построить на реке мостки.

В титрах Володя Веденкин назван художником, но он еще командир седьмого отряда, актер, электрик, столяр, плотник, «царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной...»

«Ну, Джекки, подвалило тебе работенку!»— смеясь, говорит Игорь Михайлович. И Володя ладит мостки, влезает на дуб, чтоб сделать качели, по вечерам играет на гитаре и рисует картину для девчоночьей палатки: пусть девочкам живется уютней.

Алешу Шаповалова, главного оператора студии, в окрестных лагерях знают как «доктора из спортлагеря». Во Дворец пионеров он тоже пришел мальчишкой, а сейчас учится на третьем курсе медицинского института.

Алешу уважает весь лагерь. Игорь Михайлович шутливо объясняет это тем, что на груди у Алеши висит ключ от кладовой (где аппаратура) и оттого он кажется лицом ответственным и загадочным. Но, помимо ключа, у Алеши много тайных и явных достоинств: он добр, справедлив и умеет делать почти все на свете. Мы как-то считали, что умеет Алеша Шаповалов,— пальцев не хватило:

чинить кинокамеру «Красногорск» (камера старая, то и дело ломается, засвечивает пленки, оператор в этом случае скажет: «делает салат». Камеру с ненавистью именуют «Прелесть». «Прелесть» опять изготовила салат!»),

показывать фокусы,

разбирать и собирать движок,

унять головную боль,

играть на пианино,

ездить на велосипеде и мотоцикле,

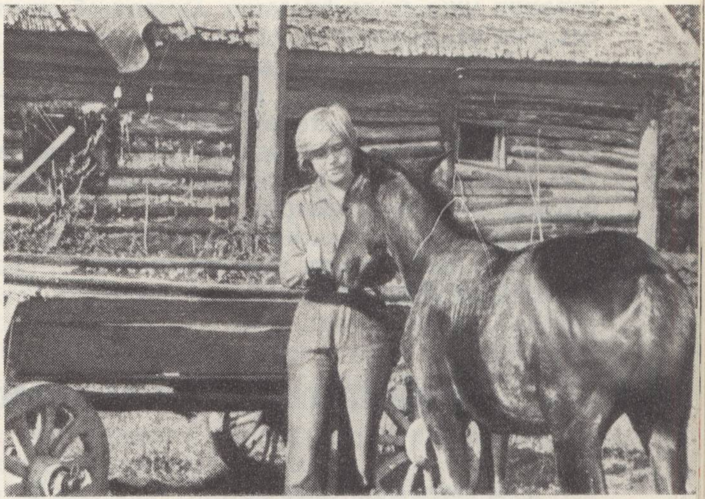
снимать из положения лежа, стоя, сидя, из воды, с дерева, из-под земли (этого я, правда, сама не видела)

и, наконец, в трудную минуту вспомнить подходящую шутку из «Бравого солдата Швейка».

И почему это лето проходит так быстро? Свернули палатки, уезжают в Москву 56-й и 57-й. (В спортлагере ребята были разбиты на отряды по годам рождения: так удобнее работать тренерам. В первые дни очень странным казалось, когда на вопрос: «Нет иголки?» — раздавался ответ: «Спроси у 58-го». Но и к этому привыкли.)

Отснят уже почти весь фильм. Набухли, быстрее побежали по небу облака, и Алеша с кинокамерой отправился «на охоту» за облаками. В соседнем лагере музкоманда играет марш «Прощание славянки». И уже записаны в тетрадки адреса и телефоны, в частности телефон того самого футболиста Валерки, которому тысячу лет назад, в начале смены, влепили «Дурака!».

По разоренному лагерю, меж деревянных остовов палаток и рюкзаков бесприютно мечется песенка из кинофильма «Любой день весны». Каждое утро она звучала как позывные рабочего дня киноэкспедиции, а сейчас выбежала проводить уезжающих.

От угощения Сынок не отказывался, а дисциплину не признавал...

Нет, не верю я прогнозам о весне,
Нет весны, придумана она,
Просто ты улыбкой растопила снег,
А люди говорят: «Пришла весна!»
Нет, не верю я никаким ручьям,
Были на земле ручьи всегда,
Просто ты бежишь вприпрыжку
по камням,
А люди говорят: «Пришла весна!»

Песенку эту сочинил руководитель Клуба красных следопытов Дворца пионеров «дядя Боря». Она стала частью этого лета; так же как и фильм, снятый студийцами, стал «кусочком» жизни всех ребят лагеря, их отношений, их раздумий. Наверное, они повзрослели немного и кое-чему друг у друга научились. И теперь, встречаясь во Дворце, не сумеют просто равнодушно пробежать мимо, как это было прежде.

И вот наша киногруппа остается в пустом лагере. Им надо еще отснять две сцены. Я пытаюсь понять, что объединяет девять человек разного возраста в одно целое — студия. Конечно, все они влюбленные в кино, я бы сказала даже, одержимые люди. А это так важно: встретиться в юности с людьми, одинаково увлеченными, найти в них поддержку себе. Студийцам приятно всячески подчеркивать эту внутреннюю близость: у девочек на белых носах кедов выведено чернилами: «Киностудия «Ровесник». Игрушечную прищепку они носят на отворотах кофточек, как тайный знак братства. Они не только нашли друг друга, но каждый смог еще увидеть себя: среди друзей и единомышленников явственней обнаруживаются твои достоинства, недостатки и просто особенности.

И все-таки почти никто из них не решился связать с кино свое будущее. Володя Веденкин поступил в институт химического машиностроения, Алеша Шаповалов будет хирургом или психиатром, хотя жизни своей без студии оба не представляют. Оля Костина, героиня уже двух фильмов, думает об архитектурном институте. И, видимо, серьезно, она решила поступить на подготовительные курсы по рисованию (а поступила на курсы английского языка: такой характер).

Слишком сильно в каждом чувство уважения, ответственности перед творчеством актера, режиссера, оператора.

«Может быть, если я почувствую, что у меня есть о чем сказать, есть что-то свое...— говорит Оля Журкина.— Может быть...»

Этому научил их Игорь Михайлович, вернее, они просто разделили его отношение. Как однажды досталось девочкам, когда кто-то из не занятых в съемке посмел захватить с собой одеяло поваляться на солнышке. Съемка — напряжение всех чувств и мыслей, полная отдача душевных сил. Душевная лень и несобранность рядом невозможны.

Эта высокая требовательность к себе для каждого стала как бы камертоном. Я ни разу не слышала среди студийцев мелких ссор, честолюбивых обид, вздорного голоса. Замечания звучат шутливо и сдержанно. Даже когда девочки смертельно обиделись на Олю Костину за то, что она не захотела сыграть сцену так, как ее написал сценарист, они ушли в лес и, чтобы разрядить обиду и раздражение, ругательски ругали все встречные сосны и ели.

Достаточно взглянуть на Алешу и Володю, одинаково подтянутых, умеющих разрядить шуткой трудную минуту, джентльменов и в майке и в тренировочном костюме, на съемке и на реке, чтоб понять, что дала им студия и Игорь Михайлович.

Слово его, сказанное ровно и негромко, для всех в студии решающее.

За лето одно было исключение: жеребенок по кличке «Сынок» ни за что не хотел стоять в кадре спокойно. Игорь Михайлович уговаривал его, уговаривал, и про дисциплину объяснял, и сахаром кормил — не помогло. Но, во-первых, Сынок молод, глуп и необучен, а во-вторых, он и роль в «Облаках» сыграл эпизодическую.

Внимание! Объявляем победителей конкурса!

МОЯ КОЛЛЕКЦИЯ

3 745 писем с условным паролем «Коллекция» пришло на конкурс, который мы объявили в первом номере журнала. Почти все ребята правильно ответили на многие вопросы, некоторые прислали рисунки марок и значков, рассказали о своих коллекциях.

Трудными оказались три вопроса. Вокруг них и разгорелись споры.

Самые разноречивые ответы пришли по поводу свистка. Большинство мальчиков считает, что свисток имеет прямое отношение к играм на приз «Золотая шайба». Часть ребят думает, что свисток — приз победителю игры «Семафор». И только Валерий Сенотрусов, ученик 7-го класса 47-й школы города Улан-Удэ, не ошибся. Он пишет: «Свисток на зелено-красном шнуре принадлежит вожатому Демократического союза пионеров Финляндии». Молодец, Валерий! (Кстати, некоторые ребята не знают, что зеленый шеврон с изображением горна носят финские пионеры.)

О том, что медалью на голубой ленте награждались ребята на III Всесоюзном слете, правильно ответили два мальчика, оба Саши. Один, Туулик, живет в городе Таллине, другой, Лоевский, в городе Ленинске-Кузнецком.

Долго ждали мы верного ответа на вопрос о румынской медали и наконец нашли его в 2630-м письме, которое прислал нам Додик Бауммтейн из города Сыктывкар.

— Эта медаль,— пишет он,— учреждена румынским журналом «Кутезатörie», что в переводе значит «Отважный». Награждаются такой медалью пионеры и пионерские отряды, которые изучают родной край и историю своей страны, участники экспедиции «Отважные».

Объявляем имена победителей.

Первый приз завоевали братья **Солдаткины,** ученики 6-го «В» и 5-го «А» классов из школы в поселке Купавна, Ногинского района, Московской области. Братья правильно ответили на все вопросы, а о том, как их зовут, сообщить забыли.

Второй приз отправляется в Одессу, в **школу-интернат № 1 членам клуба «Юный филателист».** Их рассказы о марках и медалях очень точны, жаль, что они ничего не сказали о свистке финского вожатого.

Алеша Шмыгля из Московской области получает третий приз. Просим Алешу прислать нам свой почтовый адрес.

Валерий Сенотрусов из Улан-Удэ, **Саша Михайлов** из Кемерова, **Саша Туулик** из Таллина, **Саша Лоевский** из Ленинска-Кузнецкого, **Додик Бауммтейн** из Сыктывкара, интересно ответившие на самые трудные вопросы, получают специальные призы.

ВНИМАНИЕ! Самый полный и самый точный ответ на все вопросы конкурса пришел последним. Его написал десятилетний **Алеша Журбенко** из г. Оренбурга. Алеша — абсолютный победитель конкурса! Его ждет коллекция редких значков.

НАШ ДОБРЫЙ ДРУГ

Юрий Яковлевич Яковлев.

Он любит детей, и поэтому любит все, что любят дети. Например, собак. Он любит своих собак и чужих, породистых и дворняжек. Дети любят играть в войну. Он же всю войну был рядовым солдатом, зенитчиком. И до сих пор в его книгах звучат отголоски минувших сражений.

Наш общий друг — писатель Юрий Яковлев.

«Умка», «Мишуткина командировка», «Наш Андрейка», «Жил-был огуречик», «Колыбельная» и многие другие книги, написанные в стихах и прозе, ждут тебя, дорогой читатель, на пороге твоего первого знакомства с книгой.

Я не случайно назвал писателя Юрия Яковлева нашим общим другом. Друг должен приходить на помощь: дать нужный совет, помочь стать сильнее, поделиться своим житейским опытом, подбодрить, развеселить, если грустно. Естественно, сам писатель не может прийти сразу к миллионам ребят, но он шлет гонцов — свои книги. И каждая его книга — частица его самого. Думается мне, что частица самого Юрия Яковлева и в «Мальчике с коньками», и в «Рыцаре Васе», и в Малявкине, «собирающем облака», и в Таборке из рассказа «Он убил мою собаку», и в легендарном «Зимородке», и в герое книги «Непослушный мальчик Икар» — Микоше.

Уже давно отбушевали битвы Великой Отечественной войны, все солдаты вернулись домой, а писатель Юрий Яковлев как бы остался пожизненно в военном строю. Почти в каждом его рассказе судьба героев связана с войной. Но это не просто рассказы о войне... Писатель не только сам оглядывается на события далеких лет, но делает это вместе со своими юными героями, которые родились через много лет после войны, но знают о ней от своих отцов и дедов. Старшие как бы передают детям на вечное хранение свою солдатскую память. Солдатская память, переданная на хранение детям, — вот главная тема его рассказов. Не случайно писатель пишет о красных следопытах и считает их гвардейцами пионерской организации.

Особенно ярко тема войны прозвучала в последних книгах писателя — «Позавчера была война», «Где стояла батарея», «Девочка с Васильевского острова».

За спиной у Ю. Яковлева большой творческий путь. В этом нетрудно убедиться, если подойти к библиотечной полке: на ней — десятки книг. Впрочем, полка, где стоят его книги, чаще всего пустует: книги разобраны.

Мне очень хочется, чтобы вы прислушались к языку яковлевских книг. Он сам по себе интересен: образный, поэтичный. Говорят, ребята не любят описаний природы. Это неверно. Ребята не любят скучных описаний природы, а если о ней рассказано интересно?! Юрий Яковлев описывает природу увлекательно. Он тонко чувствует ее и любит.

Настоящий детский писатель очень близок дорогим нашим девчонкам и мальчишкам, потому он и детский. Он хорошо знает, **что** ребятам интересно, а **что** скучно, знает, как понятно рассказать о трудном.

Юрий Яковлев — детский писатель. Он не только детский прозаик, но и драматург, автор интересных пьес, таких, как «Салют», «А Воробьев стекла не выбивал». Он и сценарист детских фильмов. Вы, вероятно, видели кинокартины, снятые по его сценариям.

Юрий Яковлев вошел почти в каждый дом, где есть дети, и люди рады его приходу. Его рассказы появляются вместе с новой книгой, с номером свежей газеты, они звучат по радио. И всякий раз, когда происходит новая встреча с писателем, мы радуемся этой встрече, потому что видим лицо верного друга.

Юрию Яковлеву исполняется 50 лет. Писатель работает! Только что вышла его красочно оформленная книга-сказка «Лев ушел из дома». Готовятся к печати новые книги. А на столе — рукописи новых рассказов. Мы ждем их!..

Анатолий АЛЕКСИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Об открытиях, изобретениях, как правило, пишут тогда, когда они уже сделаны, когда успех достигнут. Я напал на таких людей, которые еще только на пути к открытию. Вот об этом пути, полном надежд и колебаний, удач, огорчений и снова удач, мне хочется рассказать.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Юрий СОТНИК

Неугомонные, *или рассказ* о том, как приручают облака

Через несколько мгновений ракета исчезнет в мощном кучевом облаке, что висит над лесом.

КТО ТАМ НА ОСТРОВЕ

В Красноярском крае на реке Каменке, в ста километрах от ее впадения в Ангару, есть крошечный поселок, в котором живут четыре семьи эвенков да семья русского охотника по имени Николай. Летом 1971 года жители поселка услышали гул вертолета и приблизительно смогли определить место, где он сел. Гул вертолета сам по себе никого не удивил. Километров за десять отсюда горела тайга, и вертолеты каждый день летали, доставляя туда людей и необходимое оборудование. Но этот вертолет опустился не на пожаре, а совсем в другой стороне, километрах в пяти ниже по реке. Жители поселка сели в лодки и отправились на разведку: кто же это прилетел?

Течение быстро принесло их к небольшому острову метров в триста длиной. Половина острова заросла лесом, а другую половину занимал просторный галечный пляж. И вот на этом пляже местные жители увидели людей, копошившихся возле каких-то довольно громоздких аппаратов. Это были сотрудник Ленинградского института лесного хозяйства Владислав Дмитриевич Пуздриченко, пятеро его помощников и я. Нас сопровождал охотник и пожарный десантник Константин Иванович Мутовин.

Поздоровались. Николай спросил, что мы тут делаем.

— Да вот, хотим вызвать дождь и потушить пожар,— ответил Владислав Дмитриевич.

Никто не удивился. Только старый эвенк дядя Корней спросил:

— Без самолета?

— Без самолета,— отчеканил Владислав Дмитриевич.

Вот тут-то все наши гости удивленно переглянулись.

О том, как тушат крупные пожары в тайге, вызывая искусственные дожди из облаков, уже писали и в газетах и в журналах. Тем, кто не читал об этом, я вкратце расскажу, как это делается.

ПОЖАР ОБЫЧНЫЙ И ПОЖАР КРУПНЫЙ

Над тайгой в «пожароопасный» период, как выражаются лесники, летают патрульные самолеты. Заметив подозрительный дым, пожарные парашютисты выбрасываются из самолета поблизости от возникшего очага. Если вовремя захватят очаг, достаточно пяти человек, чтобы ликвидировать его.

Но временами сушь стоит такая, что пожары распространяются на сотни гектаров, и тут уже не хватает никаких человеческих сил и никакой техники. Такие пожары называются крупными. Лес горит до тех пор, пока не погасит дождь.

Мне однажды пришлось побывать на таком пожаре.

Писатели любят изображать так называемые верховые пожары, когда горят кроны хвойных деревьев, когда огонь двигается сплошной ревущей стеной, от которой бежит все живое. Я видел пожар низовой. Горела лесная подстилка — толстый слой опавшей хвои, сухих веток, кусочков коры. Лес там был высокий, просматривался далеко. И куда бы я ни глянул,— всюду подымались столбы сизого дыма. Их были тысячи. Словно невидимая армия расположилась здесь на привал и разожгла костры.

Большие деревья — сосны, лиственницы, березы — стояли вроде бы нетронутые, их кроны весело зеленели над нами, освещенные солнцем, но мы-то знали, что все эти деревья обречены: корни у них обгорели. Мы знали, что пройдут недели, листья и хвоя засохнут и осыплются, пройдет несколько лет,— рухнут и сами деревья. Тысяча двести гектаров тайги превратятся в нагромождение мертвых стволов.

В то сухое, знойное лето пожаров было много, и этот пожар «упустили», как говорят лесники. Одиннадцать дней боролись с ним люди, заброшенные в глухую тайгу, а пожар продолжал расползаться. Он погас лишь на двенадцатый день, после обильного и продолжительного дождя.

МИЛЛИОН ТОНН ВОДЫ В НЕБЕ

Вот что заметили ученые: в жаркую погоду над пустыней, как правило, голубое небо, а над тайгой клубятся мощные кучевые облака. Деревья в тайге высасывают из земли и испаряют миллионы и миллионы тонн воды. Поднявшись в верхние слои атмосферы, водяной пар образует облака. В жаркий день они появляются над тайгой часов в одиннадцать-двенадцать утра, иногда проливаются ливневым дождем, иногда тают к вечеру, так и не вернув влагу земле.

В Институте лесного хозяйства есть отдел охраны леса от пожара. Руководит этим отделом кандидат сельскохозяйственных наук Евгений Степанович Арцыбашев. Вот в этом отделе и возникла мысль: а почему бы против крупных лесных пожаров не использовать мощно-кучевые облака? Ведь эти облака висят над тайгой в жаркую погоду почти каждый день, но проливаются дождем не там, где нужно.

ВЕРНЕМСЯ В НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ

Вызывать дожди из мощно-кучевых облаков люди научились довольно давно: лет

В то сухое, знойное лето пожаров было очень много.

двадцать — тридцать тому назад. Стоит распылить в вершине облака определенное химическое вещество, например, йодистое серебро или йодистый свинец, как мельчайшие капельки воды превращаются в кристаллики льда. Достигнув теплых слоев атмосферы, лед растает, и пойдет дождь.

Впервые этот метод использовали ученые Грузии для борьбы с градом, который раньше губил огромные урожаи виноградников. Теперь по всему нашему югу, там, где есть виноградники, стоят ракетные установки. В ракетах этих — йодистый свинец.

Начали свои опыты и ученые-лесопожарники. Они работали и под Хабаровском и в Иркутской области, но больше всего в Богучанском районе, Красноярского края. Микроклимат там особенно засушливый и леса горят особенно часто.

И вот здесь-то несколько лет подряд летал среди облаков так называемый «зондировщик» — старенький самолет «ЛИ-2» с ярко окрашенными хвостом и концами крыльев. Метеорологи сообщали летчику, где в районе лесных пожаров «развивается хорошая кучевка». Найдя подходящее облако, «ЛИ-2» поднимался к его вершине, люди надевали кислородные маски и обстреливали облако из самой простой сигнальной ракетницы, в пиропатронах которой был йодистый свинец.

«Три шестерки» (номер самолета оканчивался этими цифрами) хорошо известен всему Богучанскому району, и никого из богучанцев сейчас не удивишь, сказав, что облако может по воле человека пролиться дождем.

Командует «Тремя шестерками» Михаил Евгеньевич Сахаров — один из старейших пилотов нашей страны. Однажды, возвращаясь в Богучаны, он услышал голос диспетчера аэропорта:

— Михаил Евгеньевич! У нас вся картошка посохла, а вон гляди, какое облако над Богучанами висит! Будь добр, полей нам картошку!

«Три шестерки» «воздействовал» на облако, но вот беда: ливневый дождь полил только половину огородов богучанцев, а другая половина так и осталась сухой. С тех пор одни богучанцы считают Сахарова своим благодетелем, а другие обижены на него.

Разумеется, «Три шестерки» не только картошку поливал. Он и другие самолеты потушили в Иркутской области и в Хабаровском крае пожары на десятках тысяч гектаров. Вот почему местные жители не удивились, узнав, что мы собираемся тушить пожар искусственным дождем. Удивились они лишь тому, что мы собирались делать это без помощи самолета.

И СНОВА РАКЕТЫ

Научившись вызывать дождь, ученые-лесопожарники стали думать, как сделать этот дождь дешевле. Что, если вернуться к ракетной установке, как в Грузии, но держать ее не на одном месте, а возить на вертолете туда, где она понадобится?

Опыты с ракетами начались в 1970 году. Маленькую группу энтузиастов (я стал чем-то вроде ее летописца) высадили на краю небольшого колхозного поля, окруженного тайгой. В нескольких километрах от нас горел крупный пожар. Вот на этот пожар наши экспериментаторы и старались пролить дождь, вызванный ракетой из облака.

ПЕРВАЯ НЕУДАЧА

Облако начинает «дождить» примерно минут через пятнадцать после того, как в него выстрелят. Значит, если хочешь, чтобы дождь попал на пожар, нужно определить, в каком направлении движется облако и с какой скоростью. С самолета уже научились это делать, следя за тенью облака, ползущей по земле. А как узнать об этом, не поднимаясь в небо? Для этого мы привезли с собой стереотрубу — прибор, помогающий артиллеристам определить расстояние до цели.

Но у облака расплывчатые границы. Как ни бились Владислав Дмитриевич и его помощники, им так и не удалось точно определить, с какой скоростью оно движется. И еще одно обстоятельство обескураживало всех. Вот что получалось: люди нацеливали установку на подходящее облако и отходили от нее метров на двадцать для безопасности. Владислав Дмитриевич крутил ручку электрической машинки, соединенной с ракетой длинным проводом, нажимал кнопку. Треск, огонь... Прочертив по небу белый след, ракета исчезала в облаке. Все наблюдали за облаком, ожидая, когда из него потянутся к земле темные полосы дождя. Но никаких полос не было. Вместо этого облако начинало таять на наших глазах и примерно через пятнадцать секунд после запуска на его месте оказывалось чистое голубое небо. Отчего же так получалось? В грамме йодистого свинца триллионы мельчайших частиц. Вокруг каждой в облаке кристаллизуется лед, а потом образуется капля дождя.

Некоторые ученые считали, что, если химического вещества ввести в облако слишком много, капельки дождя будут слишком мелкими и испарятся, не долетев до земли. Йодистого свинца в ракетах содержалось в десятки раз больше, чем в пиропатронах, которыми стреляли из самолета, а облака были не такие уж большие. Вот они и распадались, так и не пролившись дождем.

Грустные, разочарованные, вернулись в Ленинград наши ученые: насиделись в тайге, питаясь консервами, покормили комаров, истратили немало денег и сил, а результата никакого.

Ракетная установка, стрельба по облакам — есть ради чего на время забыть про свои мальчишечьи дела.

«АРБУЗА» НЕ СЛЫШАТ

Но Евгений Степанович Арцыбашев и его сотрудники верили, что опыты стоит продолжать.

И вот на следующее лето Владислав Дмитриевич Пуздриченко со своими помощниками снова в Богучанах. На этот раз вместо стереотрубы они привезли с собой маленький радиолокатор, а кроме небольших ракет,— мощные ракеты типа «Алазань», способные лететь на десять с половиной километров.

Владислава Дмитриевича и его помощников на вертолете перебросили в район самого крупного пожара.

Прежде чем запустить ракету, ученые должны были предупредить по радио ближайший аэропорт, чтобы в район пожара, во избежание несчастного случая, не сунулся какой-нибудь самолет. Но передатчик переносной радиостанции оказался очень маломощным, и каждое утро Владислав Дмитриевич садился к серому ящику рации и взывал:

— Сто седьмой! Сто седьмой! Ответьте для связи, я «Арбуз»! Прием!

Порт его не слышал, стрелять было нельзя.

А пожар между тем подбирался все ближе к площадке, на которой расположились исследователи. Люди успели бы уйти от огня, но могло пропасть оборудование весом около тонны: радиолокатор, стоящий огромных денег, движок в генераторе, десятки дорогих ракет...

— Сто седьмой! Сто седьмой! Я «Арбуз»!

«Арбуз» наконец услышали, когда пожар уже пошел на убыль. Прилетел вертолет и перевез всю группу на островок, о котором я упомянул. Над тайгой висели великолепные кучевые облака, очертания их были хорошо видны на экране радиолокатора. Локатор точно показывал, в каком направлении и с какой скоростью они движутся. Но...

— Сто седьмой! Я «Арбуз», ответьте! Прием!

Сто седьмой снова не слышал наших позывных. Стрелять было нельзя.

А через несколько дней пошли дожди, которые почти совсем погасили пожар, а потом стало прохладно, и «кучевка» исчезла. Тут то, как назло, восстановилась связь с портом. Но моя командировка кончилась, я покинул людей на острове.

И ДОЖДЬ ПОШЕЛ!

Настала осень. Я позвонил из Москвы в Ленинград.

— Вроде удается, Юрий Вячеславович,— радостно сказал Арцыбашев.— Вызвали дождь и даже попали на пожар.

Я решил поехать в Ленинград. Вот что мне рассказал там Владислав Дмитриевич. Несколько дней после моего отъезда люди на острове томились в бездействии. Но вот настало утро 29 июля, и в небе появились кучевые облака. Метеорологу Владиславу Дмитриевичу стало ясно, что к полудню многие из них разовьются в мощно-кучевые. Снова, в который раз, он включил свою рацию.

— Сто седьмой! Сто седьмой! Я «Арбуз»! Ответьте для связи! Прием!

— Сто седьмой! Я «Арбуз»! Прием!

И сто седьмой отозвался! Можно стрелять!

После часа дня появилось мощно-кучевое облако. Локатор показал, что оно движется прямо на остров. Запустили в небо маленькую ракету, и через полчаса на наших островитян полил дождь. Был он небольшой и длился минут пятнадцать. Это был не такой дождь, которым можно было бы погасить пожар, но все-таки это был первый дождь, вызванный над тайгой ракетой, посланной с земли.

На острове ликовали.

А на следующий день еще большая удача. И связь наладилась, и облака стали мощнее. На этот раз решили воспользоваться дальнобойной «Алазанью». В длину она около полутора метров и весит около десяти килограммов.

Ровно в 16 часов и одну минуту унеслась

в облако мощная «Алазань». Через семь минут на остров упали первые капли дождя. Облако задело остров лишь самым краешком, но как раз там, где был пожар, на большом пространстве пошел обильный дождь. Он светился зеленоватым светом на сравнительно темном экране локатора. Его наблюдали и невооруженным глазом: темные полосы тянулись от тучи к земле. Дождь длился почти сорок минут. В 17.15 вечера снова пустили ракету в другое облако, и оно тоже пролилось дождем в районе пожара.

Эвенки и русский охотник в маленьком поселке видели летящие в небо ракеты, слышали взрывы, видели дождь. И они поверили, что люди на острове затеяли стоящее дело.

Почему же в прошлом году сравнительно маленькая разваливала облака, а теперь даже мощная «Алазань» вызывала дождь?

Владислав Дмитриевич предполагает, что в прошлом году, пользуясь плохонькой стереотрубой, они стреляли по «теплым» облакам, в вершине которых нет переохлажденной воды. Но все это надо еще проверять да проверять.

А ВСЕ-ТАКИ, МОЖЕТ БЫТЬ, САМОЛЕТ?

Попав в отдел охраны леса от пожара Ленинградского института, я понял, что мог бы написать целую книгу о сделанных там опытах, которые помогают людям бороться с огнем в лесу. Но я добавлю только одно.

Когда я заканчивал этот очерк, в Москву приехал ближайший помощник Арцыбашева Петр Артемьевич Губин. Он пригласил меня принять участие в очередном эксперименте.

— Снова с ракетами? — спросил я.

— Ракеты — это само собой. Но мы хотим проверить еще одну идею. Что, если стрелять не в вершины облака, а, наоборот, забираться под него и стрелять в его основание? Ведь обычно в центре мощно-кучевого есть очень сильный восходящий поток. Он может засосать химическое вещество и поднять его к вершине.

— А что это даст?

— Можно будет использовать самый простенький самолет. Ему не надо будет забираться на большую высоту, значит, не надо сложного кислородного оборудования.

Петр Артемьевич собирается заняться этим в июне. Возможно, сейчас, когда ты читаешь этот очерк, он уже летает на знаменитом нашем воздушном труженике «АН-2» и стреляет «под брюхо» мощно-кучевых облаков.

Будут продолжать свои опыты и ракетчики. После двух дождей, пролившихся на пожар, еще рано говорить об успехе. Теперь радиостанция у них будет мощностью не в четыре ватта, а в двести пятьдесят. Так что не придется попусту кричать:

— Сто седьмой, отзовись! Я «Арбуз»!

Действующие лица:

Тиресий, прорицатель
Амфитрион, царь
Ификл } его сыновья
Геракл }
Андромаха, дочь рыбака Акрисия
Дракон о двух головах
Азераспарис, олимпийский глашатай
Алкмена, царица, мать Ификла и Геракла
Акрисий, рыбак

Сцена 1. ПРОРОЧЕСТВО

Под треножником разведен огонь. На треножнике чаша. Седобородый прорицатель Тиресий подкладывает в костер хворост.

Тиресий. Угощайся хорошенько, ешь досыта, о дух огня! Отведай вот эту веточку кипариса, она тебе придется по вкусу. Пусть над священной чашей заклубится пар в честь бессмертных богов. Сюда кто-то идет. Кто бы это мог быть? Кому может срочно понадобиться пророчество в нашем городе? Человеку, который собирается в путь, надумал жениться или ждет ребенка... В путь никто из горожан не собирается... Все, кто хотел жениться, женились... А ребенка ждут только царица Алкмена и царь Амфитрион. Стало быть, ко мне идет царь Амфитрион! Нет, все-таки я отличный гадатель! Недаром ко мне цари за пророчествами ходят.

Тиресий расчесывает бороду, надевает на голову висящий на суку лавровый венец. Входит Амфитрион.

Амфитрион. Привет тебе, прорицатель Тиресий!

Тиресий (при появлении царя он начинает говорить с подвываниями). Здравствуй, любимец богов! Здравствуй, наш царь и... отец!

Амфитрион. Правду про тебя говорят, что ты хороший гадатель. Я действительно стал отцом... Скажи, Тиресий, что это кипит и булькает у тебя на треножнике?

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Тиресий. Множество тайных чудес доверяют гадателям боги. Даже тебе, властелин, эту тайну открыть не могу.

Амфитрион. И не надо, Тиресий, не мне соваться в ваши божественные дела. Сверши поскорее пророчество, да я побегу. Таков уж наш обычай — когда рождаются дети, отцы первым делом хотят узнать их будущее.

Тиресий. Добрый огонь, помоги пророчество мне совершить! Что ты там шепчешь, огонь, жарким своим языком? **(«Прислушивается» к огню. Амфитриону.)** Просит огонь золотой золото в дар принести.

Амфитрион (протягивает Тиресию кошелек). Тут хватит и для духа огня и для тебя, мудрый Тиресий. Только пророчествуй, пожалуйста, по-

скорее. Мне нужно домой. У меня теперь семья большая.

Тиресий (вытаскивает из кошелька одну монетку, остальное прячет за пазуху). Золото, добрый огонь, царь преподносит тебе! **(В сторону.)** А от меня получай пучок ароматной травы!

Тиресий бросает в огонь монетку и пучок травы. Над треножником взвивается дым.

Амфитрион. Может, будущее от этого дыма и становится виднее, но сейчас я ничего не вижу.

Амфитрион кашляет. Дым рассеивается.

Тиресий (снимает с сука лиру и, сопровождая декламацию бряцанием на лире, произносит пророчество).

Вот что прочитано мною в дыму.
Боги ребенку дают твоему
ДАР,
с коим счастлив вовеки он будет,
ЕСЛИ
он сам этот дар раздобудет!
ИБО
то, что зовется
божественным даром,
людям дается
трудом, а не даром!

Амфитрион. Спасибо тебе, Тиресий. Хотя пророчество твое можно толковать и так и этак, я думаю, что оно сулит моему роду скорее доброе, чем злое. Одного я не пойму, почему ты все время говорил об одном даре и об одном ребенке. У меня ведь двойняшки родились.

Тиресий (подскакивает от удивления). Как двойняшки?!

Амфитрион. Близнецы. Два мальчика. Одного я, счастливейший отец в Греции, назову Ификлом, а другого — Гераклом. Но почему ты так удивлен? Разве тебе, прорицателю и ясновидцу, неведомо, что происходит у тебя под носом, в городе?

Тиресий. Собственно говоря... Безусловно, мне все ведомо... Но боги не всегда выражаются вполне ясно... **(Овладев собой, снова переходит на декламацию.)**

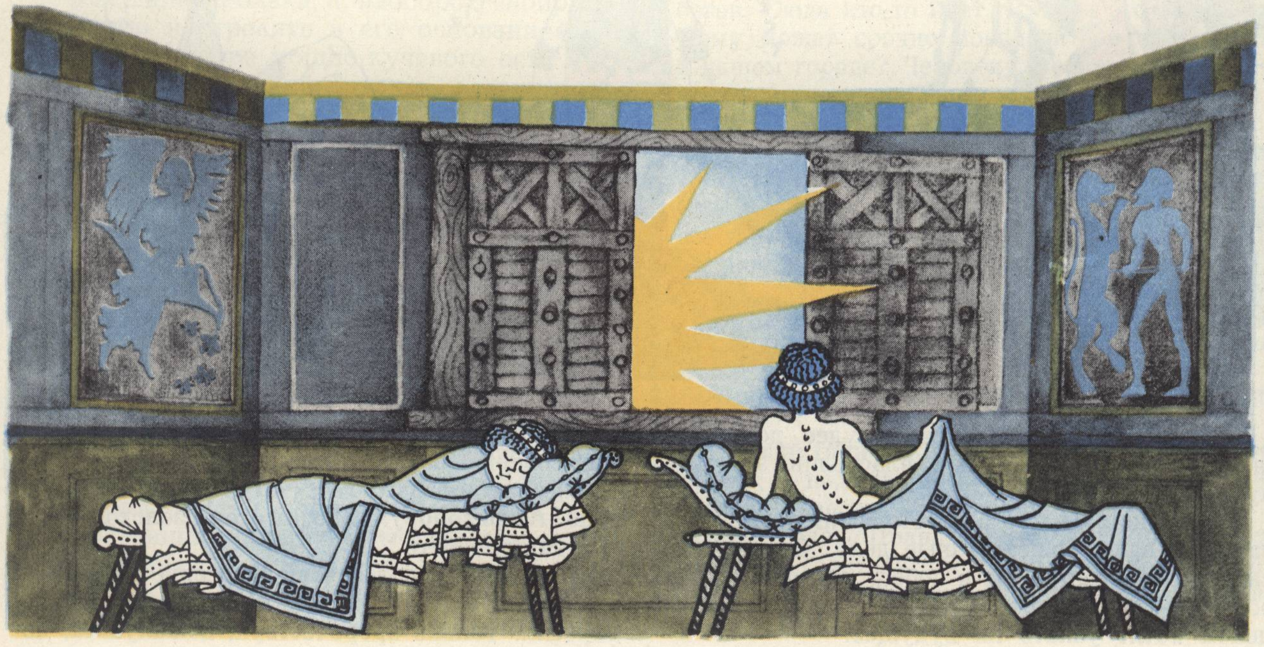
Пророчество ты получил, слушай теперь толкование.
Двое ребят для богов все равно, что ребенок один.
Вместе придется добыть им божественный дар драгоценный,
Также придется, добыв, дар на двоих поделить.

Амфитрион. Двое — один, конечно, для богов это почти одно и то же. Спасибо тебе, Тиресий. Главное, что боги не поскупились, а уж добыть-то свой дар ребята добудут. У нас в семье не любят приходить на готовенькое. Прощай, прорицатель! **(Уходит.)**

Тиресий (сдвигает венок на лоб, чешет затылок). М-да, просто можно сказать, я опростоволосился. Надо же — двойняшки! Ификл и Геракл! А я ведь выдал ему лучшее свое пророчество. Я над этим пророчеством всю весну трудился!.. «Все, что зовется божественным даром... **(снимает крышку с жертвенной чаши, берет ложку, черпает из чаши и, подув, пробует)** ...людям дается трудом... **(полами хитона, чтобы не обжечься, снимает чашу с треножника, ставит на траву)** ...а не даром!» **(Садится на траву, начинает хлебать из чаши суп.)** Недурно. Жаль только, укроп и сельдерей пришлось бросить в огонь, а не в суп, было бы еще вкуснее.

Сцена 2. УТРО

Комната Ификла и Геракла. Две кровати, на которых спят мальчики. Окно закрыто ставнями. Полумрак. Раздается стук в ставню.

Ификл (сквозь сон). Не хочу... Не буду... Не мешайте... Я в объятиях Гип... Гип... Гип... **(Храпит.)**

Геракл. Гиппопотама, что ли?

Ификл (садится на кровати). Гипноса — бога сна, вот кого! А ты, Геракл, своими приставаниями... **(зевает и ложится снова)** ...обижаешь великого Гипноса. За это он тебя нак... нак... нак... **(Храпит.)**

Стук повторяется. Геракл встает, подходит к окну, растворяет ставни. За окном — краешек солнца.

Геракл. Вот это да! Ификл, эй, Ификл! Да проснись же ты! Знаешь, кто к нам стучал? Это солнце — Гелиос! Слышишь, Ификл, к нам солнышко в окошко постучало!

Ификл. Пусть зайдет в другой раз. Я еще сплю. **(Накрывает голову подушкой.)**

Геракл (потягиваясь). Правда, рано еще... Прохладно. Пожалуй, можно еще чуточку понежиться под одеялом в объятиях... **(зевает)** Гипноса...

Голос из-за окна. Почему ты не приветствуешь меня, Геракл?

К этому времени солнце выглядывает почти наполовину.

Геракл (испуганно). Я... Я не знаю... Извините, пожалуйста...

Голос. Я бог солнца — лучезарный Гелиос. Тому, кто поклоняется мне рано утром, я дарую силу и бодрость на целый день.

Геракл. Я бы с удовольствием поклонился, но я не умею.

Голос. Слушай же, я научу тебя. Встань прямо передо мной. Не горби спину, как дряхлый старец. Разверни плечи и подними подбородок, как воин в строю. **(Геракл исполняет приказания.)** Теперь подними руки к великому Небу, породившему меня. Так. Еще выше. Встань на цыпочки, мальчик, тянись изо всех сил. А теперь, опуская руки, поклонись мне и заодно ласково коснись пальцами матушки Земли. **(Геракл выполняет.)** Ноги при этом старайся не сгибать. Хорошо. Повтори приветствие еще три раза... **(Геракл повторяет поклоны.)** Дыши ровно, глубоко. Чувствуешь ли ты, как тело твое наполняется божественной бодростью?

Геракл. Да, великий Гелиос, чувствую! Клянусь тобой, сна как не бывало!

Голос. А теперь в честь великого бога морей Посейдона ты должен изобразить пловца, колеблемого волнами. Ложись на пол. Поднимайся и опускайся, сгибая и разгибая руки. **(Геракл начинает отжиматься от пола.)** Раз-два, раз-два, раз-два... Отлично. Чувствуешь ли ты, как мышцы твои наливаются божественной силой?

Геракл. Да, я чувствую, великий Гелиос!

Голос. Превосходно. А теперь изобрази великое ликование в честь громовержца Зевса и прочих бессмертных богов.

Геракл. А как изобразить?

Голос. Ликование изображается попеременными прыжками то на левой, то на правой ноге с одновременными хлопками в ладоши над головой. Начинай же! **(Геракл начинает прыжки и хлопки.)** Раз-два, раз-два, раз-два. Великолепно. Чувствуешь ли ты божественную радость, которая переполняет все твое существо?

Геракл. Клянусь твоими лучами, чувствую! Радость чувствую, бодрость и силу чувствую!

Голос. В таком случае тебе остается совершить священное омовение тела в ручейке, сбегающем с гор, и не менее священное растирание суровым полотенцем. После этого можешь смело приступать к трудам дня. Я буду благосклонно следить за тобой с небес, мой дорогой мальчик.

Геракл (подбегает к постели Ификла, тормошит брата). Ификл, а у меня-то что есть!

Ификл (сонно). Ну, чего тебе еще?

Геракл. А у меня-то божественная бодрость, божественная сила и божественная радость — прямо в каждой косточке, ага!

Ификл (садится на постели, недоверчиво). Откуда это у тебя столько всего?

Геракл. Мне Гелиос дал. За то, что я ему поклонился как следует.

Ификл (вылезает из постели). А мне? **(Неуклюже кивает головой.)** Эй, Гелиос, погляди, я тоже кланяюсь. Дай и мне что-нибудь!

Геракл. Он уже поднялся высоко и не слышит тебя. Надо было вставать пораньше, когда он был вот тут, прямо за нашим окном. Я же тебя будил!

Ификл. Не мог разбудить вовремя, а еще брат называется!.. Ты куда?

Геракл. Мне еще священное омовение надо совершить в горном ручье. И священное растирание. А потом побегаю до завтрака по роще — поищу наш божественный дар. **(Убегает.)**

Ификл (вдогонку). Если найдешь, не забудь, что это на двоих!.. Все-таки братец у меня глуповат. Брр! Мыться в горном ручье! Когда в доме сколько угодно горячей воды.

Сцена 3. В ПОХОДЕ

Громко распевая любимую песню, идут по дороге Ификл и Геракл.

Ификл и Геракл (вместе).

То, что божественным даром
зовется,
только трудом, а не даром
дается!
То, что зовется
божественным даром,
людям дается
трудом, а не даром!

Геракл (один).

Остается дом родной
за спиной.
Целый мир перед тобой
и предо мной.
Мы земной обшарим шар,
мы отыщем чудный дар...

Ификл. Постой, Геракл, ты уже понес чепуху. Что еще за шар закатился в твою песню?

Геракл. Мне, брат, не хуже тебя известно, что Земля наша плоская, как доска, что со всех сторон ее омывают волны седого океана, а хрустальный свод небес держит на своих плечах могучий Атлас. Но мне представилось, что даже если бы Земля была круглой, как огромное яблоко...

Ификл. Ради богов, Геракл, не говори мне о яблоках, тем более таких огромных! Я умираю с голоду!

Геракл. Держись, Ификл, скоро мы дойдем до опушки леса, наберем плодов и как следует подкрепимся.

Ификл. Сколько еще идти до этой опушки!

Геракл. Гляди-ка, не успел ты пожаловаться на голод, как боги о нас позаботились.

Показывает Ификлу единственное, но очень большое спелое яблоко, висящее высоко на ветке придорожной яблони.

Ификл. Какое яблоко! Как золотистый шар! Мы, наконец, нашли божественный наш дар!

Геракл. Ну, брат, я вижу, ты для рифмы тоже рад сболтнуть лишнего. Дар — это не какое-нибудь там яблоко или груша, которую можно съесть.

Ификл (не слушая). Ах, какое сочное, какое питательное яблоко! **(Тянется к плоду, подпрыгивает, неумело пытается вскарабкаться на дерево.)** Но, Геракл, оно висит слишком высоко, проклятое яблоко! **(Со злости барабанит по стволу кулаками.)** Не видать нам его как своих ушей!

Геракл. Мудрые говорят: не можешь дотянуться — допрыгни.

Отходит назад, несколько мгновений прыгает с ноги на ногу, набирает воздуху, разбегается, прыгает, но яблоко не достает.

Геракл. Говорят еще: не получилось с первого раза, получится со второго.

Повторяет разбег, прыжок, задевает, но не срывает яблоко.

Ификл (насмешливо). Я вижу, ты занялся тренировкой. Что ж, у меня в таком случае мертвый час. **(Растягивается на траве.)**

Геракл. Не получилось с пятого раза — получится с двадцатого.

Разбег. Прыжок. Яблоко в руке у Геракла. Геракл разламывает яблоко и протягивает половину брату.

Ификл. Ага, спасибо. **(Жует.)** Пожалуй, груши все-таки вкуснее.

Братья идут дальше. Ификл заметно повеселел. Поет.

Вся Земля плоска,
как доска.
Дар поделим мы на два куска.
Мы сумеем дар найти!
Если море на пути,
мы вдвоем
переплывем... **(Останавливается.)**

Ой, Геракл, лужа! Да какая большая! Хочешь не хочешь, а придется возвращаться.

Геракл. Делай, как я. **(Отходит, разбегается, перепрыгивает через лужу.)** Мудрые говорят: препятствия старайся не обойти, а перепрыгнуть.

Ификл. А может быть, все же обойти? **(В нерешительности глядит по сторонам.)** Нет, далеко... Ну, была не была!..

Ификл разбегается, прыгает, поднимая фонтан брызг, садится в середину лужи.

Геракл. Эх, Ификл, ну почему ты не ходишь со мной по утрам прыгать через ручей?

Ификл. Как тебе не стыдно говорить о ручьях, реках, озерах, морях, океанах, когда твой родной брат сидит в луже!

Геракл. Когда я учился прыгать в длину, я поначалу тоже часто падал в ручей, но там хоть вода чистая... Привал недалеко. Осталось добраться вон до той скалы.

Ификл. До той скалы?! Смилуйтесь надо мной, боги! Но до нее не меньше пяти стадий!

Геракл. Если хочешь быстрее добраться до цели, беги. Побежали? На старт! Внимание... **(Геракл принимает стартовую позу бегуна, Ификл неумело повторяет движения брата.)** Марш!

Геракл бросается бежать. Ификл вразвалку бредет по дороге.

Сцена 4. АНДРОМАХА

Занавес раздвигается, открывая вид на скалистые утесы. Вбегает Геракл. Осматривается.

Геракл. Э-э, да Ификл уже здесь! Стоит у скалы, помалкивает. Я и не заметил, брат, как ты меня обогнал. **(Луч заката освещает стоящую у скалы опутанную цепями девочку.)** Девчонка! Ты что тут делаешь?

Андромаха. Стою.

Геракл (трогает цепи). А это зачем?

Андромаха. Не трогай.

Геракл. И долго ты собираешься тут стоять?

Андромаха. Нет, не долго.

Геракл. Ну, когда надоест, скажи. Я сейчас разведу костер и поищу чего-нибудь съедобного. Можешь поужинать с нами.

Андромаха. Уходи.

Геракл. Чего, чего?

Андромаха. Уходи. Уходи поскорее. Слышишь, мальчик, уходи!

Неторопливой походкой входит Ификл, на ходу хлопая в ладоши.

Ификл. Браво, браво, Геракл. Ты меня обо-

гнал. Победил, как говорится, в честной борьбе. Теперь самое время отдохнуть и подкрепиться.

Андромаха. Уходите! Слышите, вы оба, уходите отсюда немедленно!

Ификл (подходит к Андромахе, дергает цепи). У местных жителей странный обычай — приковывать себя цепями к скалам.

Геракл. Постой, Ификл, мне кажется, никто не станет ради забавы приковывать себя к скале. Слушай, девочка...

Андромаха. Да уйдете ли вы, наконец?!

Ификл (миролюбиво). Мы только отдохнем здесь немного и поужинаем.

Андромаха. Говорю вам: если вы не уйдете сейчас же, то и вправду скоро попадете на ужин. Только не вы будете есть. Будут есть вас. Дракон съест обоих за милую душу...

Ификл. Дра... дра... кто?!

Геракл. Где дракон?!

Андромаха. Он появился на склонах нашего лесистого Киферона в прошлую пятницу и сразу же сожрал дровосека Кипариса. Каждый день он подстерегал и съедал еще одного местного жителя. Вчера он приказал нам собраться на площади и...

Ификл (закрывая лицо руками). Если он сожрал всех остальных, замолчи! Ты не должна рассказывать мне на ночь такие страшные истории!

Геракл. Стыдись, брат. Продолжай, девочка.

Андромаха. Остальное не так страшно. Он осмотрел нас всех и сказал, что обитатели Киферона ему приелись и он собирается переползти в другое место, но уползет не раньше, чем получит жертву.

Ификл. Что же он потребовал? Кувшин молока? Или мешок проса?

Андромаха. Девочку не старше тринадцати лет, чтобы подкрепиться перед дорогой. И вот я здесь.

Ификл. Но почему же ты не убежала, не спряталась?

Геракл. Почему твои родители и друзья не защитили тебя?

Андромаха. Я сама.

Геракл. Что сама?

Андромаха. Сама вызвалась... Нет, вы не думайте, что мне нравится быть съеденной. Просто надо ведь кому-то быть здесь, чтобы спасти деревню, а я для этого как раз подхожу. Аэлла прекрасно поет и танцует. У Меропы целая куча младших братьев и сестер. Гелла такая трусиха, она просто умерла бы от страха. Электра... Электра — красивая. Потом у них у всех отцы, матери, бабушки и так далее. А я не пою, не пляшу, курносая, вся в веснушках. У меня ни сестер, ни братьев. Мама умерла. А отец мой, рыбак Акрисий, ушел на целый месяц к морю, на рыбную ловлю. И еще — я не боюсь. Слышите, не боюсь! Я даже жалею, что попросила приковать меня к скале. Я и так бы не убежала! Слышите?

Отдаленный грохот.

Геракл. Сама вызвалась! Но как же так?..

Андромаха. Он идет. Спасайтесь, пока не поздно!

Геракл. Спасаться?! У нас в Фивах мальчишки не трусливее девчонок!

Ификл (торопливо). Да, да. О спасении не может быть и речи. Ты что думаешь, ты одна такая! Я тоже могу... Хоть сейчас. Я вызываюсь один на один предупредить жителей деревни о приближении дракона! **(Бросается бежать.)**

Геракл (кричит вдогонку). Ификл, куда же ты? Не оставляй меня одного! Он же двуглавый!

Грохот нарастает. Геракл становится рядом с Андромахой.

Геракл. Как тебя зовут?

Андромаха. Андромаха.

Геракл. А мое имя — Геракл.

Грохоча, изрыгая пламя, переливаясь чешуей и производя ужасное впечатление, вползает дракон.

Дракон. 1-я голова. Отлично выспался. Теперь мне будет нужен...

2-я голова. ...Перед дорогой легкий, вкусный ужин.

1-я голова. Хочу сегодня на закате солнца...

2-я голова. ...Последнего докушать киферонца.

1-я голова. Полакомлюсь девчонкой напоследок.

2-я голова (вытягиваясь к Гераклу). А это что еще тут за объедок?

Геракл (делает шаг вперед). Если пристально вглядеться, то самое страшное существо перестает быть страшным. **(Смотрит на дракона, в ужасе отшатывается, закрывая лицо руками.)** Нет, не могу...

Дракон. 1-я голова. Гостеприимен слишком местный люд...

2-я голова. ...Ведь не заказывал на ужин двух я блюд.

1-я голова (разглядывая Геракла). К тому же вижу, что второе блюдо...

2-я голова. Довольно бледно, жилисто и худо.

Геракл. Если пристально вглядеться... **(смотрит прямо на дракона, чеканит слова)** ...если пристально вглядеться, то...

Андромаха. То ничего страшного, Геракл! Посмотри, посмотри пристальней — это же просто две толстые гадюки, два ужа с безвредными жалами! Посмотри, это просто два разжиревших червяка! До чего же они смешные и гадкие! Правда, Геракл?

Геракл. То, что смешно, не может быть страшно.

Геракл делает шаг навстречу дракону.

Дракон. 1-я голова. Мой уж-ж-жин издает подобье писка. Я надвигаюсь!

2-я голова. Я уж-ж-жасно близко!
1-я голова. Я раз-з-зеваю огненную пасть!
2-я голова. Детиш-ш-шками полакомлюсь я всласть!

Геракл (старательно смеется). Слышишь, Андромаха, гадкие жирные червяки шипят. Ха. Ха. Ха.

Андромаха. Да, это очень смешно, Геракл.

Геракл (хватает дракона двумя руками за два горла). О, какие твердые глотки!

Андромаха. Пустяки, Геракл! Ведь у тебя стальные руки! Правда?

Геракл. Да, у меня стальные руки. Каждое утро я сжимал камешек десять раз правой рукой и двадцать раз левой.

Дракон. 1-я голова. Отпустиш-ш-шь...
2-я голова. Не удержиш-ш-шь...
1-я голова. Разожмеш-ш-шь...

Геракл. Не разожму. Ни за что не разожму.

Дракон с шипением издыхает.

Геракл (отпуская безжизненного дракона, поспешно отходит). Я... Мне... Мне страшно, Андромаха! Я боюсь его!

Андромаха. Мне тоже было страшно, Геракл. Особенно когда я была одна. А потом пришел ты, и ты победил его.

Геракл. Потому что ты смеялась над ним, как будто он совсем не страшный... Дай-ка я попробую освободить тебя... **(Берет камень, сбивает цепь, приковывающую Андромаху к скале.)** Ну вот, ты свободна.

Андромаха. Спасибо.

Геракл. Ничего, пустяки.

Андромаха. Давай очистим тебе поляну для ночлега. (**Геракл и Андромаха сталкивают тело дракона в пропасть.**) Мне пора. До свидания. **(Уходит, останавливается.)** Я тебя никогда не забуду, Геракл!

Сцена 5. НАЧАЛО ОЛИМПИАДЫ

У входа на стадион стоит олимпийский глашатай Азераспарис.
Рядом с ним сидят на скамье Амфитрион, Алкмена и Ификл.

Глашатай (обращаясь к зрителям, скороговоркой). Итак, дорогие друзья, сейчас мы с вами находимся перед главным входом в Олимпийский стадион. Любителям спорта, конечно, не нужно напоминать, что программа Олимпиады включает в себя, помимо состязаний в беге, борьбу, кулачный бой, бросание диска, бросание копья и... э-э... одну минуточку... **(вытаскивает из складок хитона программку)...** бег колесниц. Женщины, как всем известно, в Древней Греции к участию в Олимпийских играх не допускаются... Под страхом смертной казни. Безусловно, особый интерес проявляет публика к нашим ребятам — посланцам Сиракуз. (**Обращается к сидящим на скамье Амфитриону, Алкмене и Ификлу.**) Вот сейчас как раз мимо меня проходят гости из Фив — царь Амфитрион, царица Алкмена и царевич... э-э... Фитиль.

Ификл. Ификл!

Глашатай. Простите, и еще Фикл.

Ификл. Нет, не «и» — «Фикл», а Ификл. Понимаете, Ификл. По буквам — И-Иолай, Ф-Феодор, И-Идей, К-Кекроп, Л-Лихас.

Глашатай. Еще раз прошу прощения. Оказывается, фиванская делегация многочисленнее, чем я думал. Кроме царя и царицы, в нее входят царевичи: Фитиль, Иолай, Укроп и... э-э... многие другие. **(Фиванцам.)** Уважаемые гости из Фив, я олимпийский глашатай из Сиракуз, мое имя Азераспарис. Я прошу вас, царь Амфитрион, ответить на мой вопрос: какой команде на

этой Олимпиаде достанется больше всего наград?

Амфитрион. Я думаю...

Глашатай (перебивает). Благодарю вас, я тоже думаю, что главные трофеи увезут ребята из Сиракуз. Теперь вопрос вам, царица Алкмена. Какая команда, по вашему мнению, отличается исключительной товарищеской взаимовыручкой и самоотверженностью?

Алкмена. Мое мнение...

Глашатай. Как приятно, что наши мнения совпадают! Да, скромные парни из Сиракуз дружат друг с другом и по-дружески относятся к своим друзьям-противникам! Теперь вопрос к вам, царевич Фитиль.

Ификл (взрываясь). Ификл! Иолай, Феодор, Идей, Кекроп, Лихас!

Глашатай. Вы хотите созвать всех ваших братьев?

Ификл. Нет у меня никаких братьев!

Амфитрион. Я постараюсь вам объяснить. Вот это **(указывает на Ификла)** наш сын. Его зовут Ификл. Сегодня он выступит в состязаниях. У нас есть еще один сын — Геракл, но уже три года он скитается вдали от родины.

Алкмена. Три года... Узнаем ли мы его при встрече?

Звучит труба.

Амфитрион. Держись, Ификл. Будь настоящим бойцом, сынок. Не подведи Фивы!

Амфитрион, Алкмена и Глашатай уходят. Ификл трижды хлопает в ладоши. Выходит Андромаха в мужском плаще.

Андромаха. Приветствую тебя, царевич...

Ификл. Тсс. И я тебя приветствую, но не обязательно орать во всю глотку. Пришла все-таки... То есть пришел...

Андромаха. Я не могла не прийти, Ификл. Рыба ушла от наших берегов. Отец не смог ничего заработать, и его за долги продадут в рабство.

Ификл. Ладно, не рассказывай. Мне нельзя волноваться перед состязаниями. Если в соревнованиях колесниц ты завоюешь для меня приз, получишь немного золота.

Андромаха. Я пойду к Ауре. Надо расчесать ей гриву и хвост.

Ификл. Валяй, чеши и хвост и гриву. Постой... А со своей гривой что ты думаешь делать? Хоть ты и надела мужской плащ, но волосы выдают тебя. Ты знаешь, чем это пахнет? Мне тоже не поздоровится, если тебя разоблачат. В случае чего я вынужден буду сказать, что ты украла у меня лошадь с колесницей.

Андромаха. Я подвяжу волосы на манер фракийских всадников.

Сцена 6. ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРАКЛА

Ложа, в которой сидят Амфитрион и Алкмена, рядом стоит олимпийский глашатай Азераспарис. На помосте перед ложей борются Ификл и Геракл.

Глашатай. Финальный поединок борцов. Тысячи зрителей с напряжением следят за этой встречей. Кто же будет автором победы — представитель Фив царевич Ификл или э-э... **(заглядывает в программку)**... или... имя второго борца почему-то в программку не внесено...

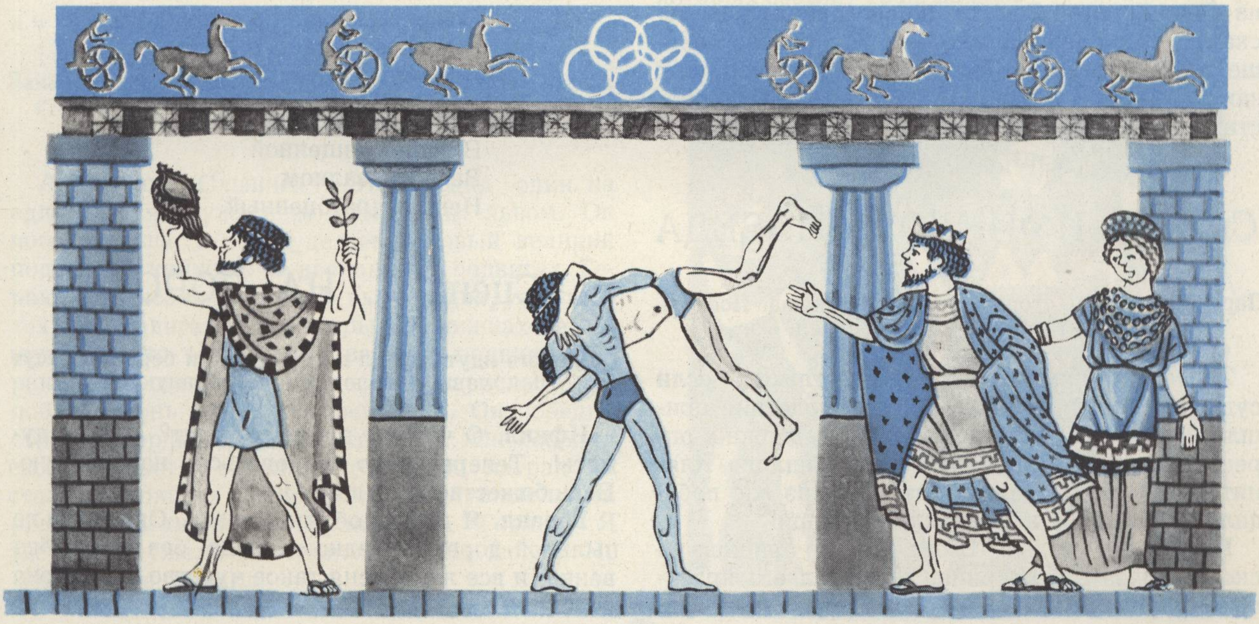
Амфитрион. Смелее, Ификл, смелее! Нападай! Выверни ему руку. Выдерни ему ногу!

Алкмена. Перестань, Амфитрион, чему ты учишь ребенка.

Амфитрион (не слушая). Загни ему салазки! Прижми его к земле!

Глашатай. Вы слышите, друзья, это царь Амфитрион по-отечески подбадривает Ификла.

Алкмена. Меня охватило странное чувство. Я желаю победы нашему сыну Ификлу. Но в то

же время мне не хочется, чтобы он причинил вред чужестранцу.

Глашатай. Вы слышите, друзья, царицу Алкмену охватило странное чувство. Подобное чувство охватило наших ребят из Сиракуз, когда...

Геракл одолевает Ификла.

Глашатай. Судьи присуждают победу чужестранцу!

Крики толпы: «Слава победителю! Слава!»

Алкмена. Слава победителю!

Ификл. Как вам не стыдно, мама, ваш сын проиграл, а вы хлопаете.

Амфитрион (Гераклу). Друг мой, я хочу здесь, на Олимпиаде, получить от каждого чемпиона что-нибудь на память — кольцо, лавровую ветвь, пряжку от сандалии.

Геракл (кланяясь). Вот, возьми это, царь!

Снимает с шеи амулет и протягивает его Амфитриону. Царь разглядывает вещицу.

Алкмена. Юноша, сердце мое радуется, когда я гляжу на тебя.

Ификл. Как вам не стыдно, мама, ваш сын проиграл, а у вас чего-то там радуется.

Амфитрион. Наш сын выиграл!

Глашатай. В рассуждения царя Амфитриона вкралась досадная ошибка. В то время как его сын Ификл проиграл...

Амфитрион. В то же время мой сын Геракл выиграл! **(Обнимает Геракла.)** Этот амулет я сам повесил ему на шею, когда ему исполнилось двенадцать.

Алкмена. Мальчик, ты вернулся! Как ты вырос!

Амфитрион. Как ты возмужал!

Ификл (Глашатаю). Это мой брат, Геракл. Мы с ним с детства так — то он побеждает, то я.

Глашатай. Наконец-то нам удалось выяснить имя чемпиона Олимпиады по борьбе — это тоже сын столь многодетного царя Амфитриона из Фив. Дорогой Геракл, не согласишься ли ты сказать несколько слов о том, что сейчас больше всего интересует зрителей? Например, как наши парни из Сиракуз... **(Звучит труба.)** Простите, начинаются соревнования колесниц.

Сцена 7. ИФИКЛОВА ПОБЕДА

Перед Тиресием стоят Геракл и юноша. Поодаль Амфитрион, Алкмена, Ификл.

Тиресий. Олимпийский закон гласит: если судьи не могут решить, какая из колесниц пришла к финишу первой, то возницы должны определить это сами — честно и справедливо. Клянитесь говорить правду! Итак, кто из вас победил? **(Указывает на Геракла.)** Говори!

Геракл. О судья! Возле самого финиша я скосил глаза на соперника и увидел его красивые кудри прямо перед собой. Перед, а не рядом. И тем более не позади. Первой, стало быть, пришла его колесница.

Юноша. Какие там кудри!

Геракл. Какие? Вот эти, которые ты так старательно прячешь под головной повязкой!

Геракл срывает повязку с головы Андромахи, пышные волосы рассыпаются по ее плечам. Все изумлены. Гул толпы.

Геракл. Андромаха! Как ты выросла!

Тиресий. Негодная, ты преступила закон! Она закон преступила!

Андромаха. Господин Ификл...

Ификл (не слушая). Ах, бедная, как же это она? Кстати, вы заметили, я тут ни при чем?

Тиресий. Мы должны судить тебя, девушка, и... **(со вздохом)** осудить. **(Еще печальней.)** И казнить. Так уж положено.

Геракл (Тиресию). Послушайте, она победила... Победителей не судят.

Амфитрион. Да, прорицатель, так люди говорят: победителей не судят.

Все хором. Она! Она победитель.

Геракл. Андромаха — значит «борющаяся с мужчинами». Я бы назвал тебя «побеждающая мужчин», клянусь Афродитой! Ты стала совсем взрослая. Веснушки пропали...

Тиресий. Я, главный судья скачек, присуждаю победу тому... кто во время скачек смотрел вперед, а не по сторонам. А теперь, дерзкая девчонка, убирайся отсюда, да поживее! Эти цветы будут вплетены...

Ификл (подбегает). Я здесь. Спасибо. Очень рад.

Тиресий (недовольно). Эти цветы будут вплетены в хвост и гриву коню. Ну, а приз по древнему закону получает владелец колесницы.

Тебе, о быстрейший Геракл,
Я чашу вручаю златую.
Тебе я вручаю, Ификл,
Чашу из серебра.

Вот и нашли вы
Божественный дар!
Плещется в чашах
Душистый нектар!

Утром, о братья,
В роще священной
Выпейте залпом
Нектар драгоценный.

Сцена 8. НА ДОРОГЕ

По дороге идут Ификл и Геракл. Они бережно несут чаши — золотую и серебряную.

Ификл. О чем ты думаешь, брат? Хватит думать! Теперь надо радоваться напропалую. Ведь божественный дар у нас!

Геракл. Я думаю об Андромахе. Она ушла по пыльной дороге в бедном плаще, без чаши, без венка, и все же у меня такое чувство, будто она победила нас всех.

Ификл. Хлебнем в священной роще по полной чаше нектару, и чувства как рукой снимет. Пошли! **(Спотыкается о лежащего на земле человека.)** Чтоб тебе провалиться в царство мрачного Аида! Разлегся на дороге! Я чуть не опрокинул на тебя свою чашу с нектаром.

Акрисий. Нектар?! Боги послали мне тебя. Я умираю от страшных ран. Не меньше кувшина нектара нужно, чтобы я ожил.

Ификл. Дыши глубже, приятель! Старайся не думать о неприятном.

Ификл поспешно уходит, унося свою чашу.

Геракл (поит умирающего). Глотни-ка, приятель, этого питья. Так, еще глоток. **(Раненый садится.)** Скажи, кто ты и что с тобой произошло? Да не озирайся так испуганно. На этот раз тебе удалось остаться среди живых.

Акрисий. Надолго ли? Боюсь, что очень скоро мы отправимся в царство Аида вдвоем.

Геракл. Опять тут у вас завелись драконы?

Акрисий. Ежели бы драконы... Вышел я на дорогу, чтобы встретить свою дочь Андромаху. Иду себе, посохом помахиваю. А возле города Немеи он на меня и наскочил.

Геракл. Кто он?

Акрисий. Лев Немейский! Ростом с эту скалу! Зубы с эту гору! Или наоборот. Там разбираться некогда.

Геракл. А Андромаха?

Акрисий. Она с другой стороны, значит, к Немее подходила.

Геракл. Он и ее?..

Акрисий. Да ты слушай. Я вижу, такое дело, бросился бежать, отвлек его. А потом... Потом он меня и догнал. Слышишь, рычит? Тут еще бродит, рядом. Андромаху вынюхивает.

Геракл. Прощай, дружище! **(Вырывает из земли дуб, обламывает ветви, размахивает стволом.)**

Акрисий. Один, с палицей, против Немейского льва?!

Геракл. Надо же кому-то сразиться со львом, а я как раз для этого подхожу.

Занавес. На занавесе — большое красное солнце с лучами. Шум борьбы, грозный рык. Вбегает Андромаха.

Андромаха. Слышите? Это Геракл один на один бьется с ужасным Немейским львом. Он победит льва, и это будет его первый великий подвиг. В книжках о двенадцати подвигах Геракла написано много. А вы сегодня узнали о тех его подвигах, про которые в книжках не пишут. Но это тоже очень важные подвиги. Геракл совершил их, еще не став взрослым. Он победил лень и закалил свое тело. Он победил страх, и сердце его стало храбрым. Он победил свою гордость, отдал драгоценную награду и стал настоящим человеком! **(Оглушительный рев. Затем тишина.)** Геракл! Эй, Геракл! Я здесь!.. Неужели все-таки лев... Не верю. Не может быть. Геракл!

Входит Геракл. На плечах у него львиная шкура.

Геракл. Прости, Андромаха. Когда после битвы со львом я спускался в долину, мне встретился пастух. Он сказал, что в окрестностях Лерны появилась ужасная гидра. Мне надо спешить!

Взвалив палицу на плечо, Геракл уходит.

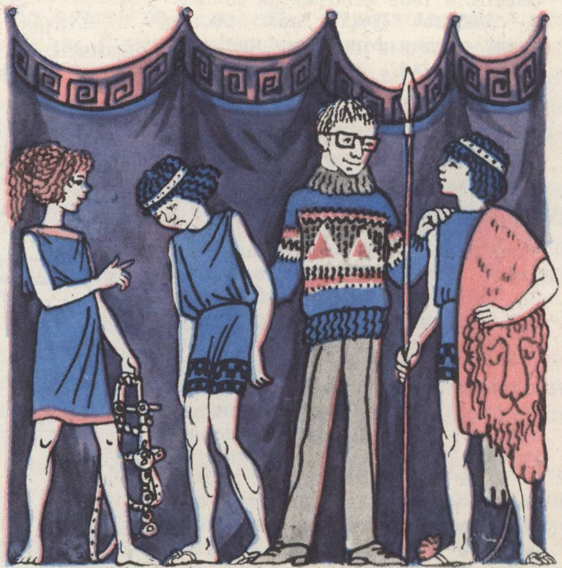
Андромаха. Теперь он все время будет спешить — в мире так много чудовищ!

КОНЕЦ.

Бежит, торопится занавес. И действующие лица взялись за руки, они прощаются, прощаются с нами. Но кто это среди них, рядом с Гераклом и Андромахой, такой молодой, веселый и будто выпрыгнувший на сцену прямо из сегодняшнего зала? Автор! Ему жаль расставаться с любимыми героями, и, как всякого автора, его гложет сожаление, что он не все успел сказать. Вот мы и решили: пусть АВТОР тоже скажет свое слово.

АВТОР. Я читал и перечитывал мифы о Геракле и стал думать: почему у Геракла есть брат-близнец Ификл? В мифах ничего не бывает просто так, случайно. Мифы потому и живут вечно. В занимательных сказках древние люди зашифровали важные сведения о природе человеческих характеров, знание о нас самих. Странные, если вдуматься, близнецы: Геракл — отважный и простодушный, силач из силачей, благородный из благороднейших, и Ификл — безвольный, ленивый, эгоистичный. Одно лицо — разные характеры.

Так, может быть, смысл этой части бессмертного мифа в том, что в каждом из нас заключены благородный смельчак Геракл и трусоватый Ификл. Тогда спор братьев становится исключительно важным для каждого из нас. Когда я писал пьесу, я думал не о схватках с чудовищами, не о древних Олимпиадах — о тех ежедневных победах и поражениях, о битвах, из которых состоит наша жизнь.

Академия Домашних Ворчунов

— Вот и каникулы. Не жалко расставаться с классом?— спросила Калинка.

— Жалко,— вздохнул Алеша.— Особенно с Бобом Сухаревым. Он на Урал уезжает. Зато в лагерь мы вместе с Лёкой едем! Будем в одном отряде.

— Мы с Алешей решили,— сказала Лёка,— во-первых в лагере тоже будем бегать, во-вторых, поставим там спектакль, в-третьих, обязательно будем дежурить на кухне. Еще в теннис будем играть и ребят научим. Только никак не решим, что с собой взять.

— Берите то, что необходимо для выполнения всех «во-первых», «во-вторых». Ракетки и мячи для тенниса, фартуки и Алешин поварской колпак, пьесу, которую будете ставить, кеды для бега.

— Пиши.— Лёка протянула Алеше свою записную книжку.— Ничего не пропусти.

— Еще я взяла бы, — продолжала Калинка,— самую любимую книжку. Алеша должен не забыть альбом для рисования и краски. Возьмите и карнавальные костюмы. Одежки много не берите. Шорты, майки, трикотажные кофточки, джинсы, куртки, тапочки, плавки, купальники. Еще полотенце, зубную щетку, мыло, расческу, носовые платки. Все!

— Я еще сошью кепочки из репса,— сказала Лёка.— Помнишь, по той старой выкройке из «Пионера» № 10 за 1970 год. И еще мне хочется новое платье.

— Голубое или желтое, из льна с лавсаном?

Алеша вдруг насупился и отложил в сторону записную книжку.

— Не стану больше писать. Все только «шапочки, юбочки, платьица». Мы с Бобом две тысячи лет мечтаем о необыкновенной рубашке, а ты, Калинка, про нас и не вспомнишь.

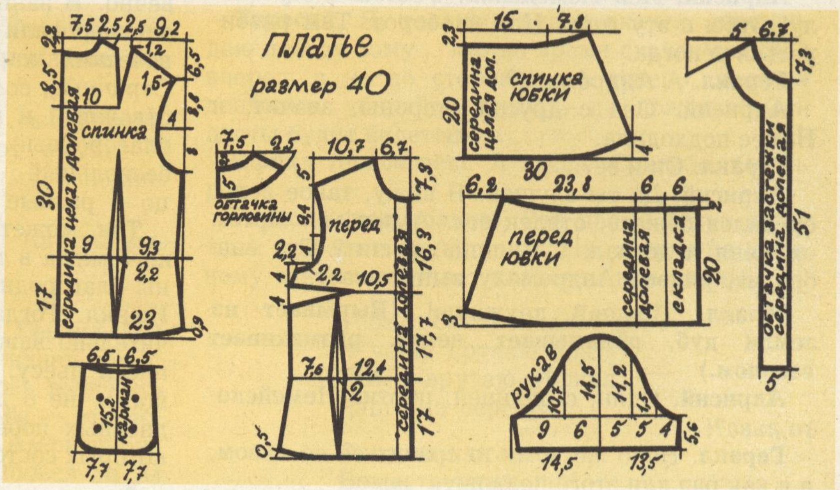
— Ты что это распыхтелся, как самовар? — напустилась на Алешу Лёка.— Не будешь записывать, я тебе кепочку не сошью.

— Ребята! Пусть вам обоим будет стыдно. Мир и тишина! Вот тебе платье, а вот рубашки. Нравится?

— Ой, конечно! Очень!

— На платье при ширине ткани 90 сантиметров надо два с четвертью метра. Рубашки можно сделать по одному чертежу. Лучше всего рубашки шить из ситца или сатина. При ширине ткани 90 сантиметров понадобится два метра. Все детали и платья и рубашек кроить по долевой нитке, да не забудьте прибавить на швы по 1—2 сантиметра. Любую хлопчатобумажную ткань перед кроем прополощите в теплой воде и выгладьте. Модельеры говорят: «ткань даст усадку» сантиметра 3—4 на метр. Шнуровка может быть редкая, как на рисунке, тогда придется вшить «молнию». Все понятно? Признавайтесь, ворчуны, о чем еще мечтали?

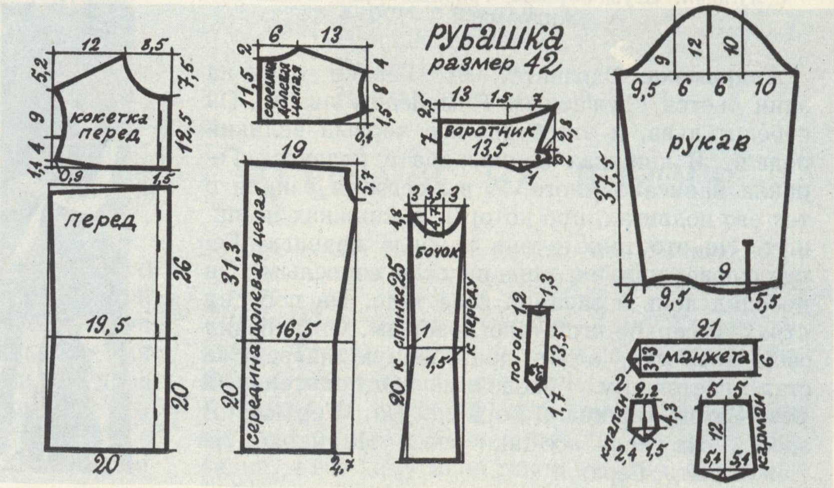

— Мне очень, очень нужны джинсы,— сказал Алеша.

— А мне купальник.

— Так и быть, в следующий раз будем шить джинсы и купальник.

КАК ГОСТИ СТАЛИ ХОЗЯЕВАМИ

Почтовые марки стран—участников «почтовой войны». Слева направо: Турецкая марка выпуска 1877 г. для оплаты международных писем, Русская марка 1910 г., Германская марка 1889 г., Английская марка 1887 г., Итальянская марка 1908 г., Французская марка 1885 г., Австрийская марка 1888 г.

Вы обратили внимание на то, что на всех почтовых ящиках нарисован герб Советского Союза? Это потому, что почта в нашей и в других странах в руках государства.

Письма могут пересекать границы любой страны только, если они оплачены маркой страны, откуда отправлено письмо.

Однако в истории почты было время, когда на территории одной страны действовала почта других государств. Этой страной была бывшая Османская империя — так несколько столетий назад называлась Турция.

История эта началась в 1535 году. Султану Османской империи Сулейману Великолепному доложил великий визирь:

— Ваша светлость, получено послание короля Франции Франциска Первого...

— Что хотят эти неверные? — перебил визиря Сулейман.

— Они хотят прислать в Константинополь и другие портовые города своих послов и консулов. И еще,— добавил визирь,— они хотят переписываться с родиной через собственных гонцов и просят оформить это договором.

Так сначала Франция, а затем Англия, Австрия, Германия, Италия и Россия получили право на собственную почту в Турции.

По почтовому тракту Вена—Белград—София помчались почтовые кареты в Константинополь. По дороге письма проходили холерный карантин: их окуривали дымом горящей серы. В Турции карету охраняли солдаты-янычары.

Шли годы. Европейские страны открыли почтовые конторы не только в Стамбуле, столице Турции, где находятся консульства, но и в Александрии, Бейруте, Яффе, Смирне, Синопе и других городах на побережье Средиземного моря, находящихся под турецким владычеством. Писем и других отправлений становится больше. Вопреки интересам Турции выпускаются специальные почтовые марки в турецкой валюте — парах и пиастрах.

У Турции, правда, есть и своя почта, но она работает плохо; чиновники воруют марки, срывая их с конвертов, письма пропадают и идут дольше, поэтому и сами турки пользуются европейской почтой.

Потеря почтовых доходов и ущемление национальных интересов начинают беспокоить турецкое правительство. И в 1874 году на Всемирной почтовой конференции Турция вручает представителям европейских держав ноту с требованием немедленно прекратить работу иностранной почты. Назревает почтовая война.

Но вырвать добычу не так просто. Международный суд признал иск Турции незаконным.

В отчаянных попытках выгнать гостей Турция запрещает перевозку почты по внутренним железным дорогам, затем вдвое снижает почтовый тариф на письма, отправленные по турецкой почте, но это не помогает.

Не сумев преодолеть сопротивление всех держав, Турция решает бить их поодиночке. Летом 1908 года турецкие солдаты окружают почтовые конторы Италии. «Почтовая война» перерастает в военный конфликт, в турецкие воды входит итальянская военная эскадра.

И только к началу империалистической войны 1914 года европейские державы, чтобы склонить Турцию на свою сторону, прекращают деятельность своей почты на ее территории.

После Великой Октябрьской революции Советская Россия расторгла все кабальные договора, заключенные при царе. Не решились на введение своей почты в Турции и другие державы.

Сейчас от длившейся почти пятьдесят лет «почтовой войны» остались как воспоминание только почтовые марки. Может быть, они есть и у вас?

А. МИХАЛКОВ

— Тише! Тише! Перестаньте трещать! — Белобока строго постучала клювом по графину.— Так мы никогда не начнем!

Только что пришла ОЧЕНЬ СРОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА: «ПРИГЛАШАЕМ КЛУБ СОРОК СОРОК В НОВЫЙ ЦИРК В РЯЗАНЬ ТЧК КОЛЯ И ПРОША ТЧК»

— А кто такие Коля и Проша? Я их совсем не зна-а-а-ю! — по привычке захныкала Несмеяна.

— А я знаю, знаю! — затараторила Всезнайка.— Коля и Проша — цирковые артисты. Их воспитала дрессировщица Наталья Юрьевна Дурова. Коля — ворона, а Проша — грач, можно сказать, наши родственники. Вот!

— Ура!!! — закричали сороки.— Летим в Рязань!

— А как же без подарков? — всхлипнула Несмеяна.

— Не расстраивайся. По дороге что-нибудь придумаем,— пообещала Соберика-Разберика, и сороки вылетели в окно.

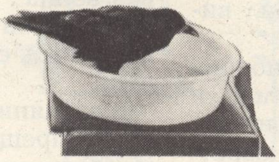
...В Рязанском цирке готовились к приему гостей. Коля-математик очень хорошо умеет складывать и умножать. Он все щелкал и щелкал на счетах — прикидывал, сколько нужно приготовить угощения для гостей.

— Ты, Проша, сегодня главный распорядитель,— сказала Наталья Юрьевна.— Смотри, чтобы гостям у нас понравилось. Не забудь только привести себя в порядок!

— Понял, понял! — весело откликнулся Проша и полетел умываться. Хорошенько почистив перышки, он уселся на фонарь и стал поджидать гостей.

— Ура! Ура! Летят! — закричал он.

Коля от волнения тут же сбился со счета и вместо сорока насчитал тысячу сорок сорок.

Так Проша умывается.

— Можно начинать! — скомандовал Коля.

Прозвенел первый звонок, и сорок сорок важно уселись на широком бархатном барьере вокруг арены. Коля и Проша устроились рядом. Дирижер взмахнул палочкой. Оркестр заиграл веселый марш.

На минуту цирк погрузился в темноту, а потом ярким пятном засветилась арена. Шпрехшталмейстер (так в цирке называется ведущий) торжественно объявил:

— Наталья Дурова со своими питомцами!

На арену в большой железной клетке на колесах вывезли трех щурящихся от яркого света морских львов.

Первым из клетки выскользнул Лель и оглушительно заревел. Сороки все, как одна, вздрогнули.

— Не бойтесь,— успокоил их Проша,— это Лель говорит: «Добрый вечер!»

Лель взобрался на тумбу и грациозно сделал ласточку.

Маня дула в трубу изо всех сил.

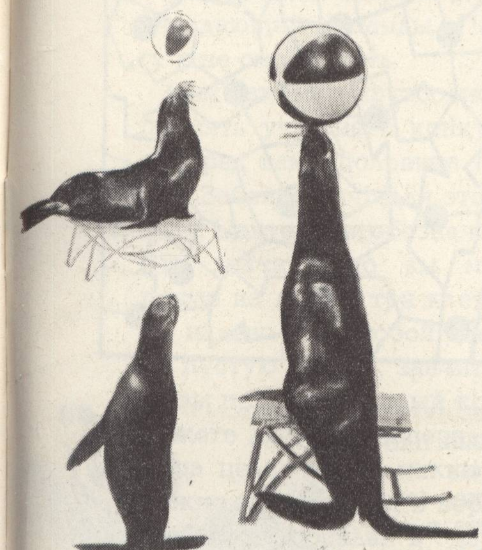

— Он вас приветствует,— сказал Коля.— Обычно Лель делает ласточку только в конце представления.

Тут морские львицы Маня и Дуня, отталкивая друг друга, засеменили к большой медной трубе. Маня подбежала к трубе первой и начала дуть в нее изо всех своих львиных сил, а добродушная

Дуня пустилась в пляс. Тут и Лель заиграл на барабане, лихо отбивая такт ластами. Сороки хлопали крыльями от удовольствия, за ними и зрители стали хлопать, они, наверно, подумали, что сороки тоже принимают участие в представлении. Необычный оркестр зрителям очень понравился, и они от души хохотали.

Общее веселье оборвал медведь, который в это время появился на арене.

Проша объяснил:

— Мишка сегодня очень расстроен. Видите, он даже не улыбнулся ни разу. Он пробовал сделать ласточку, как Лель, да у бедняги ничего не получилось.

— Передай ему, пусть не огорчается,— затрещала Белобока.— Это даже нам не всегда удается, хотя, конечно, мы более ловкие и гораздо изящнее ласточек...

— А-Н-Т-Р-А-К-Т! — объявил шпрехшталмейстер.

— Летим за кулисы! — пригласил Коля.— В большой вольере уже давно накрыт стол.

— Ы У Ы! — любезно проревел Лель.

Проша перевел:

— Прошу к столу!

— Ой, как много угощения! Нам столько за год не съесть! — затараторили сороки.

— Правда, Коля немного просчитался и накрыл стол на тысячу сорок сорок. Но вы берите пример с нашего Леля. Каждый день мы подаем ему шестнадцать килограммов рыбы,— похвастался Проша.

— Мы в разных весовых категориях,— с достоинством улыбнулась Белобока и перевела разговор на другое: — Очень, очень рады были познакомиться. Мы многому у вас научились: и считать на счетах (и она многозначительно посмотрела на Соберику-Разберику, которая вела все финансовые дела клуба, но до сих пор считала на палочках), и каждый день умываться (Белобока повела клювом в сторону засмущавшейся Несмеяны), и понимать своего президента, то есть дрессировщицу, с первого слова (бабушка-президент повела крылом в сторону Непонимайки), и мы обязательно расскажем всем о нашей встрече.

Белобока вручила новым друзьям памятные значки клуба «Сорок сорок» и скомандовала:

— На старт!

Все сорок сорок взлетели на купол цирка.

— У Ы У! — грустно проревела Дуня, а Маня незаметно смахнула ластой непрошеную слезу.

Представление зрителям понравилось.

Несмеяна тоже собралась было заплакать, но бабушка Белобока взмахнула крыльями.

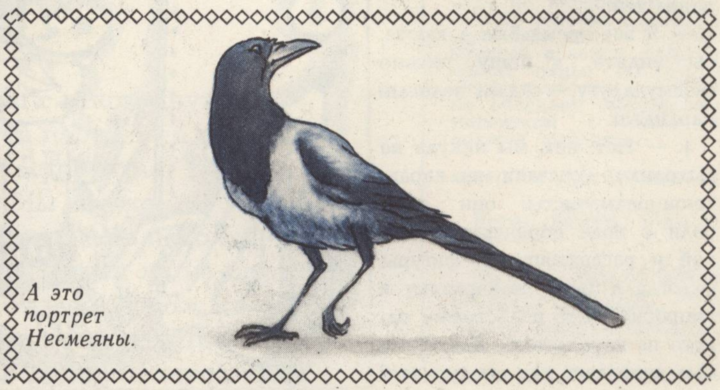
— Марш! — И сороки взвились в воздух.

Репортаж из Рязанского цирка вел Николай ХАЛАТОВ, сфотографировал дружескую встречу Владимир ПОСТНИКОВ.

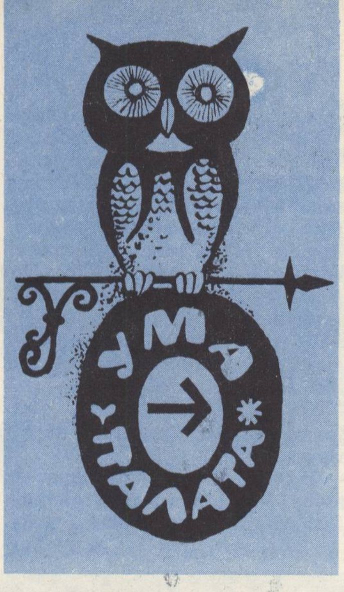

Мишка сегодня чем-то расстроен.

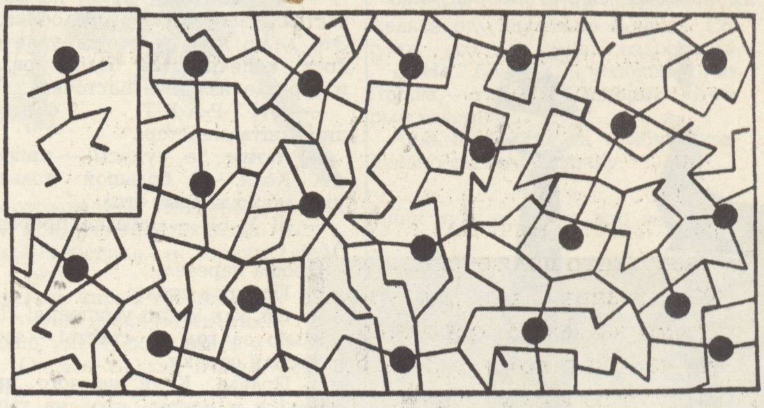
А это портрет Несмеяны.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Вася Черточкин в бассейне

Вася Черточкин — отличный пловец. Вы видите его в рамке, он плывет по свободной дорожке (вид сверху). Найдите Черточкина в общем бассейне. Руки и ноги у него в том же положении, что и на отдельном рисунке.

Записки капитана Перо-86

Во время бури

1. Это произошло в дни Третьего перемирия. Резинки и карандаши пригласили меня на морскую прогулку. Неожиданно начался шторм. Все разбежались по каютам. Вдруг с палубы донесся еле слышный, заглушаемый ветром крик:

— Помогите! Помогите!

2. На палубе я увидел резинку. Она лежала у самого борта теплохода. Когда я наклонился к ней, она сказала, что кто-то ударил ее сзади и сбил с ног.

3. Я обошел все каюты карандашей.

— Я все время был в каюте. Вы видите, я пишу письмо своему другу,— сказал зеленый карандаш.

4. — Нет, нет, мы никуда не выходили,— сказали мне карандаши-шахматисты: они собирали с пола сброшенные качкой и рассыпавшиеся фигуры.

Тогда я пошел к капитану и попросил взять под стражу одного из карандашей. Какой это был карандаш, как вы думаете?

ЦИФРОБОЛ

Срочно надо заменить Барса!

Вас ждут на поле!

Испытайте свои силы!

В последней встрече с «Тигром» центральный нападающий команды «Пантера» подвернул ногу и не смог играть.

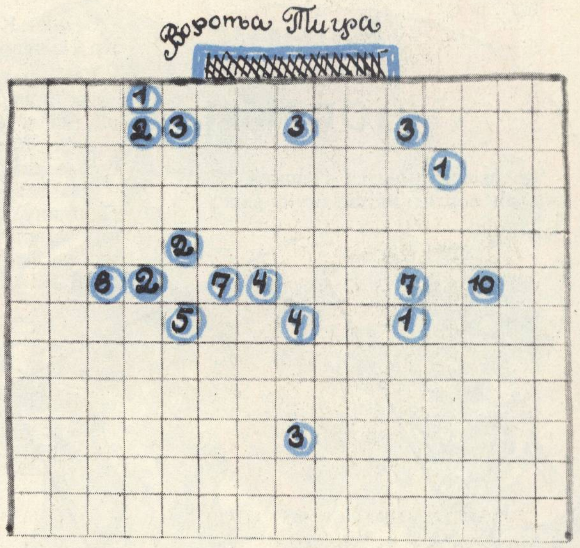
Кем заменить футболиста? Вы тоже можете принять участие в конкурсе. Вот его условия.

Перед вами половина поля с воротами «Тигра». Забейте мяч! Для этого ведите его с центра поля. Центр поля обозначен кружком с цифрой 3. Это значит, что вы можете передвинуться прямо на любые три клетки вверх, вниз, направо, налево и по любой диагонали. Если вы заняли пустую клетку, значит, вы потеряли мяч. Если вы попали на новый кружок с цифрой, то вы можете двигаться вперед по тем же правилам. Ваша цель: занять такую позицию, из которой можно послать мяч в ворота. Для этого нужно, чтобы мяч попадал в одну из клеточек ворот точно на последнем счете. (Нельзя, например, забить гол по прямой с кружка 7, так как клетка ворот будет по счету шестая!)

Конечно, не так просто найти правильную позицию. Но разве футболистам на поле легче!

Запомните правила игры в цифробол и при ответе не забудьте указать последовательность цифр, по которым вы двигались. Желаем удачи! Имена лучших нападающих мы опубликуем в «Палате ума».

Примечание: из приведенной на поле позиции можно забить два гола.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Ответы на задачи из № 5

«ПАНТЕРА» ОТКРЫВАЕТ СЧЕТ»

На первой линии игроки под номерами 4, 3 и 8. Сумма этих цифр равна пятнадцати. Значит, игрок, забивший гол, был под номером 8.

«ЧЬЯ ВОЗЬМЕТ?»

На третьем рисунке замените двух пиратов равными им по силе двумя овцами и осленком, у вас получится: ос, о, о, о, о, о⟷о, ос, ос, ос, ос.

Уберите слева пять овец, а справа четырех ослят. Это можно сделать, так как на первом рисунке их силы равны. У вас останется: ос⟷о, то есть осленок против овцы. Кто же из них сильнее? Конечно, осленок, ведь на первом рисунке **четыре** осленка равны по силе **пяти** овцам, значит, каждый осленок сильнее одной овцы. Из этого следует, что левая сторона обладает небольшим перевесом в силе и должна победить.

«ТЯНУТЬ ИЛИ ТОЛКАТЬ?»

Рычаг нужно толкать от себя.

Задачи **«ВЫРУЧАЙТЕ ЖИВЖИВКУ!»** и **«НА ШТУРМ РЕДИСКИ»** все ребята решили правильно.

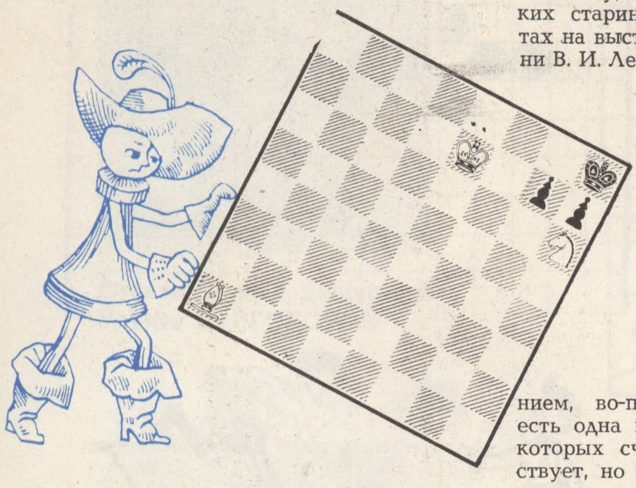
Спорный снимок

Заяц с уткою дружил,
Свой портрет ей подарил.
Утка крякнула:
— Мы все же
Удивительно похожи!
Заяц злится не на шутку:
— Разве я похож на утку?!
Этот спор решите сами,
Два портрета перед вами.

Вверх ногами

Чем это занимается Пешкин? Зачем он вертит шахматную доску?

Не удивляйтесь. Пешкин собрался решать задачу русского мастера А. В. Галицкого, составленную около ста лет назад.

На этой диаграмме белые, начиная игру, дают мат в три хода. А если повернуть доску «вверх ногами», перед вами окажется такая позиция:

белые: Крd2, Сh8, Ка3; черные: Кр а1, пешки а2, b2.

Как видите, обстановка изменилась: пешки черных вот-вот прорвутся в ферзи. Но задание остается прежним: начиная игру, белые дают мат в три хода.

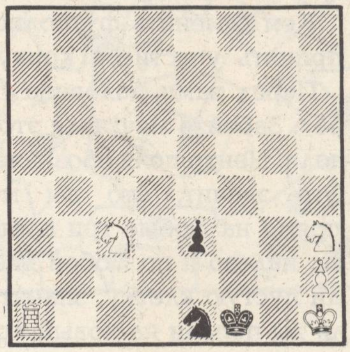
Эта остроумная задача попалась Пешкину, когда он рылся в редких старинных книгах о шахматах на выставке в Библиотеке имени В. И. Ленина.

Пешкина очень заинтересовала первая русская книга, вышедшая в Петербурге в 1821 году. Автор ее И. Г. Бугримов. Вот что он писал о шахматах:

«Не распространяясь в похвалах сей игре, превознесенной многими прозою и стихами, я ограничусь только указанием, во-первых, на то, что она есть одна из тех немногих игр, в которых счастье нимало не участвует, но все зависит от рассуждения и предусмотрительности, и, во-вторых, что шахматы издавна составляют любимую забаву славнейших людей. В сем заметим сверх приятного проведения времени есть и польза, подобная, может быть, происходящей от изучения математики, со стороны получаемой **привычки к рассуждению».**

«Привычка к рассуждению»

Без этой привычки не обойтись, решая задачу, которую Пешкин тоже нашел на выставке.

Игру начинают белые, они дают мат в три хода черному королю.

В задаче есть секрет, поэтому Пешкин вам чуть-чуть подскажет, как подойти к этой позиции.

Решив задачу, поставьте на доске не начальную позицию, кото-

Содержание

Главный редактор С. А. ФУРИН.

Редакционная коллегия:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **Ф. М. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ** (заместитель главного редактора), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Э. С. СОКОЛОВА.**

Адрес для писем: 101459. Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор
В. В. ВАНТРУСОВ.

Сдано в набор 29/III 1972 г. А 00923.
Подписано к печати 12/V 1972 г.
Формат бумаги 84×60⅛.
9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1135.
Заказ № 2797.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

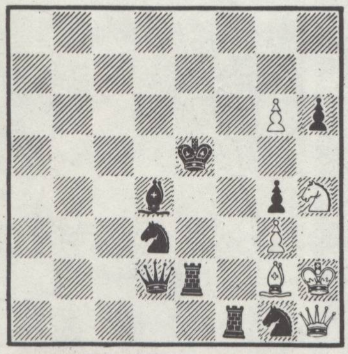
рую вы видите на диаграмме, а ту, которая сложилась после первого хода белых. Перед вами новая задача, а задание прежнее: мат в три хода.

«Скахо-графические» задачи

Русский мастер И. С. Шумов собрал в своей книге «скахографические» задачи.

Слово это образовано из двух греческих слов: scacho (шахматы) и grapho (пишу). Своими задачами Шумов откликался на события общественной жизни и к некоторым из них давал стихотворные пояснения.

Так, например, когда в 1879 году английские колонизаторы напали на африканское племя зулу и произошло сражение, в котором захватчики получили достойный отпор, Шумов составил задачу по этому поводу. Вот она перед вами.

Война Англии с зулу

Белые — англичане, черные — зулу (1879).

Черные начинают. Мат в три хода.

В борьбе ужасной много пало
Любителей чужой земли,
И черных тысячи легли.
Зато положено начало
К восстанию других племен,
К вопросам будущих времен.
Не одному еще народу
Укажет этот «шах и мат»,
Как «друга» осадить назад
И возвратить себе свободу.

Итак, черные начинают и дают мат в три хода. Каким образом?

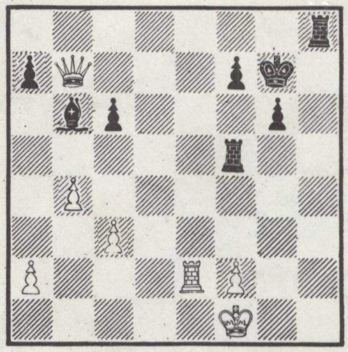
75 и 200 000

Пешкин узнал, что в царской России школьникам запрещалось ходить в шахматные клубы. И книги о шахматах издавались крохотными тиражами. Так, например, в 1901 году было издано всего 75 экземпляров книги мастера Галицкого.

Вообще до Великой Октябрьской революции любителей шахмат в России было очень мало. А сейчас учебники для начинающих шахматистов выходят тиражом в 200 000 экземпляров на восемнадцати языках народов нашей страны.

Наташа Гасюнас — чемпион СССР

На шахматном первенстве страны среди девочек смело и изобретательно играла пятнадцатилетняя Наташа Гасюнас из Житомира. Она заняла первое место в турнире и стала чемпионкой СССР.

Эта позиция возникла в партии, которую играли Таня Костина (Могилев) и Наташа Гасюнас.

Ферзь белых в «офсайде», он не принимает участия в обороне своего короля. Наташа воспользовалась этим для атаки.

Игра продолжалась так: 50... Лh8—h2 51. Фb7 : c6 Сb6 : f2 52. Фс6—e4 Сf2—g3+ 53. Крf1—g1 Лh2—h4 54. Фе4—d3 Лh4—g4 55. Крg1—g2 Сg3—e1+ 56. Крg2—h3 Лg4—h4+ 57. Крh3—g2 Лf5—g5+ 58. Крg2—f3 Лg5—g3 мат.

Пешкин советует всем внимательно разобрать окончание этой партии. Подумайте, могла ли Таня защищаться лучше? Как надо было играть белым? Какие их ходы были ошибочными?

Внимание, участники конкурса!

В этом номере напечатаны последние конкурсные задачи Пешкина. Пешкин желает всем с успехом прийти к финишу заочного соревнования и ждет ваших писем, ребята.

Цена 25 коп.

Индекс 70694

Фотографии

В. ПОСТНИКОВА,

Г. ДМИТРИЕВА.

